

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Тарасенко Тарас Николаевич

Метафизика Дэвида Армстронга

Специальность 5.7.2. История философии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:
кандидат философских наук,
Беседин Артем Петрович

Москва – 2026

Оглавление

Введение	4
Глава первая. Дэвид Малет Армстронг	18
§1 Детство и раннее образование	19
§2 Сиднейский университет	23
§3 Оксфорд	29
§4 Начало академической карьеры	33
§5 Возвращение в Сидней и зрелые годы	41
Глава вторая. Мир положений дел	54
§1 Супервентность и тождество	54
1.1 Супервентность	54
1.2 Тождество	59
§2 Онтологический набросок	64
§3 Проблема универсалий	69
3.1 Апостериорный реализм Армстронга	72
3.2 Как различать партикулярии и универсалии?	75
3.3 Какая связь существует между партикуляриями и универсалиями? ...	77
3.4 Какие именно универсалии являются реально существующими?	79
3.5 Почему не номинализм?	80
§4 Факторы истинности	84
4.1 Что является носителями истины?	84
4.2 Что является факторами истинности?	86
4.3 Какое отношение существует между носителями истины и факторами истинности?	87
4.4 Как понимать соответствие «многие—ко—многим»?	89
4.5 Максимализм в отношении факторов истинности	90
§5 Возможные миры	97
5.1 Конкретизм	98
5.2 Абстракционизм	100
5.3 Комбинаториализм	102
Глава третья. Причинность и законы природы	119
§1 Метафизика причинности	119

1.1 Общая рамка обсуждения метафизики причинности	119
1.2 Теоретический реализм в отношении причинности	122
1.3 Стук в открытую дверь	130
§2 Законы природы.....	139
2.1 Что такое законы природы?	139
2.2 Номологический реализм.....	141
2.3 Отношение номической необходимости и типы положений дел.....	143
2.4 Критика регулярностных теорий.....	148
2.5 Критика подхода лучших систем.....	151
2.6 Что такое законы природы	154
Глава четвёртая. Философия сознания.....	156
§1 Каузальная теория тождества.....	156
§2 Контингентное тождество и угроза дуализма	161
§3 Иллюзионистское объяснение квалиа.....	167
§4 Проблема интенциональности.....	175
Заключение.....	180
Список литературы.....	185
Приложение 1.....	199
Приложение 2.....	206
Список упомянутых в диссертации физических и юридических лиц со специальным статусом.....	206

Введение

Актуальность темы исследования

Актуальность историко-философского исследования метафизики Дэвида Армстронга обусловлена несколькими факторами:

Во-первых, такое исследование позволяет яснее увидеть историко-философский контекст современной аналитической метафизики. Анализ метафизических идей Армстронга позволяет лучше понять ключевые течения и дискуссии двадцатого века, а также их влияние на сегодняшние философские споры. Это особенно важно для реконструкции развития аналитической философии и её взаимодействия с другими направлениями. Наконец, обращение к работам Армстронга даёт более точное представление об истории философии двадцатого века и о вкладе австралийской философской традиции в мировую мысль.

Во-вторых, философия Армстронга обладает непосредственной теоретической актуальностью и важностью для современных дискуссий. Его разработки и идеи в области метафизики причинности, метафизики возможных миров, философии сознания и метафизики истины — это передний край философской мысли, и потому требуют серьёзного осмысления. Большая часть вопросов, которые рассматривал Армстронг, — это классическая философская проблематика: фундаментальная природа мира, проблема универсалий, метафизика времени, проблема восприятия — по всем этим темам его идеи могут быть полезны в рамках современных исследований.

В-третьих, уже сейчас можно говорить о значительном влиянии Армстронга на последующую, то есть современную философию. В наиболее авторитетных философских энциклопедиях его подходы и аргументы регулярно обсуждаются в статьях по ключевым темам, к которым он обращался. Идеи Армстронга продолжают влиять на современных философов. Его работы служат отправной точкой во многих исследованиях в области метафизики, эпистемологии и в других областях философии.

В-четвёртых, актуальность исследования связана с общей ориентацией Армстронга на междисциплинарность и взаимодействие философии с другими науками. Хотя в своих работах Армстронг по большей части использует классическую философскую методологию, для анализа тех или иных философских проблем он постоянно обращается к актуальным данным естественных наук, будь то теоретическая физика, дающая ему основания для принятия четырёхмерного подхода в метафизике времени, или современная нейробиология, помогающая обосновать связь сознания и мозга. Часть своих философских размышлений он завершает прямой апелляцией к науке будущего, которая посредством новых открытий должна предоставить нам факты, позволяющие вынести тот или иной метафизический вердикт, например, о количестве партикулярий и универсалий, а также о возможности их неограниченной рекомбинации. Взаимодействие между наукой и философией всегда было одной из наиболее значимых тем, затрагивающих фундаментальные вопросы методологии. Подобный подход может быть полезен и в современных философских исследованиях, связанных со сложными проблемами.

Таким образом, актуальность историко-философского исследования работ Дэвида Армстронга заключается в их значимости для понимания истории философии, развития метафизической мысли, влияния его идей на современные философские дискуссии и развития философской методологии.

Степень разработанности темы исследования

В русскоязычной литературе метафизика Дэвида Армстронга, как правило, обсуждается не сама по себе, а в более широком контексте истории аналитической философии и её ключевых тематических направлений. Такой контекст задают монографии и обзоры по англоязычной аналитической традиции, в которых обсуждаются реализм и натурализм, онтология и философия науки, философия сознания, спор об универсалиях, проблема законов природы и связанные с ними методологические установки. В этом ряду показателен корпус работ

А. Ф. Грязнова¹, Д. И. Дубровского², Т. А. Дмитриева³, М. А. Лебедева и А. З. Черняка⁴, Г. Д. Левина⁵, Л. Б. Макеевой⁶, А. Л. Никифорова⁷, С. В. Никоненко⁸, В. Н. Поруса⁹, Н. С. Юлиной¹⁰, а также коллективные обзоры¹¹. В этих исследованиях Армстронг почти никогда не выступает как центральная фигура: его идеи появляются точечно — как один из ориентиров в обсуждении универсалий, законов природы или материалистических программ. Тем не менее отдельные линии получают более пристальное внимание; так, в книге В. В. Васильева «Трудная проблема сознания»¹² армстронговская позиция в философии сознания анализируется достаточно подробно, но уже в рамках общей карты современных подходов к проблеме сознание-тело.

Русскоязычные тексты, непосредственно посвящённые Армстронгу, пока немногочисленны и носят преимущественно «точечный» характер, закрывая отдельные тематические окна его метафизики. Н. А. Блохина сопоставляет онтологию Армстронга с аристотелевской линией, показывая, что сходство с «аристотелизмом» у Армстронга не сводится к простому воспроизведению классических схем и требует анализа различий в онтологических предпосылках¹³. В. В. Васильев в своей статье рассматривает Армстронга в контексте новейшей философии сознания, связывая его материалистические решения с более широким

¹ Грязнов А. Ф. Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006.

² Дубровский Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Стратегия-Центр, 2007.

³ Дмитриев Т. А. Нельсон Гудмен, Уиллард Куайн. М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001.

⁴ Черняк А. З., Лебедев М. А. Онтологические проблемы референции. М.: Праксис, 2001.

⁵ Левин Г. Д. Проблема универсалий. Современный взгляд. М.: Канон+, 2005.

⁶ Макеева Л. Б. Философия Х. Патнэма. М.: Институт философии РАН, 1996.

⁷ Никифоров А. Л. История и философия науки. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2008.

⁸ Никоненко С. В. Английская философия XX века. СПб.: Наука, 2003.

⁹ Порус В. Н. Рациональность. Наука. Культура. М.: Университет Российской Академии образования, 2002.

¹⁰ Юлина Н. С. Проблема метафизики в американской философии XX века: критический очерк эмпирико-позитивистских течений. М.: Наука, 1978; Юлина Н. С. Очерки по современной философии сознания. М.: Канон+, 2014.

¹¹ Лебедев М. В. и др. Аналитическая философия. М.: РУДН, 2006.

¹² Васильев В. В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

¹³ Блохина Н. А. Онтология Дэвида Армстронга и Аристотеля: незеркальное отражение // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2014. № 4. С. 65–82.

спектром позиций и проблем¹⁴. А. А. Собанцев фокусируется на армстронговском понятии «положения дел» и на том, как через него строится стратегия факторов истинности в рамках армстронговской онтологии¹⁵. Д. С. Самуков выделяет в качестве центрального предмета армстронговскую концепцию законов природы, тем самым фиксируя ещё одну линию русскоязычной рецепции — через философию науки и онтологию номологической необходимости¹⁶.

Тем не менее специальные исследования философии Армстронга представлены главным образом в англоязычной литературе, и именно она определяет современный уровень разработанности этой темы. Классическим ориентиром здесь остаётся сборник под редакцией Р. Богдана¹⁷, в котором Армстронг рассматривается «по узлам» — через ключевые компоненты его системы и их критическое обсуждение. Д. Х. Санфорд разбирает армстронговскую теорию восприятия как самостоятельный теоретический проект и обсуждает её мотивацию и трудности¹⁸. Д. М. Розенталь анализирует причинно-функциональный (каузальный) контур армстронговского материализма в философии сознания, показывая, как устроена его объяснительная стратегия и где возникают напряжения¹⁹. С. П. Стич берёт в качестве тестового случая армстронговский анализ убеждения и выдвигает критику самой идеи функционального «схватывания» содержания убеждений в предложенной Армстронгом форме²⁰. У. Дж. Лайкан реконструирует армстронговскую теорию знания и помещает её в контекст последующих разработок в эпистемологии, оценивая её как одну из

¹⁴ Васильев В. В. Д.М. Армстронг и новейшая философия сознания // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2005. № 5. С. 78.

¹⁵ Собанцев А. А. Положения дел как факторы истинности в онтологии Д. Армстронга // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. 2010. Т. 4. № 83. С. 186–194.

¹⁶ Самуков Д. С. Концепция законов природы Дэвида Армстронга // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2021. № 2. С. 182–186.

¹⁷ Bogdan R. J. D. M. Armstrong // ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984.

¹⁸ Sanford D. H. Armstrong's Theory of Perception // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 55–78.

¹⁹ Rosenthal D. M. Armstrong's Causal Theory of Mind // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 79–120.

²⁰ Stich S. P. Armstrong on Belief // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 121–138.

ранних систематических попыток объяснить знание через связь убеждения, истинности и надёжности когнитивных процессов²¹. Б. Оун обсуждает армстронговский реализм в отношении универсалий и соотношение универсалий и партикулярий, концентрируясь на том, какие онтологические обязательства влечёт армстронговская программа и насколько они оправданы²². Дж. Эрман рассматривает армстронговскую концепцию законов природы на фоне эмпиристской (юмианской) традиции и формулирует возражения, которые эта традиция предъявляет реалистическим теориям законов²³. Наконец, М. М. Твидейл анализирует армстронговскую трактовку разных типов универсалий и её связь с пониманием законов природы и модальности, вынося на первый план системные последствия выбранной Армстронгом онтологической схемы²⁴. Важная особенность сборника — наличие ответов самого Армстронга, благодаря чему критика фиксируется не только «снаружи», но и в форме авторских уточнений и защиты исходных ходов.

Специальный выпуск Австралийского философского журнала, подготовленный П. Анстеем²⁵, представляет собой один из наиболее ценных коллективных источников по поздней рецепции Армстронга. Выпуск вырос из тематической секции конференции *Australasian Association of Philosophy* 2005 года и был приурочен к восьмидесятилетию философа; по своему устройству он особенно показателен тем, что соединяет критические статьи о разных узлах его системы с ответами самого Армстронга, фиксируя тем самым не только внешнюю оценку его идей, но и их авторскую позднюю защиту и переинтерпретацию. В статьях этого выпуска интерес исследователей заметно смещён к поздней

²¹ Lycan W. G. *Armstrong's Theory of Knowing* // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 139–160.

²² Aune B. *Armstrong on Universals and Particulars* // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 161–169.

²³ Earman J. *Laws of Nature: The Empiricist Challenge* // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 191–223.

²⁴ Tweedale M. M. *Armstrong on Determinable and Substantial Universals* // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 171–189.

²⁵ *The Philosophy of D. M. Armstrong* // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. Guest editor: Peter Anstey.

аналитической метафизике Армстронга, хотя сам он открывает выпуск статьёй по эпистемологии, где защищает муровское понимание оснований знания, отводит философии более скромный статус по сравнению с математикой и естественными науками и формулирует идеал эпистемической сдержанности²⁶.

Дж. Дж. С. Сمارт, развивая армстронговский мотив «иллюзии безголовой женщины», обсуждает целый класс метафизических иллюзий — иллюзию нефизичности ментального, течение времени, либертарианскую свободу воли, открытость будущего и невыразимость сознания, — стремясь показать, что во всех этих случаях ложные онтологические выводы подпитываются сильным психологическим давлением²⁷. Р. Суинберн, исходя из критики армстронговской теории законов как отношений между универсалиями, утверждает, что интенциональная причинность не укладывается в такую схему и что более глубоким объяснением регулярностей природы может выступать божественное агентное основание²⁸. Дж. Рисслер ставит вопрос о том, нужны ли Армстронгу положения дел после его поворота к тезису о частичном тождестве универсалий и партикулярий, и показывает, что их статус в поздней версии системы становится существенно менее очевидным²⁹. П. Форрест критикует армстронговскую супервентностную теорию инстанциации и, отвергая также трактовку инстанциации как примитивного отношения, развивает альтернативную «операторную» теорию, согласно которой универсалии следует понимать как операторы, действующие на партикулярии и тем самым образующие положения дел³⁰.

²⁶ Armstrong D. M. The Scope and Limits of Human Knowledge // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 159–166.

²⁷ Smart J. J. C. Metaphysical Illusions // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 167–175.

²⁸ Swinburne R. Relations between Universals, or Divine Laws? // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 179–189.

²⁹ Rissler J. D. Does Armstrong Need States of Affairs? // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 193–212.

³⁰ Forrest P. The Operator Theory of Instantiation // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 213–228.

Значительное место в выпуске занимает дискуссия о факторах истинности. Дж. Хейл считает, что армстронговское обращение к фактам тотальности и пропозициям выдаёт сохраняющуюся зависимость его онтологии от языка и свидетельствует о методологическом сбое³¹. К. Чейн и Ч. Пигден, напротив, пытаются сохранить максимализм теории факторов истинности без принятия отрицательных фактов, утверждая, что отрицательные истины могут иметь положительные факторы истинности, если мыслить последние достаточно широко³². Д. Эфёрд и Т. Стоунем защищают совместимость армстронговского комбинаториализма с возможностью пустого мира и тем самым используют частный модальный вопрос как тест для всей метафизики возможности³³. Л. Фризен критикует армстронговский анализ естественных классов универсалий, полагая, что он не способен исключить произвольные классы³⁴, а Э. Магалхейз обсуждает трудности тезиса о пространственно-временном расположении универсалий и пытается прояснить, в каком именно смысле имманентный реализм может удерживать такую характеристику³⁵. В результате выпуск даёт не просто набор разрозненных замечаний к Армстронгу, а концентрированную картину того, какие элементы его позднего метафизического проекта — инстанциация, положения дел, законы природы, факторы истинности, модальность и статус универсалий — оказались главными точками напряжения в англоязычной литературе середины 2000-х годов.

Наиболее полно рецепция философских разработок Армстронга представлена в монографии С. Мамфорда³⁶, ценной именно как цельный обзор его

³¹ Heil J. The Legacy of Linguisticism // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 233–244.

³² Cheyne C., Pigden C. Negative Truths from Positive Facts // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 249–266.

³³ Efird D., Stoneham T. Combinatorialism and the Possibility of Nothing // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 269–280.

³⁴ Friesen L. Natural Classes of Universals: Why Armstrong's Analysis Fails // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 285–296.

³⁵ Magalhaes E. Armstrong on the Spatio-Temporality of Universals // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 301–308.

³⁶ Mumford S. *David Armstrong*. Stocksfield: Acumen Publishing, 2007.

метафизического проекта. В ней Армстронг предстаёт не как автор отдельных тезисов (об универсалиях, законах или факторах истинности), а как систематический метафизик, пытающийся связать эти элементы в единую картину натуралистической онтологии. Мамфорд последовательно показывает, как у Армстронга взаимно поддерживают друг друга реализм об универсалиях, теория законов природы, трактовка модальности и онтология положений дел, и тем самым задаёт «скелет» для дальнейшего критического анализа.

Современное состояние разработанности темы иллюстрирует коллективная монография П. Анстея и Д. Браддона-Митчелла³⁷, посвящённая армстронговской материалистической теории сознания. Она работает сразу в двух режимах: с одной стороны, уточняет историко-философское значение армстронговской программы для материализма в философии сознания, а с другой — обсуждает, какие элементы этой программы сохраняют теоретическую продуктивность в современных дебатах и где требуются принципиальные перестройки.

В результате можно констатировать следующую картину разработанности: англоязычная традиция предлагает и обширный корпус критической рецепции с прямой авторской реакцией³⁸, и систематический обзор большей части философской системы Армстронга³⁹, и современные специализированные исследования отдельных узлов⁴⁰. Русскоязычная литература, при наличии важных тематических статей, в основном дополняет эту картину, но редко предоставляет развёрнутую реконструкцию Армстронга как систематического метафизика; поэтому полноценное описание степени разработанности темы неизбежно опирается прежде всего на англоязычный корпус работ.

Цель исследования

³⁷ Anstey P. R., Braddon-Mitchell D. *Armstrong's Materialist Theory of Mind*. Oxford: Oxford University Press, 2022.

³⁸ Bogdan R. J. D. M. *Armstrong* / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984; *The Philosophy of D. M. Armstrong* // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. Guest editor: Peter Anstey.

³⁹ Mumford S. *David Armstrong*. Stocksfield: Acumen Publishing, 2007.

⁴⁰ Anstey P. R., Braddon-Mitchell D. *Armstrong's Materialist Theory of Mind*. Oxford: Oxford University Press, 2022.

Целью исследования является реконструкция и критическое осмысление метафизического проекта Дэвида Армстронга.

Задачи исследования

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

1. Реконструировать онтологию Дэвида Армстронга, уточнив, какие сущности он признаёт существующими, в каком онтологическом статусе они существуют и как в рамках его системы соотносятся положения дел, партикулярии и универсалии.
2. Реконструировать теорию факторов истинности Дэвида Армстронга и определить, какую роль она играет в структуре его метафизического проекта, в частности в обосновании его онтологических тезисов, понимания законов природы и решения проблем, связанных с негативными фактами и модальностью.
3. Реконструировать комбинаториалистскую модальную метафизику Дэвида Армстронга и проанализировать её объяснительные возможности и ограничения в сопоставлении с альтернативными теориями модальности, прежде всего с точки зрения онтологической экономии, внутренней последовательности и способности обосновывать модальные истины.
4. Реконструировать теорию причинности и теорию законов природы Дэвида Армстронга и проанализировать, как соотносятся эти элементы в структуре его метафизического проекта.
5. Реконструировать и проанализировать теорию сознания Дэвида Армстронга в свете развития материалистических теорий сознания в последней трети XX — первой четверти XXI века, уточнив её место в этом контексте и степень её значимости для современных дискуссий, в особенности в связи с иллюзионистскими подходами и вопросом о возможности их использования для модификации позиции Армстронга.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются философские взгляды Дэвида Армстронга, изложенные в опубликованных работах.

Предметом исследования является метафизический проект Дэвида Армстронга.

Научная новизна настоящего исследования состоит в следующем:

1. Впервые предпринята попытка комплексной реконструкции метафизического проекта Д. М. Армстронга в его позднейшей версии, выполненная с учётом всего корпуса опубликованных работ, включая последние издания и поздние публикации, а также учитывающая актуальную исследовательскую литературу.
2. Дано авторское систематическое объяснение того, как единый онтологический каркас Армстронга (мир как совокупность положений дел; партикулярии и универсалии как их конститuenty) организует его решения в проблемах универсалий, законов природы, причинности и сознания.
3. Произведена оригинальная критическая проработка максималистской теории факторов истинности Армстронга на «сложных случаях» (негативные, модальные и математические истины), включая анализ его стратегии с фактами полноты и принципом следования.
4. Произведены оригинальная реконструкция и авторский анализ комбинаториалистской модальной метафизики Армстронга; уточнены её преимущества относительно конкурирующих программ и зафиксированы её характерные ограничения.
5. Проведена ранее отсутствовавшая в русскоязычном обсуждении экспликация внутренней связи армстронговской реалистической причинности с его реалистической теорией законов природы, как самостоятельного теоретического узла.
6. Предложена оригинальная авторская интерпретация и частичная модификация армстронговской теории сознания: обоснован отказ от контингентного тождества в пользу супервентностного решения для

снятия дуалистического прочтения, а также разработано иллюзионистское прочтение как способ разрешения проблемы квалиа.

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая значимость работы заключается в том, что настоящее исследование вносит вклад в историко-философское изучение аналитической философии двадцатого века и современной метафизики. Работа позволяет точнее реконструировать место Дэвида Армстронга в истории философии, прояснить внутреннюю логику его метафизического проекта и уточнить характер связи между его онтологией положений дел, теорией универсалий, теорией законов природы, теорией причинности, модальной метафизикой и философией сознания. Результаты исследования имеют значение также для дальнейшего изучения истории аналитической философии, проблем реализма, натурализма и физикализма, а также для более точного понимания взаимодействия между философским анализом и научной картиной мира.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы и выводы могут быть использованы в дальнейших исследованиях по истории аналитической философии, современной метафизике, философии сознания и философии науки, а также в преподавании общих и специальных курсов по истории философии, аналитической философии, онтологии, метафизике, философии сознания и смежным дисциплинам.

Методологическая основа исследования

1. Метод историко-философской реконструкции. Этот метод опирается на самостоятельный анализ философских работ Дэвида Армстронга и направлен на выявление внутренней логики его метафизического проекта, взаимосвязи его основных положений и принципов построения его философской системы. Реконструкция осуществляется на основе анализа первоисточников с учётом как эволюции взглядов Армстронга, так и системного характера его зрелой позиции. Обращение к исследовательской литературе необходимо для уточнения существующих интерпретаций, их

сопоставления с первоисточниками и более точного определения места спорных вопросов в современной рецепции философии Армстронга.

2. Метод историко-философского анализа. Этот метод используется для рассмотрения философии Армстронга в историко-философском контексте её формирования. Он позволяет установить, в связи с какими направлениями, традициями и линиями влияния складывалась его позиция, какие интеллектуальные предпосылки имели для неё значение и каким образом она соотносится с основными тенденциями аналитической философии второй половины XX — начала XXI века. Использование данного метода даёт возможность рассматривать философию Армстронга не изолированно, а как значимое явление в истории современной метафизики.
3. Метод сравнительного анализа. Этот метод используется при сопоставлении конкретных положений, аргументов и концептуальных решений Армстронга с соответствующими позициями других философов, а также при сопоставлении различных этапов развития его собственных взглядов. Такое сопоставление позволяет точнее определить специфику его подхода, выявить пункты совпадения и расхождения, а также уточнить степень оригинальности и теоретической значимости предложенных им решений. Если историко-философский анализ обращён прежде всего к контексту формирования позиции, то сравнительный анализ — к её содержательному соотношению с другими философскими концепциями.
4. Метод концептуального анализа. Этот метод применяется для уточнения содержания используемых в исследовании понятий, их разграничения и определения их места в структуре рассматриваемых философских построений. Концептуальный анализ позволяет прояснить смысл терминов в тех контекстах, в которых они функционируют у Армстронга и в исследовательской литературе, а также избежать терминологической неопределённости при реконструкции и анализе его взглядов. Благодаря этому достигается большая точность в изложении философских позиций и в их последующей интерпретации.

Положения, выносимые на защиту

1. Физикализм Армстронга определяется признанием онтологического приоритета пространственно-временных положений дел: «мир» отождествляется с пространственно-временной системой всех положений дел, тогда как партикулярии и универсалии вводятся как абстрагируемые от них компоненты, а не как самостоятельные трансцендентные сущности. В этой схеме номический порядок обеспечивается реальными законами природы, а вопрос о подлинных универсалиях и законах решается апостериори.
2. Армстронг отстаивает максималистскую теорию факторов истинности, согласно которой всякой истине должен соответствовать некоторый фрагмент реальности, делающий её истинной. Именно поэтому абстрактные сущности могут быть допущены в его системе лишь постольку, поскольку истины о них имеют онтологическое основание в структуре мира. Эта установка определяет и его решение проблемы негативных и общих истин, то есть вопроса о том, что в мире делает истинными отрицательные и общие высказывания. Однако предложенное им решение через факты полноты (факты лимитов) не гарантирует заявленной онтологической экономии: если число партикулярий и универсалий неопределённо или возможно бесконечно, количество ограничивающих фактов тоже может оказаться бесконечным, и тогда устранение негативных фактов оборачивается проблемой сравнения бесконечностей.
3. Комбинаторные миры, построенные на асимметричном отношении достижимости, связанным с возможностью удаления элементов, но без возможности привнесения, не могут быть структурным и семантическим аппаратом для модальности, где требуется устойчивость контингентности, а потому согласование поздней стратегии факторов истинности для модальных истин с комбинаторной картиной требует одного из трёх ходов: разведения модальностей, отказа от фактивности оператора необходимости, либо смены модельного аппарата.

4. Реалистическая теория причинности Дэвида Армстронга предоставляет ему фундамент для построения реалистической теории законов природы: каждый случай единичной причинности понимается как инстанциация некоторого закона, а инстанциации законов и случаи единичной причинности трактуются как тождественные друг другу.
5. Контингентное тождество сознания и тела в армстронговской теории оставляет логическую возможность «феноменальных зомби» и тем самым открывает «короткий путь» к дуализму свойств, то есть создаёт внутреннюю угрозу физикалистскому ядру проекта. Иллюзионистская интерпретация теории Армстронга в значительной мере продолжает собственную логику его аргументации и позволяет предложить более надёжное решение проблемы объяснения квалиа, чем реалистическая.

Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования

Основой исследования является анализ полного корпуса сочинений Дэвида Армстронга, с учётом повторных изданий. В работе также используется широкий корпус специализированной литературы. Применяются релевантные историко-философские методы анализа.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории зарубежной философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Основные положения и результаты исследования отражены в выступлениях автора и прошли обсуждение на академических семинарах и конференциях, среди которых:

1. Некоторые трудности теории сознания Дэвида Армстронга (Устный). Автор: Тарасенко Т.Н. III Конгресс Русского Общества истории и философии науки «После постпозитивизма», Саратов, Россия, 9 сентября 2022.
2. Теория законов природы Дэвида Армстронга (Устный). Автор: Тарасенко Т.Н. История западной философии: классика и современность, МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет, Россия, 17 ноября 2022

3. Дэвид Армстронг об истине (Устный). Автор: Тарасенко Т.Н. История философии: находки и интерпретации. История аналитической философии, Философский факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Россия, 22 сентября 2023
4. Армстронг, истина и возможные миры (Устный). Автор: Тарасенко Т.Н. Западная философская мысль XX–XXI вв. История идей и учений. Сектор современной западной философии Института философии РАН, Россия, 03 февраля 2026.

По теме диссертации было опубликовано 6 научных статей общим объемом 10 а. л., в том числе 4 в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

Глава первая. Дэвид Малет Армстронг

Эта глава в значительной степени опирается на автобиографический очерк Армстронга⁴¹, написанный им для сборника в серии Профайлы⁴². Вместе с тем содержащиеся в этом очерке биографические сведения, где это было возможно, были сопоставлены с внешними биографическими и институциональными источниками, а изложение дополнено материалами, относящимися к более позднему периоду жизни и творчества философа. Такой подход позволяет использовать очерк Армстронга не только как ценный источник фактических сведений, но и как свидетельство его собственного понимания своей интеллектуальной траектории, одновременно помещая это свидетельство в более широкий биографический и историко-философский контекст. Знакомство с деталями жизненного и творческого пути Армстронга позволяет лучше понять внутреннюю логику формирования его философских интересов. Основная цель моей работы — реконструировать метафизический проект Армстронга не в его

⁴¹ Armstrong D. M. Self-Profile // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 3–51.

⁴² Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984.

становлении, но в его завершённой версии, этот раздел может представлять особенный интерес для тех, кого интересует поэтапное развитие взглядов философов. Здесь будут кратко намечены основные линии перехода Армстронга от одних философских проблем к другим, но здесь не будет детального анализа его позиций по тем или иным вопросам — эта работа проделывается в оставшейся части моего текста.

§1 Детство и раннее образование

Дэвид Малет Армстронг родился 8 июля 1926 года в Мельбурне, штат Виктория, Австралия⁴³. Он был старшим из трёх детей: его брата звали Филипп, а сестру Сюзанна⁴⁴. Его отец, Джон Малет Армстронг, офицер австралийского флота, родился и вырос в Сиднее, в семье Уильяма Джорджа Армстронга, врача, впоследствии ставшего главой здравоохранения Нового Южного Уэльса⁴⁵. По отцовской линии семья Армстронга была тесно связана с островом Джерси; этим, по-видимому, объясняется знакомство его родителей: мать, Филиппа Сюзанн Маретт, была уроженкой Джерси⁴⁶. Дед Армстронга по материнской линии, Роберт Ранульф Маретт, был оксфордским антропологом; в молодые годы он был связан с Баллиол-колледжем и кругом Бенджамина Джоуэтта, а позднее стал ректором Эксетер-колледжа⁴⁷.

Из-за жизни в семье военного взросление Армстронга происходило не только в Австралии. Когда его отец получил повышение, его отправили по обмену в Королевский военно-морской флот, что привело семью в Англию в 1936 году. Во время их пребывания в Оксфорде Армстронг вместе с братом и сестрой посещал

⁴³ Campbell K. David Malet Armstrong (8 July 1926 – 13 May 2014) // Australasian Journal of Philosophy. 2014. Vol. 92. No. 3. P. 617–618.

⁴⁴ Armstrong D. M. Self-Profile // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 3.

⁴⁵ Thame C. Armstrong, William George (1859–1941) // Australian Dictionary of Biography. URL: <https://adb.anu.edu.au/biography/armstrong-william-george-5054>

⁴⁶ Sears J. S. Armstrong, John Malet (Jock) (1900–1988) // Australian Dictionary of Biography. URL: <https://adb.anu.edu.au/biography/armstrong-john-malet-jock-12147>

⁴⁷ Gifford Lectures. Robert Ranulph Marett. URL: <https://www.giffordlectures.org/speaker/robert-ranulph-marett>

подготовительную школу Лайнама, она же Школа Дракона (Dragon School), известная своими высокими интеллектуальными стандартами. Армстронг вспоминает, что атмосфера в школе была непринуждённой, но в то же время нацеленной на достижения, с акцентом на изучение латыни и греческого, хотя лично он предпочитал историю и английский, признавая, что древние языки никогда не давались ему особенно хорошо⁴⁸. Позднее через эту школу прошли и другие выдающиеся философы: Дерек Парфит⁴⁹ и Гален Стросон⁵⁰.

По воскресеньям Армстронг и его брат с сестрой навещали своих бабушку и дедушку в ректорской резиденции Эксетерского колледжа, а летние каникулы часто проводили в доме бабушки и дедушки на Джерси. Также Армстронг отмечает важность для его детского интеллектуального развития фигуры дяди. Дядя Армстронга, Джек, был антропологом, отличавшимся острым умом и яркой индивидуальностью. Армстронг вспоминал, что тот умел объяснять заинтересованному ребёнку сложные вещи; в частности, с помощью рисунков показывал ему, как работают поршневые двигатели и турбины⁵¹.

В 1939 году, во время начала Второй мировой войны, семья Армстронгов оказалась на Джерси, и было сочтено, что детям безопаснее остаться там, чем возвращаться в Оксфорд; таким образом, Армстронг не вернулся на последний год обучения в Школу Дракона. В результате Армстронг и его брат в течение года учились в Колледже Виктории на Джерси. Он вспоминает, что академические стандарты были не такими высокими, как в «Драконе»; в какой-то момент он даже получил неудовлетворительно за сочинение по английскому языку, потому что учитель посчитал, что оно являлось плагиатом⁵².

⁴⁸ Armstrong D. M. Self-Profile // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 4.

⁴⁹ Edmonds, David. Parfit: A Philosopher and His Mission to Save Morality. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2023. P. 13.

⁵⁰ Armenteros Fernandez M. Experiential Metaphysics: Reality, Language and Mind as Explored through Galen Strawson and Noam Chomsky. PhD diss. Universidad Pontificia Comillas, 2020. P. 15.

⁵¹ Armstrong D. M. Self-Profile // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 4.

⁵² Ibid.

Отец Армстронга, служивший офицером на Австралийском корабле его величества, был обеспокоен складывающейся военной ситуацией и хотел, чтобы семья как можно скорее вернулась в Австралию. Их отбытие совпало с блицкригом против Нижних земель и Франции, в результате которого Джерси был оккупирован немецкими войсками на весь период войны⁵³. По возвращении в Сидней Армстронг был отправлен в школу-пансион Джилонг в штате Виктория. Его мать одобряла этот выбор, поскольку считала, что среди австралийских школ именно она больше всего напоминает английскую частную школу⁵⁴.

В последние годы учёбы в этой школе Армстронг, как и многие другие ученики, попал под влияние Мэннинга Кларка, который был временным учителем во время войны и впоследствии стал самым известным и самым противоречивым историком Австралии⁵⁵. Кларк придерживался левых взглядов, излагая их в романтической, утончённой манере, допускавшей ссылки на таких фигур, как Сократ, Христос и Достоевский. Хотя позже Армстронг стал считать, что во взглядах Кларка было много глупостей, он признавал, что они также содержали значительную интеллектуальную составляющую. Кларк познакомил Армстронга со взглядами Алексиса де Токвиля и побудил его прочитать «Конституционную историю Англии» Ф. У. Мейтленда⁵⁶, которая произвела на Армстронга неизгладимое впечатление своей интеллектуальной глубиной. Под влиянием Кларка Армстронг стал социалистом, хотя всегда сохранял некоторую настороженность по отношению к коммунизму⁵⁷. В то же время в нём начал пробуждаться и собственный интерес к философии. Уже в школьные годы

⁵³ History of Liberation // Government of Jersey. URL:

<https://www.gov.je/Leisure/Liberation/pages/liberationhistory.aspx>

⁵⁴ Armstrong D. M. Self-Profile // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 4.

⁵⁵ McKenna M. Clark, Charles Manning (1915–1991) // Australian Dictionary of Biography. Vol. 19. Canberra: Australian National University, 2021. URL: <https://adb.anu.edu.au/biography/clark-charles-manning-225/text29719>

⁵⁶ Maitland F. W. The Constitutional History of England: A Course of Lectures Delivered by F. W. Maitland / ed. by H. A. L. Fisher. Cambridge: Cambridge University Press, 1919

⁵⁷ Armstrong D. M. Self-Profile // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 5.

Армстронг понимал, что хочет изучать её в университете, однако самостоятельно продвинуться в этом направлении почти не смог. Он с большим удовольствием читал популярные сочинения Бертрانا Рассела, восхищаясь блеском его ума и стиля, и пытался штудировать «Проблемы философии»⁵⁸, подробно конспектируя первые главы. Но, как и немногое из прочитанного им тогда у Юма, эти тексты казались ему чрезвычайно трудными и почти непроницаемыми. Позднее Армстронг объяснял это тем, что философии почти невозможно научиться в одиночку: для неё необходим живой контакт между учителем и учеником.

Хотя Кларк не был философом, он был связан с философской средой. Во время войны он вёл небольшой дискуссионный кружок и однажды пригласил выступить перед учениками Джорджа Пола, английского последователя Витгенштейна, преподававшего в те годы в Мельбурнском университете⁵⁹. Армстронгу запомнилось замечание Пола о рекламном слогане джина Gilbey's — «Не говорите “джин”, говорите “Gilbey's”». Пол указывал, что при буквальном понимании этого призыва привычные речевые ситуации становились бы абсурдными: например, вместо просьбы продать бутылку джина пришлось бы говорить «бутылку Gilbey's Gilbey's». Тогда это показалось Армстронгу лишь остроумной шуткой; его философский смысл он понял только годы спустя, уже начав систематически заниматься философией.

Окончив школу в конце 1944 года, Армстронг поступил на службу во флот рядовым матросом и дослужился до звания квалифицированного матроса; демобилизован он был в декабре 1946 года. Пока он проходил подготовку, капитулировала Германия, а затем завершилась и война с Японией. В результате в период боевых действий ему так и не довелось выйти за пределы прибрежных вод, что его вполне устраивало. После жизни в закрытой школе матросская среда показалась ему более человеческой и цивилизованной. Позднее он служил на

⁵⁸ Рассел Б. Проблемы философии. М.: Наука, 2001.

⁵⁹ The Early History of Philosophy at the University of Melbourne // The University of Melbourne. URL: <https://blogs.unimelb.edu.au/shaps-research/2020/10/26/the-early-history-of-philosophy-at-the-university-of-melbourne/>

эсминце, направленном в Японию в составе австралийских оккупационных сил. В послевоенной Японии он получил важный урок: будущее народа определяется не только его материальным положением, но прежде всего интеллектуальными ресурсами общества и его социальной организацией. Впоследствии Армстронг считал крайне полезным то обстоятельство, что между окончанием школы и поступлением в университет у него было два года иной, внеакадемической жизни, позволивших ему заметно повзрослеть⁶⁰.

§2 Сиднейский университет

В 1947 году Армстронг начал обучение в Сиднейском университете по программе бакалавриата, изучая философию и историю на продвинутом уровне (Honours level). В 1950 году, в четвёртый, завершающий год обучения, он сосредоточился уже исключительно на философии. Исторический факультет по большому счёту показался ему неинтересным, за исключением курса первого года под руководством Александра Макдональда, который охватывал период от древней истории до 1485 года и, по мнению Армстронга, отличался увлекательностью и глубиной⁶¹.

Однако настоящим событием во время пребывания Армстронга в Сиднейском университете стала его встреча с Джоном Андерсоном, заведующим кафедрой философии с 1927 года. На протяжении десятилетий Андерсон оказывал в Сиднее доминирующее интеллектуальное влияние: он был мыслителем и педагогом редкой силы, известным бескомпромиссностью и склонностью к иконоборчеству^{*62}. Армстронг подчёркивал, что Андерсон имел тщательно проработанную позицию почти по любому философскому вопросу и в этом

⁶⁰ Armstrong D. M. Self-Profile // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 5–6.

⁶¹ Ibid. P. 6.

* Здесь и далее маркировкой «*» обозначены физические и юридические лица, перечисленные в разделе диссертации «Список упомянутых лиц со специальным статусом»

⁶² Franklin J. John Anderson // Zalta E. N. (ed.) The Stanford* Encyclopedia of Philosophy. Fall 2020 Edition. URL: <https://plato.sydney.edu.au/archives/fall2020/entries/anderson-john/>

отношении напоминал Гегеля, хотя, в отличие от Гегеля, не изложил свою систему в едином завершённом трактате⁶³.

Привлекательность Андерсона для студентов определялась не только масштабом его системы, но и манерой её предъявления. Он был знаменитым «крушителем авторитетов» и, казалось, получал удовольствие от того, что бросал вызов устоявшимся нормам. Он критиковал понятия Бога, бессмертия, свободы воли, морализма и «общего блага», часто делая это нарочито провокационно. При этом Андерсон выступал не просто иконоборцем, но и «мета-иконаборцем»: он атаковал и те новые «иконы», которые могли возникать на месте разрушенных. Такое его отношение распространялось, например, на его критику Фрейда и Маркса, которым он приписывал воспроизводство тех же ошибок, которые они частично помогали разоблачить⁶⁴.

Философия Андерсона основывалась на плюралистическом эмпиризме и натурализме, признающем один уровень бытия в едином пространстве-времени. Он считал исследовательскую жизнь высшей ценностью и описывал философию как «тщательную критику»⁶⁵. Для Армстронга и его сокурсников эта установка была источником особого корпоративного самосознания: возникало чувство интеллектуального превосходства над теми, кто, как им казалось, философией занимается поверхностно или уклоняется от принципиальных вопросов⁶⁶.

Здесь будет уместно сделать краткое генеалогическое отступление, чтобы яснее понять, какого рода системой Андерсон привлёк сиднейских студентов и почему это влияние оказалось долговечным. Для Армстронга Андерсон был не только выдающимся педагогом и эффектным полемистом; в более глубоком смысле он выступал посредником длинной линии реалистической метафизики, восходящей

⁶³ Armstrong D. M. Self-Profile // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 6.

⁶⁴ Ibid P. 7.

⁶⁵ Anderson J. Empiricism // Australasian Journal of Psychology and Philosophy. 1927. Vol. 5. No. 4. P. 241–254.

⁶⁶ Armstrong D. M. Self-Profile // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: Reidel, 1984. P. 7.

к Самюэлю Александру и его «Пространству, времени и божеству»⁶⁷. Именно поэтому андерсонианство переживалось как позиция, в которой заранее «расписана» почти вся карта философских проблем — от логики и теории познания до онтологии и философии сознания⁶⁸.

Александр выстраивает одну из наиболее влиятельных систем британского реализма вокруг тезиса о том, что реальность целиком укоренена в пространстве и времени: всё, что существует в собственном смысле, существует как момент или структура пространственно-временного мира, так что онтология не нуждается в допущении особой области внепространственных и вневременных сущностей. Этой метафизической установке соответствует и определённая теория познания. Поскольку реальность мыслится как единый пространственно-временной порядок, доступный познанию без обращения к особому слою идеальных объектов, восприятие понимается как непосредственный контакт с самими вещами, а не с их внутренними ментальными заместителями. В современных реконструкциях александровской линии такую позицию иногда характеризуют как эпистемологический монизм: «данное» (*datum*) не образует особого внутреннего объекта, отличного от предмета знания, но тождественно самому этому предмету⁶⁹.

Важно отдельно отметить антикантовский характер этой линии. Если у Канта пространство и время суть априорные формы чувственности, а категории — чистые понятия рассудка, то есть субъективные условия возможности опыта⁷⁰, то Александр, а вслед за ним и Андерсон, трактуют пространство, время и категории иначе. Пространство и время понимаются как формы самого бытия, а категории — как наиболее общие характеристики реальности, а не как формы, привносимые субъектом. Тем самым разрыв между явлением и вещью самой по себе объявляется

⁶⁷ Alexander S. *Space, Time, and Deity*. 2 vols. London: Macmillan, 1920.

⁶⁸ Armstrong D. M. Introduction // Anderson J. *Space, Time and the Categories: Lectures on Metaphysics 1949–50*. Sydney: Sydney University Press, 2007.

⁶⁹ Fisher A. R. J. Samuel Alexander's Theory of Categories // *The Monist*. 2015. Vol. 98. No. 3. P. 246–267.

⁷⁰ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. Кн. 1 / пер. Н. О. Лосского; новая ред. перевода, коммент. Н. В. Мотрошиловой; под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга, Т. Б. Длугач, У. Фогеля. М.: Наука, 2001. С. 89–136.

искусственным: наука и философия имеют дело не с двумя разными порядками сущего, а с одним и тем же миром⁷¹.

Андерсон в свою очередь соприкоснулся с этой традицией непосредственно: в 1917–1918 годах он слушал в Глазго Гиффордовы лекции Александера⁷². Это знакомство не осталось эпизодом. В последующие десятилетия Андерсон вновь и вновь возвращался к философии Александера — в собственных статьях, рецензиях и лекционных курсах, а «Пространство, время и божество» стала для него одним из главных объектов критической переработки. Поэтому связь Андерсона с Александером следует понимать не как внешний историко-философский интерес, а как длительную работу по выработке собственной метафизической позиции в опоре на Александера и в полемике с ним. Унаследованная от Александера антикантовская и реалистическая рамка становится для Андерсона основанием собственной философской работы — прежде всего анализа логической формы, истинности, причинности и категориальной структуры мира.

Собственная философская работа Андерсона начинается там, где унаследованная от Александера реалистическая рамка превращается в программу систематического анализа. Прежде всего это проявляется в его стремлении рассматривать логическую форму не как нечто внешнее по отношению к метафизике, а как один из путей к выявлению наиболее общих черт реальности. Иначе говоря, анализируя, как устроено утверждение, Андерсон одновременно ставит вопрос о том, какие категории должны быть признаны в самой структуре мира. Поэтому вопрос о категориях для Андерсона не может решаться произвольно: нужно исходить из того, что в самом мире делает истинные высказывания истинными, иными словами он зависит от того, что должно существовать в мире, чтобы истинные высказывания о нём были возможны. Это, в свою очередь, подводит Андерсона к вопросу о том, что именно в реальности соответствует истинному утверждению. Если высказывание вида *a есть F* истинно, то этому

⁷¹ Fisher A. R. J. Samuel Alexander's Theory of Categories // The Monist. 2015. Vol. 98. No. 3.

⁷² Armstrong D. M. Introduction // Anderson J. Space, Time and the Categories: Lectures on Metaphysics 1949–50. Sydney: Sydney University Press, 2007.

должна соответствовать не только правильная языковая форма, но и нечто в самом мире — то, что *a* действительно есть *F*. Поэтому анализ высказывания важен для Андерсона не как чисто логическое упражнение, а как способ выйти к вопросу о структуре самой реальности. В этом пункте он продолжает линию Александра, в которой философский анализ всё более сосредоточивается не на отдельных терминах, а на конкретных ситуациях или комплексах, имеющих место в пространственно-временном мире⁷³.

Та же общая рамка определяет и андерсоновское понимание отношения между метафизикой и наукой. Частные науки могут уточнять, как именно устроен мир в конкретных отношениях; например, они могут давать основания для тех или иных представлений о причинных процессах. Но вопрос о том, что такое причинность как таковая и к какому типу категорий она относится, не решается экспериментом в узком смысле. Здесь и вступает в силу метафизика как дисциплина, выявляющая наиболее общую структуру мира⁷⁴. Именно поэтому андерсоновская философия могла восприниматься студентами как система, задающая общий каркас реальности, который затем наполняется содержанием в отдельных науках⁷⁵.

Именно в таком виде эта традиция и была воспринята Армстронгом в Сиднее. В предисловии к публикации андерсоновских лекций Армстронг подчёркивает, что курсы 1949 и 1950 годов представляли наиболее развитое изложение андерсоновской метафизики, что они читались студентам продвинутого уровня и что он сам посещал эти занятия; там же он прямо пишет, что именно эти лекции вдохновили его страстным интересом к «великим вопросам метафизики». Существенно и то, что сами курсы были построены как критический комментарий к «Пространству, времени и божеству». Таким образом, философия Александра

⁷³ Fisher A. R. J. Samuel Alexander's Theory of Categories // The Monist. 2015. Vol. 98. No. 3. P. 263–264.

⁷⁴ Armstrong D. M. Introduction // Anderson J. Space, Time and the Categories: Lectures on Metaphysics 1949–50. Sydney: Sydney University Press, 2007, P. ix–xi.

⁷⁵ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 6–8.

пришла к Армстронгу через андерсоновское преподавание и через андерсоновскую переработку этой линии⁷⁶.

От Андерсона Армстронг унаследовал прежде всего само понимание метафизики как строгой дисциплины, исследующей структуру мира, а не сводящейся к внешнему комментарию к науке или языку. Мир в этой перспективе мыслится как единый пространственно-временной порядок, доступный философскому анализу без обращения к какому-либо второму слою сущего. Особенно важной была идущая от Александра через Андерсона линия, ведущая к онтологии положений дел: реальность следует понимать не как простую совокупность вещей и отдельно взятых свойств, а как мир фактов, в котором партикулярии обладают свойствами и вступают в отношения. Именно в этом контексте позднейший интерес Армстронга к свойствам, универсалиям и законам природы выглядит не как набор разрозненных тем, а как развитие одной и той же метафизической программы. С той же исходной установкой были связаны и другие устойчивые мотивы его философии: склонность к прямому реализму в теории восприятия, понимание свойств и отношений как реальных компонентов мира, а не языковых производных, и настороженное отношение к редукции причинности к простой регулярности.

В таком виде преемственность особенно важна для понимания последующих расхождений. Армстронг начинает не с отказа от андерсоновской постановки вопроса, а, напротив, с её усвоения. Однако довольно скоро для него становится существенным, выдерживает ли андерсоновская схема те различия, которые она сама должна объяснить: между логикой и естествознанием, между истинным и ложным убеждением, между формой высказывания и тем, что действительно

⁷⁶ Armstrong D. M. Introduction // Anderson J. *Space, Time and the Categories: Lectures on Metaphysics 1949–50*. Ed. by C. Cole; introd. by D. M. Armstrong. Sydney: Sydney University Press, 2007.

существует в мире. Именно здесь линия преемственности постепенно переходит в линию критической переработки⁷⁷.

Помимо Андерсона, самым способным философом в Сиднее во время учёбы Армстронга в университете был Дж. Л. Мэки. Мэки, вместе с Армстронгом и его другом Дэвидом Стоувом, был в большей степени готов серьёзно относиться к современной философии, чем Андерсон и строгие андерсонианцы. Армстронг описывает, как на последнем курсе в 1950 году он столкнулся с серьёзным личным испытанием, когда его госпитализировали с туберкулёзом. К счастью, до болезни он уже успел закончить свою дипломную работу на тему «Реалистическая реконструкция трансцендентальной аналитики Канта». Несмотря на тяжесть состояния, Армстронгу удалось сдать выпускные экзамены в больнице. Во время длительного пребывания в больнице Армстронг проводил время, играя в шахматы по переписке, читая «Диалоги» Платона в переводе Джоуэтта и почти все работы Фрейда, которые показались ему чрезвычайно интересными, несмотря на то, что позже он признал их слишком некритичными и совершенно ненаучными, хотя по-прежнему восхищался интеллектуальным воображением Фрейда, особенно его работой «Недовольство культурой»⁷⁸, которую Армстронг считал одним из величайших и вместе с тем одним из самых мрачных произведений о человеке⁷⁹.

§3 Оксфорд

Армстронг отмечает, что молодые австралийские философы того времени, если имели такую возможность, отправлялись в Оксфорд за степенью BPhil. Эта степень была введена в 1946 году по инициативе Гилберта Райла, считавшего традиционный DPhil недостаточной подготовкой для академической карьеры⁸⁰. К тому времени Армстронг уже был женат на Мадлен Хейдон, обладавшей, по его

⁷⁷ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 8.

⁷⁸ Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992.

⁷⁹ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 9.

⁸⁰ Owen G. E. L. XVI—Gilbert Ryle // Proceedings of the Aristotelian Society. 1977. Vol. 77, № 1. P. 265–270.

словам, сильным и ясным интеллектом, но склонной прежде всего к литературе. Несмотря на их общее увлечение классическими романами и Шекспиром, Армстронг не смог проникнуться энтузиазмом к Генри Джеймсу, любимцу Мадлен. У них не было детей, и в 1979 году они разошлись⁸¹.

Армстронг поступил в Оксфорд в 1952 году. По его воспоминаниям Оксфорд и сама Англия производили на него впечатление чего-то одновременно узнаваемого и глубоко чужого. Ещё сильнее это ощущалось в философской среде: оксфордская атмосфера резко отличалась от той, к которой он привык в Австралии. Для мельбурнцев, таких как его друг Брайан О'Шоннесси, который в то же время получал степень бакалавра философии, пребывание в Оксфорде во многом продолжало уже знакомую им интеллектуальную траекторию. Для Армстронга же это был по-настоящему другой мир. Хотя Райл относился к нему дружелюбно, в качестве научного руководителя Армстронг попросил Генри Прайса, поскольку хотел заниматься проблемами восприятия⁸². Формально Армстронг был зачислен в Эксетер-колледж⁸³, но, по его собственным воспоминаниям, с жизнью колледжа он почти не соприкасался. Основной средой общения для него были студенты-философы, образовывавшие сравнительно замкнутый круг со своим собственным обществом — «Обществом Оккама». Армстронг вспоминает, что во время его обучения на двухгодичном курсе BPhil, включавшем диссертацию и три экзамена, таких студентов было около шести⁸⁴.

Во время их первой встречи Райл предупредил Армстронга, что нет никакой уверенности в том, что после окончания университета он сможет найти работу. Однако это предупреждение оказалось неверным, поскольку вскоре западный мир вступил в период беспрецедентного изобилия и экономического роста, что привело к созданию новых и расширению старых университетов. Несмотря на то, что в

⁸¹ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 9.

⁸² Ibid.

⁸³ Exeter College. Register 2006. Oxford: Exeter College, 2006.

⁸⁴ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 10.

итоге Армстронг получил значительную пользу от двух лет учёбы в Оксфорде, он признаёт, что в то время это было для него настоящей борьбой, с которой он справлялся не лучшим образом. Он описывает себя как человека, воспитанного в традиции эмпирической метафизики, довольно далёкой от господствовавшего тогда направления в англоязычной философии. Поэтому для него стало настоящим шоком, когда его попросили сосредоточиться на значении и употреблении слов — важной составляющей оксфордского подхода к философии. Армстронг вспоминает, что лишь в 1950 году, когда он уже завершал бакалавриат в Сиднейском университете, Том Роуз прочитал там первый курс по расселовской, а не аристотелевской, логике. До приезда в Оксфорд он уже познакомился с «Голубой книгой»⁸⁵ Витгенштейна, которая в то время распространялась в машинописных копиях, и она произвела на него сильное впечатление. Тем не менее, оказавшись в Оксфорде, Армстронг столкнулся с необходимостью едва ли заново осваивать философию, при этом его собственные симпатии по-прежнему оставались на стороне той традиции, в которой он был сформирован⁸⁶.

Армстронгу нравились лекции Райла, особенно посвящённые платоновскому «Тезтету». Этот диалог он уже изучал ранее на лекциях Джона Андерсона, но в совершенно иной философской перспективе. Совсем иначе он воспринял курс Джона Остина «Слова и дела», позднее опубликованный как «Как совершать действия при помощи слов»⁸⁷: курс вызвал у него скорее недоумение, Армстронг не верил, что подобные темы могут составлять предмет серьёзной философии. Не меньшее недоумение поначалу вызывали у него и оксфордские философские семинары. Вскоре после приезда он попал на заседание семинара Питера Стросона и Герберта Грайса под названием «Категории». На этом семинаре Грайс очень быстро зачитал длинный доклад, показавшийся Армстронгу совершенно непонятным. После этого в комнате повисло долгое, почти религиозное молчание.

⁸⁵ Wittgenstein L. The Blue and Brown Books. Oxford: Basil Blackwell, 1958.

⁸⁶ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 10.

⁸⁷ Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999.

Когда кто-то наконец задал совсем незначительный вопрос, Грайс ответил короткой пренебрежительной репликой, и аудитория снова погрузилась в благоговейную тишину. Армстронг вспоминает, что сидевший рядом с ним канадец повернулся и спросил: «Что здесь происходит?» Армстронг ответил: «Я здесь новенький и не знаю правил этой игры. Но, похоже, Стросон и Грайс выигрывают». Эту шутку подслушал Тони Куинтон, который нашёл её забавной и распространил по Оксфорду⁸⁸.

Руководитель Армстронга, Генри Прайс, был с ним очень приветлив. Он часто приглашал Армстронга пообедать за высоким столом Нового колледжа и водил его вместе с женой послушать пение соловьёв в Брасеносском лесу. Прайс также показал Армстронгу иллюзию восприятия, которую заметил во время одной из прогулок по Оксфорду. Однако они совсем не много времени уделяли обсуждению философии. Тем не менее, после того как Армстронг покинул Оксфорд, Прайс дал развернутые и полезные комментарии к его рукописи, посвящённой теории зрения Беркли. Армстронг вспоминает и характерную реплику Прайса о философии сознания Витгенштейна и Райла: тот говорил, что она представляет собой «нападение на частную (private) жизнь». Вероятно, это позже сыграет роль в отказе Армстронга от теории Райла и переходе в стан сторонников теории тождества⁸⁹.

В итоге Армстронг пришёл к выводу, что его обучение в Оксфорде принесло ему важную идею: концептуальный анализ — значимый и полезный аспект философии, хотя он никогда не считал, что он исчерпывает всю философию. Он также признавал, что лингвистическое исследование может помочь выявить структуру наших понятий. Экзамены на степень BPhil он чуть было не провалил; как он узнал позднее, его спасла лишь хорошая письменная работа о британских эмпириках. Среди его экзаменаторов были Остин, Грайс и Д. Дж. С. Макнабб; устный экзамен он вспоминал как тяжёлое испытание, в ходе которого Остин вёл

⁸⁸ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 11.

⁸⁹ Ibid. p 11.

себя саркастически, а Грайс, разбирая аргументы его диссертации, показал, что они приводят его к противоречию⁹⁰.

§4 Начало академической карьеры

В 1954 году, после окончания Оксфорда, Армстронг был назначен ассистентом преподавателя философии в Биркбекском колледже Лондонского университета. Биркбек был вечерним колледжем, где лекции начинались в шесть часов вечера, что позволяло Армстронгу днём заниматься своими исследованиями или другой работой. Он описывает условия работы как очень комфортные, а студентов — как более взрослых и преданных учёбе, чем обычных студентов. Кафедра философии в Биркбеке была небольшой, всего четыре человека: Рут Соу, заведующая кафедрой, Ричард Питерс, Дэвид Хэмлин и сам Армстронг. Рут Соу Армстронг описывает как заботливую, почти материнскую фигуру, которая отличалась добротой и строгими принципами. Армстронгу пришлось читать лекции по политической философии, охватывающие фигуры от Платона до современных мыслителей. Этот опыт оказался его единственным серьёзным знакомством с политической философией, вплоть до написания статьи «Природа традиции»⁹¹, которая, по признанию самого Армстронга, больше любой другой его работы вдохновлена философией обыденного языка⁹².

Работая в Биркбеке, Армстронг решил получить степень доктора философии в Лондонском университете, сосредоточив внимание на «Опыте новой теории зрения» Беркли⁹³. Его научным руководителем стал Дж. Н. Финдли, профессор философии в Королевском колледже Лондона. В этот период Армстронг посещал семинары Финдли вместе с Годфри Весеем и Дэвидом Поулом, с которым его связывала особенно тесная дружба. Поул, по воспоминаниям Армстронга, страдал

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Armstrong D. M. The Nature of Tradition // *Liberty and Politics: Studies in Social Theory* / ed. by O. Harries. Sydney: Workers' Educational Association of N.S.W.; Pergamon Press (Australia), 1976. P. 7–19.

⁹² Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 12.

⁹³ Berkeley G. An Essay towards a New Theory of Vision (1709) // *Berkeley: Philosophical Writings* / ed. by D. M. Clarke. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

бессонницей и коротал ночи за чтением Шекспира, Мильтона и другой литературы, к которой оба они питали глубокий интерес. Их сближала не только общность философских занятий, но и взыскательное отношение к литературному стилю. Однажды они даже посвятили целый день чтению отрывков из современных философских текстов, оценивая их исключительно с точки зрения литературного качества, и в итоге пришли к выводу, что немногие авторы отвечают их требованиям. Единственными авторами, чья проза, по их мнению, была на высоте, оказались Альфред Айер и Майкл Оукшотт. Армстронг даже посещал аспирантский семинар Айера в Университетском колледже Лондона. Он находил аспирантов Айера хотя и очень умными, но часто склонными к чрезмерному усложнению идей, тогда как сам Айер обладал даром упрощать сложные идеи без потери их сути. Армстронг восхищался этим качеством, поскольку сам стремился к подобному подходу. Несмотря на то, что Айер придерживался теории чувственных данных в философии восприятия, он оставался достаточно открытым, чтобы поощрять работу Армстронга над созданием теории восприятия, представляющей собой вариацию прямого реализма⁹⁴.

Армстронг также был заинтересован и скептическим консерватизмом Майкла Оукшотта⁹⁵, особенно его взглядами на природу и роль традиций в социальной жизни. Армстронг отмечал, что его раннее знакомство с критикой Джоном Андерсоном государственной власти, коммунизма и волюнтаристских взглядов на общество подготовило его к восприятию идей Оукшотта. Армстронг находил особенно проницательным наблюдение Оукшотта о том, что традиции не изменяются в результате чисто интеллектуальных или волевых усилий. Проживая в Лондоне, Армстронг использовал свободное время, чтобы посещать лекции Оукшотта в Лондонской школе экономики, которые он описывал как невероятно изысканные — самые элегантные из всех, что ему доводилось слышать. Кроме того,

⁹⁴ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 12.

⁹⁵ Oakeshott M. On Being Conservative // Rationalism in Politics and Other Essays. New and expanded ed. Indianapolis: Liberty Fund, 1991. P. 407–437; Oakeshott M. The Politics of Faith and the Politics of Scepticism / Ed. by T. Fuller. New Haven; London: Yale University** Press, 1996.

Армстронг несколько раз посещал семинары Карла Поппера, но его отталкивала атмосфера ученичества и авторитарности, которая там царила. Он сравнивал семинары Поппера с семинарами своего бывшего учителя Андерсона: оба продвигали идею интеллектуальной критики, но не допускали, чтобы она применялась в их отношении⁹⁶.

В целом, его первое академическое назначение дало Армстронгу ценную возможность общаться с выдающимися философскими фигурами и заниматься собственными исследованиями. Хотя интеллектуальное сообщество иногда представлялось сложным, оно способствовало его формированию как философа и помогло ему развить свои идеи о восприятии, политической философии и роли традиций.

После возвращения в Австралию, в 1956 году, Армстронг занял должность лектора в Мельбурнском университете. Назначение стало для него неожиданным, особенно потому, что для философа из Сиднея было необычно присоединиться к мельбурнскому факультету. Профессор Мельбурнского университета Александр Бойс Гибсон сыграл ключевую роль в предоставлении этой позиции Армстронгу, отдав предпочтение ему перед Майклом Хинтоном, которого поддерживали витгенштейнианцы на факультете. Гибсон стремился привнести баланс в интеллектуальную среду факультета, где преобладало влияние Витгенштейна.

У Армстронга были значительные философские разногласия с двумя другими профессорами факультета, Гаскингем и Джексоном, особенно по поводу их феноменистических и номиналистических взглядов. Однако ему нравилось работать на факультете и участвовать в дебатах с ними. В это время его основной интерес был сосредоточен на философии восприятия. Он продолжал исследовать теорию зрения Беркли, к которой обратился ещё во время своего пребывания в Лондоне. Из-за регламента Лондонского университета он не смог завершить там докторскую диссертацию, но продолжил работу по анализу аргументов Беркли о зрении. Армстронга не столько интересовал исторический контекст «Опыта»

⁹⁶ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 13

Беркли, сколько реконструкция и оценка самих аргументов. Основная предпосылка Беркли, как её понимал Армстронг, заключалась в том, что визуальное восприятие по своей природе двумерно, что обусловлено двумерностью сетчатки. Беркли утверждал, что трёхмерные объекты, воспринимаемые через осязание, должны отличаться от объектов, воспринимаемых через зрение. Хотя Армстронг считал, что рассуждения Беркли логически последовательны, в итоге он отверг его заключение. Армстронг утверждал, что восприятие даёт нам доступ к трёхмерным объектам, обладающим как визуальными, так и осязательными характеристиками, отвергая тем самым двумерный взгляд на зрение, приписываемый им Беркли.

Армстронг пытался произвести *reductio ad absurdum* аргумента Беркли, чтобы обосновать трёхмерный подход к зрению. Он полагал, что Беркли непреднамеренно выявил недостатки двумерной теории. Однако со временем Армстронг пришёл к выводу, что аргумент Беркли может быть более обоснованным, чем он считал раньше. Он предположил, что различие между визуальной и тактильной информацией действительно может указывать на различие в измерениях воспринимаемой информации, при этом не требуя, чтобы визуальная информация была исключительно двумерной. Эта точка зрения позволила допустить, что зрение может предоставлять примитивную пространственную информацию, отличную от трёхмерной тактильной, но при этом совместимую с ней. Несмотря на пересмотр отношения к позиции Беркли, Армстронг продолжал скептически относиться к идее, что информация, получаемая через зрение, является чисто двумерной. Он отмечал, что современные философы часто обсуждают теоретическую нагруженность восприятия, согласно которой может не существовать примитивного ядра перцептивной информации, отделённого от более сложных выводов, основанных на восприятии. Если такого примитивного ядра нет, было бы невозможно определить, является ли исходная информация, предоставляемая восприятием, чисто двумерной⁹⁷.

⁹⁷ Ibid. P. 14–15

Главным философским проектом Армстронга в Мельбурне стала разработка собственной теории восприятия, являющейся разновидностью прямого реализма. Он начал писать книгу на эту тему, которая впоследствии вышла под названием «Восприятие и физический мир»⁹⁸. Несмотря на уже имеющуюся постоянную должность лектора, Армстронг решил поступить в докторантуру в Мельбурнском университете. Его научный руководитель, А. К. Джексон, сыграл ключевую роль в его прогрессе, активно участвуя в обсуждениях и спорах по материалам, которые Армстронг разрабатывал. Эти дискуссии оказались крайне полезными и в итоге привели к получению докторской степени и завершению его книги в 1961 году⁹⁹.

В «Восприятии и физическом мире» Армстронг стремился опровергнуть как репрезентативную теорию восприятия, так и феноменализм. Он признавал, что его аргументы против репрезентативной теории были не до конца удовлетворительными, однако полагал, что он представил убедительные доводы против феноменализма, опираясь как на новые аргументы, так и на идеи из существующей литературы, которые в совокупности создали сильную оппозицию этой точке зрения. Армстронг также принял пропозициональный подход к восприятию, утверждая, что восприятие по своей сути представляет собой процесс приобретения знаний или убеждений о конкретных состояниях вещей в физическом мире, обычно возникающих в результате сенсорной стимуляции. Этот информационный поток, или пропозициональная теория восприятия, наследовал прямому реализму, который отстаивал Джон Андерсон¹⁰⁰.

Армстронг долгое время склонялся к материалистическому мировоззрению, полагая, что свойства и принципы, изучаемые в физике, могут объяснить всё в мире. Это убеждение поставило перед ним серьёзную задачу — объяснить природу сознания в материалистических терминах. Во время своего пребывания в Оксфорде

⁹⁸ Armstrong D. M. Perception and the Physical World. London: Routledge & Kegan Paul, 1961.

⁹⁹ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 13

¹⁰⁰ Franklin J. John Anderson // Zalta E. N. (ed.) The Stanford* Encyclopedia of Philosophy. Fall 2020 Edition. URL: <https://plato.sydney.edu.au/archives/fall2020/entries/anderson-john/>

Армстронг изначально обратился к работе Гилберта Райла «Понятие сознания»¹⁰¹, которую он интерпретировал как сложную форму бихевиоризма. Хотя сам Райл отрицал, что он является бихевиористом, Армстронг считал, что это связано с философской школой, к которой принадлежал Райл, избегавшей категоризации взглядов как «измы». Тем не менее Армстронг полагал, что Райл придавал чрезмерное значение незначительным отличиям между его концепцией и бихевиоризмом. В результате Армстронг стремился объединить идеи Райла с физикализмом. Армстронг столкнулся с проблемой объяснения таких аспектов психики, как образы и сны, в рамках взглядов Райла. Хотя он соглашался с тем, что образы — это не объекты, а процессы, он всё ещё считал воображение и сновидения внутренними процессами. Армстронг надеялся, что эти процессы можно будет объяснить в терминах поведения, хотя у него не было чёткого плана, как это сделать. Это затруднение подчеркнуло ограничения бихевиоризма в объяснении определённых психических явлений¹⁰².

Появление материалистических теорий Уильяма Плейса¹⁰³ и Дж. Дж. Смарта¹⁰⁴, в частности их теории тождества ощущений и мозговых процессов, оказало значительное влияние на мышление Армстронга. Хотя он не был учеником Смарта, Армстронг признавал его влияние на развитие теории материализма центрального состояния — идеи о том, что ментальные состояния являются чисто физическими состояниями, событиями или процессами в мозге. Плейс и Сمارт утверждали, что ментальные состояния можно отождествить с мозговыми процессами, и Армстронг распространил эту точку зрения на все психические состояния, подчёркивая, что разум можно понимать как систему состояний мозга, ответственных за поведение. Армстронг считал проблему интроспекции особенно

¹⁰¹ Райл Г. Понятие сознания // пер. с англ.; общ. науч. ред. В. П. Филатова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

¹⁰² Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 20.

¹⁰³ U. T. Place. Is Consciousness a Brain Process? // British Journal of Psychology. 1956. Vol. 47. No. 1. P. 44–50.

¹⁰⁴ Smart J. J. C. Sensations and Brain Processes. // The Philosophical Review. 1959. Vol. 68. No. 2. P. 141–156.

важной для материализма. Он утверждал, что, если материализм верен, интроспекция должна рассматриваться как аналог восприятия. Как при восприятии физические объекты воздействуют на мозг и вызывают восприятие, так и интроспекция должна быть чисто внутренним каузальным процессом, где одно психическое или физическое состояние воздействует на другое, вызывая осознание этого состояния. Армстронг описывал интроспекцию как процесс самонаблюдения в центральной нервной системе. Однако этот взгляд противоречил традиционному картезианскому пониманию интроспекции как чего-то непогрешимого, когда человек не может ошибаться относительно своих собственных психических состояний. Армстронг утверждал, что если интроспекция является материальным каузальным процессом, то логически возможно, что этот процесс может давать сбои, а значит, интроспекция может быть ошибочной. Он отверг идею непогрешимости интроспекции, и это стало для него значительным облегчением. Сдвиг в его взглядах был вызван докладом Курта Байера «Боль»¹⁰⁵, представленным на философской конференции в Канберре в 1961 году. Байер утверждал, что предполагаемая непогрешимость интроспекции несовместима с материализмом. Армстронг ответил, показав, что интроспекция может быть ошибочной — эту задачу он позже стал рассматривать как не особенно сложную. Это стало важным шагом в построении материалистического объяснения сознания¹⁰⁶.

В 1962 году Армстронг взял отпуск в Мельбурнском университете и провёл семестр в Йельском университете** благодаря своему коллеге Александру Бойсу Гибсону, который был связан с Брэндом Бланшардом из Йеля**. Это был первый визит Армстронга в США, где он провёл один семестр в качестве преподавателя. Он описывает философский факультет Йеля** как разрозненный, в отличие от Биркбекского колледжа и Мельбурнского университета, отметив, что политика найма философов разных школ привела к отсутствию коммуникации между

¹⁰⁵ Baier K. Pains // *Australasian Journal of Philosophy*. 1962. Vol. 40. No. 1. P. 1–23.

¹⁰⁶ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 21–24.

** Здесь и далее маркировкой «**» обозначены физические и юридические лица, перечисленные в разделе диссертации «Список упомянутых лиц со специальным статусом»

преподавателями. Кроме того, офисы факультета были разбросаны по разным колледжам Йельского университета**, что усложняло взаимодействие. Во время своего пребывания в Йельском университете** Армстронг посещал аспирантский семинар Уилфрида Селларса. На Армстронга произвела впечатление работа Селларса «Эмпиризм и философия сознания»¹⁰⁷, и он отметил, что Селларс был гораздо более ясным и понятным как преподаватель, чем как писатель. Селларс был дружелюбен, и Армстронг провёл с ним несколько интересных дискуссий. Также он подружился с Нозлем Флемингом, который преподавал в Йеле** в то время¹⁰⁸.

Также в этот период Армстронг посетил серию лекций Макса Блэка, которые тот читал в соседнем Уэслианском университете. Блэк пригласил Армстронга на небольшую конференцию в Колгейтском университете на севере штата Нью-Йорк. На конференции сильно ощущалось влияние идей Витгенштейна, и Армстронг отметил, что там обсуждались идеи, которые он считал иррациональными. Например, Питер Винч представил доклад о народе азанде, обсуждая их, казалось бы, иррациональные ритуалы принятия решений, включающие отравление кур. Винч защищал рациональность действий азанде, утверждая, что их решения следует оценивать в контексте их культуры. Армстронг нашёл этот тип рассуждений, который также применялся к докладу о джайнийской логике, весьма удручающим. Затем Армстронг посетил Корнелл, где выступил с докладом на тему ошибок интроспекции — вопрос, над которым он много размышлял. Его удивило, насколько противоречивой эта идея показалась философам Корнелла. Во время обсуждения он попытался сделать дополнительный вывод, но Макс Блэк с улыбкой заметил, что Армстронг уже предложил группе достаточно парадоксов на один день. Норман Малкольм, присутствовавший на дискуссии, выразил радикальное несогласие с взглядами Армстронга, но при этом оставался дружелюбным¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Селларс У. Эмпиризм и философия сознания / пер. с англ. Г. С. Рогоняна. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 218 с.

¹⁰⁸ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 24.

¹⁰⁹ Ibid. P. 25.

После окончания семестра в Йельском университете** Армстронг и его жена провели лето в Англии, сняв дом недалеко от Хэмпстед-Хита. В это время Армстронг подготовил издание трудов Беркли для Collier-Macmillan и написал к нему введение¹¹⁰. Он находил работы Беркли увлекательными для изучения благодаря ясности их стиля и мысли. Хотя при более внимательном рассмотрении система Беркли казалась Армстронгу довольно ветхой, он считал, что возможность точно указать, где философ ошибся, является высшим комплиментом для любого мыслителя.

Последний семестр своего годичного отпуска Армстронг провёл в Оксфорде, где вновь встретился с Брайаном Медлином, который был научным сотрудником Нового колледжа. Медлин, разделявший многие материалистические взгляды Армстронга на сознание, сотрудничал с ним в проведении совместного семинара по этой теме. В это время Медлин предложил Армстронгу полезную аналогию для понимания тождества сознания и мозга: сознание относится к мозгу так же, как ген относится к молекуле ДНК. Армстронг считал эту аналогию более удачной, чем раннее предположение Смарта о том, что ощущения относятся к мозговым процессам так же, как молния к электрическому разряду, поскольку аналогия Медлина подчёркивала каузально-функциональную природу психических состояний¹¹¹.

§5 Возвращение в Сидней и зрелые годы

В 1958 году Джон Андерсон, возглавлявший философский факультет Сиднейского университета, вышел на пенсию, и его сменил Дж. Л. Мэки¹¹², который уехал в Йорк, в Англию, всего через четыре года. В 1963 году Армстронг был избран на прежнюю кафедру Андерсона и был рад вернуться в город, который считал своим родным. Он также был доволен тем, что теперь имел возможность

¹¹⁰ Berkeley G. Berkeley's Philosophical Writings / ed. with an introd. by D. M. Armstrong. New York: Collier Books, 1965. 384 P.

¹¹¹ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 25–26.

¹¹² Franklin J. John Anderson // Zalta E. N. (ed.) The Stanford* Encyclopedia of Philosophy. Fall 2020 Edition. URL: <https://plato.sydney.edu.au/archives/fall2020/entries/anderson-john/>

работать вместе со своим другом Дэвидом Стоувом, который также был сотрудником факультета. Однако, размышляя об этом периоде, Армстронг отмечает, что если бы он знал, какие трудности ждут впереди, то его энтузиазм был бы меньшим¹¹³.

В 1965 году Армстронг преподавал в Стэнфордском университете* в течение австралийского лета, благодаря приглашению Дональда Дэвидсона, который был заинтересован в его книге «Восприятие и физический мир». В то время Дэвидсон был в отпуске, поэтому они не встретились, хотя позднее, через несколько лет, Дэвидсон приехал в Австралию. Во время пребывания в Стэнфорде* Армстронг подробнее разработал свою позицию по вопросу о вторичных качествах и, как он сам вспоминал, пришёл к решению, которое счёл удовлетворительным. Он стремился сохранить в их отношении прямореалистическую установку, утверждая, что вторичные качества — например, звуки — представляют собой свойства физических объектов, существующие независимо от восприятия. Согласовать эту позицию с научным реализмом Армстронг пытался за счёт отождествления таких качеств с соответствующими физическими процессами, например, в случае звука — со звуковыми волнами¹¹⁴.

В 1968 году Армстронг выпустил книгу «Материалистическая теория сознания»¹¹⁵, куда включил все свои наработки в области философии сознания. После этого он обратил своё внимание на проблему убеждений и знания, что достигло кульминации в публикации его следующего большого труда «Убеждение, истина и знание»¹¹⁶ в 1973 году. В книге 1968 года Армстронг лишь кратко затрагивал тему убеждений, но считал, что она заслуживает более детального анализа. Его интересовали не границы знания и не критерии рационального убеждения, а два других вопроса: как следует анализировать само понятие

¹¹³ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 26–27.

¹¹⁴ Ibid. P. 27.

¹¹⁵ Armstrong D. M. A Materialist Theory of the Mind. London: Routledge & Kegan Paul, 1968.

¹¹⁶ Armstrong D. M. Belief, Truth and Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

убеждения и каков онтологический статус убеждений. Армстронга мало волновал скептицизм, и он восхищался защитой здравого смысла Дж. Э. Мура. Армстронг утверждал, что наша уверенность в убеждениях здравого смысла значительно перевешивает силу любых философских аргументов, пытающихся их оспорить. Например, он отмечал, что, хотя Зенон утверждал, что движение невозможно, даже сам Зенон, когда не занимался философией, вполне себе принимал факт движения. Армстронг считал, что рациональный ответ на такие аргументы — предположить, что в них содержится ошибка, даже если её невозможно сразу выявить. Армстронг критиковал склонность некоторых философов считать науку лишь набором догадок. Он считал эту позицию столь же абсурдной, как и сомнение в основных принципах здравого смысла. Хотя наука действительно включает в себя элемент догадок, Армстронг утверждал, что знания, полученные в ходе научных исследований, создают надёжную эпистемологическую основу наряду с убеждениями здравого смысла. Его интерес к теме убеждений и знания был связан с попыткой предложить анализ их природы, а не с оспариванием объёма того, что мы можем знать¹¹⁷.

Чтобы объяснить природу убеждения, Армстронг предложил метафору «карты в голове», отражающей реальный мир. Он заимствовал эту идею у Фрэнка Рамсэя¹¹⁸, описав убеждение как состояние кодирования информации, аналогичное ментальной карте. Некоторые философы предполагают, что убеждения больше похожи на предложения, создавая «книгу в голове», которая хранит убеждения человека в конкретный момент времени. Концепция убеждения у Армстронга фокусируется на структурной природе этих состояний, которые кодируют информацию о мире. Он пришёл к выводу, что убеждение нельзя объяснить просто как диспозицию, в отличие от более простых диспозиций, таких как растворимость или хрупкость. Убеждения, по мнению Армстронга, — это структурные состояния,

¹¹⁷ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 32–33.

¹¹⁸ Ramsey F. P. General Propositions and Causality // Ramsey F. P. Philosophical Papers / ed. by D. H. Mellor. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 145–163.

которые кодируют информацию, что отличает их от более простых диспозиционных состояний¹¹⁹.

В период с 1970 по 1973 год на философском факультете Сиднейского университета возникли многочисленные конфликты и перемены. Эти события были вызваны политической напряжённостью, разногласиями между преподавателями и влиянием радикальных течений в политике. В итоге это привело к серьёзному расколу и созданию двух отдельных философских факультетов в Сиднейском университете¹²⁰. Проблемы начали проявляться ещё в конце 1960-х годов, когда радикальные политические взгляды стали распространяться в австралийских университетах, во многом под влиянием аналогичных движений в Соединённых Штатах. Участие австралийского правительства во Вьетнамской войне вызвало массовые протесты, в том числе среди академического сообщества. На конференции в Сиднее в 1970 году была принята резолюция, осуждающая войну во Вьетнаме и поддерживающая гражданское неповиновение. Армстронг выступил против этой резолюции, утверждая, что философская ассоциация не имеет права принимать политические заявления. Он считал, что привнесение политических резолюций на философские собрания лишь приведёт к разделению философов и ухудшению их взаимоотношений¹²¹.

Когда Армстронг вернулся в Сидней в 1964 году, на факультете было две профессорские должности, а руководство кафедрой поочерёдно переходило от одного профессора к другому. Алан Стаут занимал одну из этих должностей до своей отставки в 1965 году, после чего его преемником стал К. Б. Мартин. Армстронг и Мартин оба поддерживали идею демократизации факультета, но Мартин был готов к более радикальным мерам, чем Армстронг. Некоторые другие члены факультета стремились к ещё более радикальным изменениям в его

¹¹⁹ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 33.

¹²⁰ Jackman A. The Division of Philosophy at the University of Sydney: investigating the causes of departmental animosity and the motives of Professor David Armstrong in the Flanagan dispute // The University Archives: Record 2017. Sydney: University of Sydney, 2017. P. 5–9.

¹²¹ Armstrong D. M. Self-Profile // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 37.

структуре. Основной конфликт на философском факультете произошёл в 1971 году, когда Армстронг занимал должность заведующего. Всё началось с предложений о введении двух курсов по марксизму-ленинизму, инициированных радикальными членами кафедры. Армстронг признавал важность марксизма как темы, но утверждал, что предложенные курсы нарушат баланс программы по политической философии. Он также критиковал включение таких деятелей, как Сталин, Мао Цзэдун, Хо Ши Мин и Че Гевара, считая, что их вклад в философскую мысль был незначителен и поэтому они не должны быть включены в курс философии. После длительных дебатов был достигнут компромисс: один из курсов был исключён, а другой принят почти без изменений¹²².

В 1972 году К. Б. Мартин ушёл в отставку, и Г. К. Нерлих был назначен на вторую профессорскую должность. На заседании кафедры Нерлих предложил предоставить всем студентам-философам, включая первокурсников, право участвовать в заседаниях, выступать, голосовать и вносить предложения наравне с преподавателями. Это фактически передало контроль над кафедрой радикальной фракции. Армстронг отмечал, что на практике лишь немногие студенты действительно посещали встречи, но те, кто присутствовал, вместе с радикальными сотрудниками составляли большинство. В феврале 1973 года, незадолго до начала учебного года, было выдвинуто предложение о введении курса по феминизму для бакалавриата, который должны были вести две аспирантки. Изначально курс назывался «Политика сексуального угнетения», но позже, по предложению Кита Кэмпбелла, исполнявшего в то время обязанности заведующего кафедрой, был переименован в «Философские вопросы феминистской мысли». Это предложение было необычным, так как подобные курсы обычно планировались заранее, и аспирантам без значительного преподавательского опыта редко доверяли проведение таких курсов. Несмотря на эти опасения, предложение было одобрено. Однако, когда дело дошло до назначения аспирантов на должности внештатных преподавателей, Армстронг успешно выступил против этого перед профессорским

¹²² Ibid. P. 37–38.

советом. Эта временная победа не разрешила проблему полностью, и напряжённость на факультете продолжала нарастать¹²³.

Отказ утвердить назначения аспирантов привёл к забастовке шести из четырнадцати постоянных сотрудников факультета. К забастовке присоединилась значительная часть студентов — более пятидесяти процентов из примерно семисот студентов, изучавших философию. Забастовка длилась почти месяц, и всё это время Армстронгу приходилось проходить через пикеты, организованные членами его собственного факультета, чтобы прочитать лекции. Администрация университета, включая исполняющего обязанности проректора, заняла крайне осторожную позицию. В конце концов был предложен компромисс, который предоставлял бастующим значительную часть того, чего они требовали, но Армстронг отверг это решение. Исполняющий обязанности проректора публично заявил, что, хотя поддерживает компромисс, он не может его одобрить, если у Армстронга есть серьёзные возражения, фактически изолировав Армстронга как единственного противника компромисса. В результате позиция тех, кто сопротивлялся забастовке, быстро ослабла. В июле 1973 года Совет профессоров одобрил компромиссное предложение двадцатью тремя голосами против двадцати одного, что стало победой для бастующих. После этого радикалы фактически взяли под контроль факультет, и будущее философии, как его представляли Армстронг и его коллеги, выглядело мрачным. Некоторые старшие преподаватели планировали досрочно выйти на пенсию, в то время как другие начали искать работу в других университетах. Казалось, что традиционная философия больше не будет практиковаться или преподаваться в Сиднейском университете¹²⁴.

Чтобы решить ситуацию, было предложено разделить философский факультет на два отдельных подразделения. Проректор, отсутствовавший во время забастовки, был недоволен тем, как университетская администрация справилась с конфликтом. Он также был обеспокоен тем, что многие авторитетные философы стремились покинуть университет. В результате проректор был готов рассмотреть

¹²³ Ibid. P. 38–39.

¹²⁴ Ibid. P. 39.

предложение о разделении факультета. Благодаря усилиям Кита Кэмпбелла и вопреки желанию радикалов факультет был успешно разделён. Это стало тактической победой для тех, кто выступал против радикалов, поскольку позволило предотвратить полный контроль над философией в Сиднее со стороны узкой радикальной группы, а также в некотором смысле заперло радикалов на их собственном факультете¹²⁵.

Первые несколько лет после раскола стали для Армстронга самым приятным временем его преподавательской карьеры. Новый факультет состоял из семи членов: самого Армстронга, Дэвида Стоува, Кита Кэмпбелла, Тома Роуза, Аусмы Меднис, Майкла Макдермотта и Бобби Гледхилл, а также их секретаря Пэта Трифонова. Коллектив был сплочённым, и им удалось поддерживать академические стандарты, сопоставимые с прежними. Хотя на их факультет записалось меньше студентов по сравнению с другим, те, кто пришёл, были высоко мотивированы и глубоко заинтересованы в предмете. Армстронг описывал этот период как создание маленькой академии внутри университета¹²⁶.

В то время другой факультет столкнулся с серьёзными проблемами, включая конфликты между соперничающими фракциями, такими как марксисты и феминистки, а также политизацию внутренних процессов принятия решений. Например, вопрос о назначении преподавателей решался путём выборов среди студентов, что привело к путанице и недовольству. Спустя два года после раскола три постоянных сотрудника решили уйти и в итоге перешли на факультет Армстронга. Со временем, по мере стабилизации политической обстановки, другой факультет начал возвращаться к более традиционным академическим практикам, и возможностей для сотрудничества между двумя факультетами стало больше, несмотря на сохранявшиеся различия¹²⁷.

¹²⁵ Ibid. P. 39–40.

¹²⁶ Ibid. P. 40.

¹²⁷ Ibid. P. 41.

Примерно в это же время, после завершения работы над книгой «Убеждение, истина и знание»¹²⁸, Армстронг переключил своё внимание с философии сознания на более фундаментальные онтологические вопросы. Среди них центральное место занимает проблема универсалий — тема, которую он сам считал почти безнадежной для объяснения нефилософу, но вместе с тем одной из ключевых для метафизики. Исходная установка Армстронга и здесь во многом восходила к Андерсону. От него он унаследовал убеждение, что мир исчерпывается пространственно-временной реальностью и что поэтому реализм в отношении универсалий не может принимать платонистскую форму, то есть не должен постулировать особую область внеэмпирических сущностей. Речь шла, скорее, о том, что в самом мире разные вещи могут действительно обладать одним и тем же свойством, быть представителями одного вида и т.д. и эта общность не сводится к особенностям нашего языка¹²⁹.

Именно в этом пункте Армстронг противопоставляет себя номинализму. Номиналист может признавать, что мы называем разные вещи «одинаковыми» или приписываем им одно и то же качество, но будет считать такую одинаковость лишь результатом языковой классификации, а не выражением реальной структуры мира. Армстронг, вслед за Андерсоном, отвергает этот ход: повторяемость свойств он рассматривает как фундаментальную черту самой реальности. Однако здесь же начинается и его расхождение с учителем. По мнению Армстронга, Андерсон слишком легко допускал переход от истинного предиката обыденного языка к признанию соответствующей универсалии. Сам Армстронг стремился разорвать эту слишком тесную связь между языком и онтологией. Отсюда вырастает его собственная версия реализма в отношении универсалий, которую он называет апостериорной. Вопрос о том, какие универсалии действительно существуют, нельзя решать заранее, исходя из значений наших предикатов или из одного лишь философского анализа. Один предикат может не соответствовать никакому

¹²⁸ Armstrong D. M. *Belief, Truth and Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

¹²⁹ Armstrong D. M. *Self-Profile* // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 41–42.

свойству, нескольким различным свойствам или лишь приблизительно фиксировать то, что в мире действительно имеется; и наоборот, структура реальности может не совпадать с грамматической структурой языка¹³⁰.

Двухтомная работа «Универсалии и научный реализм»¹³¹ представляет собой всесторонний анализ Армстронгом этих идей. Он отмечает, что решение разделить работу на два тома, возможно, позволило большему числу читателей ознакомиться с полным содержанием, в отличие от его более ранних, более объёмных произведений. Армстронг подчёркивает, что его глубокая вовлечённость в проблему универсалий позволила ему освоить соответствующую литературу более основательно. Он пишет, что изучил практически все релевантные источники, что было невозможно с такими темами, как сознание или знание¹³². Размышления Дэвида Армстронга в последней главе книги раскрывают его растущий интерес к онтологическим вопросам и переход к исследованию природы законов природы. Армстронг развивает свою теорию, согласно которой законы природы представляют собой отношения между универсалиями, таким образом вводя в свою онтологическую структуру универсалии более высокого порядка. Его исследование начинается с идеи о том, что в своей простейшей форме закон природы можно понимать как отношение между свойствами, где наличие одного свойства гарантирует присутствие другого. Это переопределение позволяет Армстронгу расширить свой реалистический подход к метафизике, демонстрируя, как отношения между универсалиями могут объяснять законы природы¹³³.

Армстронг подчёркивает интеллектуальную синергию, которую он испытал в совместных размышлениях с философом Майклом Тули, который независимо

¹³⁰ Armstrong D. M. *Universals and Scientific Realism*. Vol. 1: *Nominalism and Realism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 8–21.

¹³¹ Armstrong D. M. *Universals and Scientific Realism*. Vol. 1: *Nominalism and Realism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978; Armstrong D. M. *Universals and Scientific Realism*. Vol. 2: *A Theory of Universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.

¹³² Armstrong D. M. *Self-Profile* // Bogdan R. J. (ed.) D. M. Armstrong. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 45.

¹³³ Armstrong D. M. *Universals and Scientific Realism*. Vol. 2: *A Theory of Universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 139–167.

пришёл к аналогичному пониманию законов как отношений между универсалиями¹³⁴. Их взаимное уважение и общие цели способствовали теоретическому развитию Армстронга. Работа Тули в Австралийском национальном университете и их частые обсуждения укрепили убеждения Армстронга, особенно в том, как эти отношения универсалий предполагают соответствующие закономерности, но, что особенно важно, не подразумевают, что наличие закономерностей само по себе предполагает соответствующую универсалию. Эта точка зрения также одновременно исследуется Фредом Дрецке¹³⁵. Вместе Армстронг, Дрецке и Тули формируют в дискуссии о законах природы новую модель, в которой закономерности выражают, а не составляют законы природы.

В 1980 году Армстронг опубликовал сборник своих эссе под названием «Природа разума»¹³⁶, в котором пересматривает и уточняет идеи из своей ранней книги «Материалистическая теория сознания»¹³⁷. Заключительное эссе сборника, «Натурализм, материализм и первая философия», ранее так же опубликованное как статья¹³⁸, представляет аргументацию в пользу натурализма и материализма. Армстронг отстаивает точку зрения, что пространственно-временной мир охватывает всю реальность и что свойства и законы, определяемые физикой, достаточны для всестороннего понимания этого мира. Он утверждает, что его подход, включающий универсалии как необходимые элементы научного описания реальности, согласуется с натурализмом и материализмом. Армстронг приходит к выводу, что натуралистическая метафизика, сосредоточенная исключительно на пространственно-временной сфере, открывает многообещающий путь для философских исследований.

¹³⁴ Tooley M. The Nature of Laws // Canadian Journal of Philosophy. 1977. Vol. 7. No. 4. P. 667–698.

¹³⁵ Dretske F. Laws of Nature // Philosophy of Science. 1977. Vol. 44. No. 2. P. 248–268.

¹³⁶ Armstrong D. M. The Nature of Mind and Other Essays. St Lucia, Qld: University of Queensland Press, 1980.

¹³⁷ Armstrong D. M. A Materialist Theory of the Mind. London: Routledge & Kegan Paul, 1968.

¹³⁸ Armstrong D. M. Naturalism, Materialism, and First Philosophy // Philosophia. 1978. Vol. 8. No. 2–3. P. 261–276.

Нарастающий интерес Армстронга к фундаментальной онтологии затем выкристаллизовался в его работе 1983 года «Что такое закон природы?»¹³⁹, состоящей из двух частей. В первой части он критикует теорию регулярностных законов природы, эмпиристскую точку зрения, которую считает устаревшей. Вторая часть содержит его собственную теорию, рассматривающую законы как отношения между универсалиями — более сложную версию его прежней позиции. Армстронг полагает, что эта модель предоставляет инструменты для решения многих сложных вопросов, связанных с естественными законами, включая проблему индукции, показывая, что закономерности поддерживают законы, но недостаточны для их полного определения.

Приверженность Армстронга натуралистической метафизике бросает вызов анти-натуралистическим взглядам, предполагающим существование абстрактных сущностей, таких как числа, классы и предложения. Для Армстронга развитие натуралистической онтологии теперь предполагает создание последовательного натуралистического описания таких понятий, как возможность и тождество. Его работа по проблеме тождества во времени, обсуждаемая в так и названной статье «Тождество во времени»¹⁴⁰, в которой он отстаивает четырёхмерный взгляд на пространство-время, отражает его стремление решать сложные онтологические вопросы в рамках строго натуралистического подхода. Размышляя над натуралистическим подходом к проблеме возможности, он предложил в 1989 году собственную метафизику возможных миров в монографии «Комбинаторная теория возможности». В этой работе он предлагает натуралистический подход к модальной метафизике, объясняя возможности как комбинации фактических сущностей и свойств. Вместо того, чтобы постулировать абстрактные возможные миры, Армстронг утверждает, что возможности конструируются из существующих элементов в реальном мире, таких как партикулярии, свойства и отношения. В этой структуре возможные положения дел возникают путём переконфигурирования

¹³⁹ Armstrong D. M. *What Is a Law of Nature?* Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

¹⁴⁰ Armstrong D. M. *Identity Through Time* // van Inwagen P. (ed.) *Time and Cause: Essays Presented to Richard Taylor*. Dordrecht: D. Reidel, 1980. P. 67–78.

фактических сущностей и свойств различными способами, ограниченными логикой, но не требующими каких-либо фундаментально новых сущностей или абстрактных возможных миров. Таким образом, подход Армстронга обосновывает возможности в существующей структуре реального мира, что соответствует его приверженности строго натуралистической и эмпирической метафизике.

Армстронг завершил свою преподавательскую карьеру в 1991 году в возрасте 65 лет, однако продолжал активно заниматься научными исследованиями и в течение многих лет оставался деятельным почётным профессором, а также регулярно выступал как приглашённый преподаватель¹⁴¹.

В 1997 году он опубликовал монографию «Мир положений дел»¹⁴², в которой подвёл своего рода итог своим многолетним философским изысканиям. В этом труде он последовательно рассматривает такие темы, как натурализм, материализм, свойства, отношения, возможность, необходимость, числа, причинность и законы природы, одновременно предлагая свою версию онтологии фактов, которая, по его мнению, наиболее эффективно решает широкий круг метафизических проблем. Хотя работа 1997 года и подводит некоторый итог его деятельности, она не стала последним исследованием философа. В 2004 году он выпускает новую книгу, посвящённую метафизике истины, «Истина и факторы истинности»¹⁴³, где развивает корреспондентский подход к истине. По собственному признанию, именно в этот период он осознал важность факторов истинности для построения реалистической метафизики, и, учитывая эти идеи, в 2010 году вновь предпринимает попытку подвести итог своему метафизическому проекту в менее техническом, но весьма важном труде «Набросок систематической метафизики»¹⁴⁴; в этой работе он, среди прочего, предлагает новый взгляд на природу связи между партикуляриями и универсалиями. Все эти идеи подробно рассматриваются в следующей части моего исследования.

¹⁴¹ Franklin J. D. M. Armstrong, Sydney's Most Influential Philosopher: Life and Work // The Sydney Realist. No. 41. 2020. P. 4.

¹⁴² Armstrong D. M. A World of States of Affairs. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

¹⁴³ Armstrong D. M. Truth and Truthmakers. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

¹⁴⁴ Armstrong D. M. Sketch for a Systematic Metaphysics. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Дэвид Армстронг покинул наш мир положений дел 13 мая 2014 года в возрасте 87 лет.

Глава вторая. Мир положений дел

§1 Супервентность и тождество

1.1 Супервентность

Прежде чем переходить к реконструкции и анализу взглядов Армстронга по отдельным метафизическим проблемам, важно обсудить его представления о значении таких отношений как тождество и супервентность. Это позволит лучше понять его метафизику в целом, так как оба эти отношения играют важную и даже ключевую роль для принятия им многих позиций.

Для понятия супервентности Армстронг использует следующее определение:

«сущность Q супервентна на сущности Р тогда и только тогда, когда невозможно, чтобы Р существовала, а Q не существовала»¹⁴⁵.

Сущность Р в этом случае сама по себе должна быть возможной. Далее он уточняет, что невозможность в этом случае стоит понимать в самом сильном и абсолютном смысле: в том смысле, в каком невозможно, чтобы $7+5$ не было равно 12. Возможность же следует понимать как самую слабую, т.е. в таком смысле, в каком Земля могла бы не существовать или могла бы существовать урановая сфера диаметром более километра. Иными словами, в этом определении Армстронг подразумевает логическую супервентность.

Стоит отметить, что в современной литературе чаще встречается другое определение супервентности, фокусирующееся на отношениях между наборами свойств, а не между сущностями. Например, такое определение открывает статью о супервентности в Стэнфордской* энциклопедии философии:

¹⁴⁵ Armstrong D. M. A World of States of Affairs. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 11.

«Множество свойств A супервентно на другом множестве B только в том случае, если никакие две вещи не могут различаться свойствами из множества A , не различаясь также по своим свойствам из множества B »¹⁴⁶.

Похожим образом супервентность определяют Дж. Ким¹⁴⁷ и Д. Чалмерс¹⁴⁸, авторы наиболее важных работ, в которых понятию супервентности отводится одна из центральных ролей. Армстронг отмечает это обстоятельство: определение в терминах сущности выбрано им, т.к. определения, фокусирующиеся на свойствах, представляется ему более ограниченным, чем то, которое он хотел бы использовать для своих целей. Всё, что хочет утверждать Армстронг, — это что если сущность Q супервентна на сущности P , то существование P логически влечёт существование Q . Как уже отмечалось выше, это справедливо только для случаев, когда P является возможной сущностью. Армстронг не разъясняет это уточнение подробно, но, по всей видимости, оно связано с тем фактом, что из логической лжи может следовать всё что угодно, а так как в этом случае речь прямо идёт о логическом следовании, Армстронг, вероятно, хотел бы сохранить это его свойство. Стандартное представление о невозможных объектах предполагает возникновение противоречия при попытке составить понятие о таком объекте. Если мы уже получили такой объект, пусть это будет P^* , то, даже если Q супервентна на P^* и P^* существует, Q может отсутствовать, т.к. никаких логических ограничений в отношении следования у нас больше нет.

Также Армстронг предлагает определение супервентности в терминах возможных миров:

¹⁴⁶ McLaughlin, B., Karen B. Supervenience // The Stanford* Encyclopedia of Philosophy (Winter 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = <https://plato.sydney.edu.au/archives/win2023/entries/supervenience/> (дата обращения: 20.01.2026).

¹⁴⁷ Kim J. Physicalism, Or Something Near Enough. Princeton: Princeton University Press, 2005. P. 33.

¹⁴⁸ Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. Москва: URSS, 2013. 509 с. С. 55.

«[Сущность] Q супервентна на [сущности] Р тогда и только тогда, когда существуют Р-миры и все Р-миры являются Q-мирами¹⁴⁹».

Х-мир, в этом случае, — это такой мир, который содержит сущность Х, если же Х является универсалией, то такой мир должен содержать хотя бы одну инстанциацию Х. Армстронг не уточняет свою позицию в терминах глобальной и локальной супервентности,¹⁵⁰ но такое определение позволяет с высокой степенью достоверности предположить, что в общем случае он всё-таки имеет в виду, в первую очередь, глобальную супервентность.

Такое понимание супервентности можно проиллюстрировать на примере представлений Армстронга о внутренних отношениях. Некоторое отношение R можно считать внутренним относительно своих релятов, если невозможно, чтобы эти реляты существовали, а отношение отсутствовало (опять же, при условии, что совместное существование этих релятов является возможным). Например, если существуют числа 5 и 7, то отношения «быть больше» и «быть меньше» будут внутренними для них, т.к. 7 находится в отношении быть больше к 5, а 5 в отношении быть меньше к 7 в виду одного лишь значения этих понятий. Хотя такие отношения Армстронг не мог бы рассматривать в качестве подлинных базовых универсалий, ввиду их асимметричности, но подробнее вопрос об ограничениях, которые Армстронг накладывает на базовые универсалии будет рассматриваться ниже. На этом этапе важно продемонстрировать пример супервентности в том смысле, в каком о ней говорит Армстронг: когда у нас есть такие сущности как числа 5 и 7, невозможно, чтобы, например, отношение «быть больше» не существовало, т.к. 7 необходимо больше 5¹⁵¹.

¹⁴⁹ Armstrong D. M. A World of States of Affairs. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 11.

¹⁵⁰ Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. Москва: URSS, 2013. 509 с. С. 56–57.

¹⁵¹ Armstrong D. M. Sketch for a Systematic Metaphysics. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 24–25.

Хотя в определениях супервентность вводится как несимметричное отношение, оно не является асимметричным. Армстронг считает, что примером симметричной супервентности могут являться случаи отношения частей к целому: мереологическое целое супервентно на своих частях, но и части также находятся в супервентностной зависимости от целого. Если это так, то супервентность сама по себе, вряд ли может говорить об онтологическом приоритете одних сущностей по отношению к другим. Сущность *P* будет фундаментальной по отношению к сущности *Q*, только если *Q* несимметрично супервентна на *P*. При этом интуитивно кажется, что *P* может быть фундаментальна по отношению к *Q*, даже если между ними имеет место симметричная супервентность. Например, из существования 5 и 7 логически следует существование множества {5, 7}, но и из существования множества {5, 7} логически следует существование 5 и 7, при этом интуитивно кажется верным, что 5 и 7 являются фундаментальными по отношению к множеству, составленному из них, но не наоборот.

В своих метафизических построениях Армстронг исходит из того, что супервентностная надстройка¹⁵² не создаёт дополнительной онтологической нагрузки относительно своей базы¹⁵³. В таком случае внутреннее отношение не является онтологическим дополнением к своим релятам, а мереологическое целое не будет чем-то дополнительным относительно своих частей, так же, как и части не являются чем-то дополнительным относительно целого.

Армстронг также считает, что из этого следует тождество между мереологическим целым и его частями, т.е. согласно его представлениям симметричная супервентность даёт тождество¹⁵⁴. Но такое предположение представляется мне ошибочным. Это можно показать на том же примере чисел 5, 7 и множества {5, 7}. Как уже отмечалось выше, в этом случае мы имеем дело с

¹⁵² Здесь и далее я использую термин «супервентностная база» для таких сущностей, на которых нечто супервентно и «супервентностная надстройка» для таких, которые сами супервентны на чём-либо.

¹⁵³ Armstrong D. M. *A World of States of Affairs*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P.

12.

¹⁵⁴ Ibid.

симметричной супервентностью, но вряд ли здесь можно говорить о тождестве. Множество $\{5, 7\}$ состоит из двух элементов — непосредственно 5 и 7, в то время как множество $\{\{5, 7\}\}$ состоит только из одного элемента — множества $\{5, 7\}$, но если 5 и 7 тождественно $\{5, 7\}$, то элементы этих множеств должны быть тождественны, так что мы должны были бы утверждать, что два тождественно одному. Впрочем, как кажется, ошибочное представление Армстронга о том, что симметричная супервентность эквивалентна тождеству, не оказывает существенного влияния на его общие метафизические построения.

Стоит вернуться к вопросу об отсутствии дополнительной онтологической нагрузки в случае введения в нашу онтологию супервентностной надстройки. Армстронг действительно придерживается такого взгляда, но его оппонент мог бы потребовать у него обоснования для этого тезиса. У Армстронга нет прямого решающего аргумента в пользу этой позиции, но он считает, что она, как минимум правдоподобна. Чтобы усилить эту правдоподобность, он прибегает к весьма хитроумным рассуждениям. Например, когда мы говорим о возможных мирах, мы обычно без труда допускаем, что между различными возможными мирами есть некоторые внутренние отношения (в том смысле, в котором об этом говорилось выше): скажем, миры могут быть похожи друг на друга. Однако кажется крайне странным утверждать, что когда мы рассматриваем два возможных мира, то отношение схожести между ними — это некоторая дополнительная к ним сущность. Армстронг также приводит похожий пример с изолированными монадами. Если мы говорим, что монады отличаются друг от друга по своей природе, нас было бы сложно уличить в том, что в таком случае, кроме существования монад мы также вносим в нашу онтологию, в дополнение к самим монадам, отношение «отличаться по природе».

Такой взгляд на супервентность позволяет Армстронгу принять мереологический универсализм, т.е. возможность неограниченной мереологической композиции¹⁵⁵. Если целое супервентно на своих частях, то любое

¹⁵⁵ Armstrong D. M. A World of States of Affairs. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 13.

объединение частей в единый объект не даст никакой дополнительной онтологической нагрузки. Часто таким образом могут получаться крайне странные объекты. Например, рассмотрим целое, составленной из банки колы в моём холодильнике и Луны, назовём его Колуна. Колуна — это просто некоторая штука, которая существует исключительно в силу того, что существует моя банка колы и Луна. Колуна не является чем-то бóльшим, чем эти два объекта, у неё нет особых дополнительных по сравнению с ними свойств, нет собственного каузального потенциала, превосходящего Луну и мою колу по отдельности и т.д. Можно было бы возразить, что у такого объекта есть как минимум одно дополнительное свойство — *называться Колуной*, но вряд ли это можно считать собственным свойством или реальным свойством вообще. Если это так, то, по мнению Армстронга, сложно предложить основания для отказа такой сущности как Колуна в существовании.

Чтобы последовательно придерживаться этого тезиса, Армстронг не должен допускать в своей онтологии никаких случаев, когда супервентностная надстройка обладает дополнительными свойствами, т.к. наличие хотя бы одного такого случая не позволило бы ему пользоваться этой эвристикой как надёжным инструментом в построении метафизики. Сложные случаи для такой позиции могут представлять философские проблемы, которые для своего решения в некоторых версиях требуют постулирования сильной эмерджентности (например, такой подход может быть привлекательным в философии сознания). Таким образом, Армстронг должен предложить для таких проблем решения, не предполагающие отклонения от принципа отсутствия дополнительной онтологической нагрузки у супервентностной надстройки. Это он и пытается сделать в ходе построения своего метафизического проекта.

1.2 Тожество

На этом можно закончить предварительное рассмотрение взглядов Армстронга на роль супервентности в построении метафизики и переключиться на анализ его представлений о тождестве. Первое на что в этом случае стоит обратить

внимание — тот факт, что Армстронг, вслед за Джозефом Батлером ¹⁵⁶ предлагает различать строгое и нестрогое тождество. Конструкция «тот же самый» не всегда имеет одинаковое значение в обыденном языке и часто не означает того, что логики и философы подразумевают под знаком тождества «=». В этом случае речь идёт о таком смысле слова «тождество», который выражается в принципе неразличимости тождественного, также известном как закон Лейбница ^{157, 158}. Этот принцип гласит, что тождество вещей влечёт тождество их свойств. Такое тождество является транзитивным, рефлексивным и симметричным. Такое логико-философское понимание этого отношения по мнению Армстронга является фундаментальным, но не единственным. Помимо этого строгого понимания тождества есть и другое — нестрогое. Иногда мы говорим, что человек, которого мы видим сейчас — это тот же самый человек, которого мы видели вчера. Можно считать, что выражение «тот же самый» в этом случае указывает на тождество в самом строгом смысле этого слова. Армстронг приводит аргумент против такой позиции ¹⁵⁹. Да, действительно, в обыденной речи мы употребляем слово «тождество» в таком смысле: стулья, далматинцы и люди, которых мы встречаем сегодня, могут быть тождественны тем, которых мы видели вчера, но давайте рассмотрим случай «тождества» между человеком сегодня и человеком вчера. Совершенно очевидно, что многие его свойства изменяются: свойства человека меняются день ото дня. В этом примере принцип неразличимости тождественных не выполняется. В таком случае мы

¹⁵⁶ Butler, J. *The Analogy of Religion, to the Constitution and Course of Nature: To Which Are Added Two Brief Dissertations: I. On Personal Identity.—II. On the Nature of Virtue. With an introduction, notes, conspectus, and ample index, by Howard Malcom.* 17th ed. Philadelphia: J. B. Lippincott & Co., 1873. P. 319.

¹⁵⁷ Иногда законом Лейбница называют комбинацию из принципа неразличимости тождественного и принципа тождества неразличимого, или даже отдельно принцип тождества неразличимых, но сами эти принципы стоит различать, их можно отстаивать независимо друг от друга: см. Rodriguez-Pereyra G. *The Identity of Indiscernibles* // *The Stanford* Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2025 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = <https://plato.sydney.edu.au/archives/sum2025/entries/identity-indiscernible/> (дата обращения: 20.01.2026).

¹⁵⁸ Лейбниц Г. В. *Сочинения: в 4 т. Т. 3* / ред. и сост. Г. Г. Майоров, А. Л. Субботин; пер. Я. М. Боровского и др. М.: Мысль, 1984. С. 578–579.

¹⁵⁹ Armstrong, D. M. *Universals: An Opinionated Introduction.* Boulder, CO: Westview Press, 1989. P. 3–5.

имеем дело с тождеством в некотором другом смысле, его как раз и можно называть нестрогим. Армстронг считает, что, когда мы говорим, что человек сегодня тождественен человеку вчера, мы говорим о двух различных темпоральных частях, принадлежащих одному четырёхмерному целому — это целое тождественно себе в строгом смысле. То же самое касается любых случаев диахронического тождества. С таким, четырёхмерным, анализом тождества вещей во времени необязательно соглашаться на одном только основании введения деления тождества на строгий и не строгий типы — это часть отвлечённых метафизических воззрений Армстронга, которую в этом случае удобно использовать как пример. Даже если вы сторонник, например, эндурантизма и считаете, что в каждый момент времени объекты присутствуют во всей своей полноте, а не как временные срезы, то, по всей видимости, всё ещё невозможно было бы говорить, что в разные моменты времени человек тождественен себе в строгом смысле, т.к. закон Лейбница для таких случаев не был бы соблюден.

Этот пример касается случаев диахронического тождества, но нестрогое тождество необязательно должно возникать для случаев сохранения тождества во времени. Если мы с вами одновременно смотрим на один стул с разных углов, естественно будет сказать, что мы видим одну и ту же вещь, хотя в действительности мы видим разные части этой вещи. Нестрогое тождество возникает в тех случаях, когда мы говорим о разных частях некоторой вещи, отсылая к ней, как к целому, само это целое предполагается в качестве тождественного себе в строгом смысле.

Как видно, это различие между двумя типами тождества может играть роль при попытке найти ответ на проблему диахронического тождества личности. Это не единственный из классических метафизических вопросов, при рассмотрении которых Армстронг будет обращаться к этому различию — важную роль оно сыграет в обсуждении проблемы универсалий и вопроса о трансмировом тождестве. Само по себе это различие не даёт тех или иных конкретных решений, но может быть полезным для более точного понимания того, о чём идёт речь в различных важных метафизических спорах.

Так же как закон Лейбница может считаться анализом понятия тождества в строгом смысле или правилом, в соответствии с которым мы определяем наличие или отсутствие одного, можно предложить подобный анализ и для нестрогого тождества. Такой анализ предлагается Питером Гичем¹⁶⁰: относительное тождество — это тождество относительно некоторой сортиалии, две вещи могут быть одним и тем же P , но различными Q . Можно заметить, что Гич говорит не о нестрогом тождестве, а об относительном тождестве. Армстронг считает, что этот анализ правильно раскрывает также и суть идеи нестрогого тождества, но также он делает некоторое уточнение: нам необязательно формулировать этот принцип через обращение к сортиалиям. Когда мы говорим, что некоторые две вещи являются тождественными в нестрогом смысле этого слова, мы указываем, что они являются разными членами тождественного в строгом смысле класса эквивалентности¹⁶¹. Отношение эквивалентности в этом случае должно быть в каком-то смысле релевантным для каждого конкретного случая постулирования нестрогого тождества.

Можно вновь проиллюстрировать это примером пердурантистского тождества во времени. Когда мы говорим, что Антон в 27 лет тот же самый человек, что и Антон в 38 — это может быть проанализировано как: существует класс эквивалентности, основанный на отношении «быть частью того же четырёхмерного целого, что и», куда входят Антон в 27 и Антон в 38. Но для каждого конкретного случая нестрогого тождества, анализ того, какое именно отношение эквивалентности является релевантным, может потребовать сложной философской работы. Итоговый ответ к тому же часто может зависеть от разницы в тех или иных метафизических убеждениях, например, отношение «быть частью того же четырёхмерного целого, что и» по очевидным причинам не будет доступно эндурантисту. По утверждению самого Армстронга, он позаимствовал идею

¹⁶⁰ Geach P. T. Reference and Generality. Ithaca and London: Cornell University Press, 1980.

¹⁶¹ Отношение эквивалентности ($\sim$) — это бинарное отношение на некотором множестве X , свойства которого сходны со свойствами отношения тождества. Это отношение является транзитивным, рефлексивным и симметричным. Для элемента $a \in X$ его классом эквивалентности называется множество $[a] = \{x \in X \mid x \sim a\}$.

анализа нестрогого тождества через принадлежность к одному классу эквивалентности у своего студента Питера Анстея¹⁶².

Кроме разделения тождества на строгое и нестрогое Армстронг также выделяет такой тип тождества как частичное тождество. Этот тип выделяется не на тех же основаниях, что и два предыдущих, т.е. неверно было бы сказать, что Армстронг признаёт три типа тождества: строгое, нестрогое и частичное. Скорее это дополнительное измерение тождества. Тождество не может быть одновременно строгим и нестрогим, но может быть, например, строгим и частичным. Обычно вопрос тождества в философской традиции рассматривается на таких примерах как Утренняя звезда и Вечерняя звезда, Вальтер Скотт и автор «Уэверли» и т.п. По мнению Армстронга это приводит к тому, что из вида упускаются такие случаи, как, например, два смежных дома, имеющие общую стену, или Россия и входящая в неё Омская область. Именно подобные случаи были бы примерами частичного тождества: случаи наложения и случаи отношения части и целого.

Напрашивающееся возражение: эти случаи — это просто вообще никакие не случаи тождества. Тождество (а именно строгое полное тождество) есть между частями двух целых, но неверно говорить, что у двух целых при этом также есть какое-то частичное тождество из-за наличия у них общей части. Армстронг выбирает довольно необычную стратегию ответа на это возражение. Сначала он отмечает, что это скорее спор о словах, а затем утверждает, что введение такого отношения может иметь важное метафизическое значение и даже приводит краткий аргумент в пользу его принятия. Этот аргумент может быть реконструирован следующим образом:

П1. Между полностью различным сущим не может быть необходимых связей.
(Правило Юма)¹⁶³

¹⁶² Armstrong D. M. A World of States of Affairs. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 16.

¹⁶³ Hume, D. A Treatise of Human Nature. Ed. David Fate Norton and Mary J. Norton. Vol. 1: Texts. Oxford: Clarendon Press, 2007, P. 153.

П2. Существование целого необходимым образом связано с существованием его частей.

Заключение. Целое и часть не являются полностью различным сущим¹⁶⁴.

Такой же аргумент можно сконструировать и для случая наложения. Если стены вашей квартиры одновременно являются стенами соседних квартир, то исчезновение этих квартир в некотором смысле оставит вас без собственной — вы лишитесь всех внешних стен, что в некоторых случаях буквально оставит вас просто с пустым пространством, а в некоторых со странным внутренним каркасом, который, тем не менее, вряд ли можно было бы назвать квартирой. Метафизическое значение такого типа тождества будет обсуждаться подробнее в разделе об универсалиях и партикуляриях. Долгое время Армстронг считал, что наличие отношения частичного тождества позволило бы объяснить отношение инстанцииции, но в последней версии его теории его ответ на этот вопрос больше не требует такого допущения¹⁶⁵.

§2 Онтологический набросок

Начинать реконструкцию метафизического проекта Дэвида Армстронга удобно с представления общего онтологического наброска, предлагаемого им самим. Но сначала стоит выделить три онтологические доктрины, от которых отталкивается Армстронг. Во-первых, его проект является разновидностью онтологии фактов или фактуализма. Он предполагает, что мир, или всё, что существует, — это некоторое множество положений дел. Ярким образчиком фактуализма является проект Витгенштейна, представленный в «Логико-философском трактате»¹⁶⁶. Положения дел Армстронга и факты Витгенштейна — это практически одно и то же. Во-вторых, Армстронг придерживается натурализма, который он понимает как тезис о том, что мир есть не что иное, как

¹⁶⁴ Armstrong D. M. A World of States of Affairs. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 18.

¹⁶⁵ Подробнее об этом см. раздел 3.3.

¹⁶⁶ Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. London: Routledge and Kegan Paul, 1961 (1921).

пространственно-временная система, ничего дополнительного в мире нет. Как нетрудно понять, чтобы удержать две эти доктрины одновременно, Армстронг утверждает, что система пространства-времени тождественна множеству всех положений дел. В-третьих, его проект удовлетворяет тезису физикализма, понятому таким образом, что единственными объектами, которые содержит система пространства-времени, являются физические сущности, управляемые ничем иным, как законами физики¹⁶⁷. Теперь перейдём к рассмотрению онтологического наброска «армстронговского» мира.

Мир содержит некоторое количество простых или базовых индивидов (партикулярий) *b*, *c*, *d* и т.д. Количество таких элементов может быть как конечным, так и бесконечным: Армстронг считает, что это эмпирический вопрос. Такие партикулярии являются простыми только в том смысле, что они не располагают другими партикуляриями в качестве собственных частей, при этом они могут иметь неопределенное количество свойств, также, возможно, бесконечное, и находиться в неопределенном количестве отношений с другими партикуляриями, опять же, неопределённом без ограничений. Кандидатами на роль таких простых, или базовых партикулярий могут являться пространственно-временные точки (*point-instants*), но такие точки в этом случае отнюдь не предполагаются как «голые»; они обладают свойствами и включены в отношения с другими такими точками: их неправильно было бы представлять себе как пустоту. Обычные партикулярии, не базовые, т.е. такие, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни (столы, стулья, кувшины, коврики) в таком случае будут представлять собой комплексы таких простых индивидов¹⁶⁸. Но пространственно-временные точки — это лишь правдоподобный кандидат на роль базовых партикулярий. Армстронг считает, что для его проекта не принципиально, чем именно базовые партикулярии окажутся в итоге, более того, поскольку это тоже признаётся им эмпирическим вопросом, как

¹⁶⁷ Armstrong D. M. *A World of States of Affairs*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 4–10.

¹⁶⁸ Armstrong D. M. *A Combinatorial Theory of Possibility*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 38.

и количество таких индивидов, может оказаться, что нижнего предела анализа в случае деления партикулярий не существует — так что для любых партикулярий существуют партикулярии из которых они состоят, порождая структуры, продолжающиеся без конца вниз¹⁶⁹.

Мир также содержит, в каком-то количестве, простые свойства, F, G, H и т.д. Также как и в случае партикулярий точное количество таких свойств — это вопрос для эмпирического исследования, их может оказаться конечное число, а может и бесконечное. Эти свойства являются простыми в том смысле, что не обладают конституентами, которые сами по себе являлись бы свойствами или отношениями. Выбор слова «конституента» вместо слова «часть», как в случае партикулярий, здесь не является случайным, структурные свойства, т.е. свойства, не являющиеся простыми, в представлении Армстронга, не составлены из других свойств в мереологическом смысле — между ними нет отношения часть-целое. Такие свойства являются универсалиями. Объяснение того, что именно это значит можно отложить до следующего раздела; пока что можно просто отметить, что здесь имеется в виду всего лишь тот факт, что этими свойствами могут одновременно обладать неопределённое множество индивидов: если *b* является F, то отличный от него *c* также может являться F¹⁷⁰.

И наконец мир содержит, простые отношения, R, S, T, и т.д. Их количество точно также является эмпирическим вопросом. Простыми они являются в том же смысле, что и свойства, т.е. они не имеют свойств или отношений в качестве своих конституент. Как и свойства они являются универсалиями. Отношения могут быть диадическими, триадическими, ... *n*-адическими, т.е. связывать два, три, ... *n* релятов соответственно. Армстронг применяет к базовым отношениям принцип инстанциальной инвариантности: если отношение является *n*-адическим (в этом случае *n* стоит понимать как какое-то конкретное число) в одной своей

¹⁶⁹ Armstrong D. M. *A World of States of Affairs*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 32.

¹⁷⁰ Armstrong D. M. *A Combinatorial Theory of Possibility*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 38.

инстанциации, то оно должно сохранять то же самое количество мест во всех своих инстанциях. В представлении Армстронга, количество релятов для отношения — это часть того, чем это отношение является, а так как базовые отношения признаются универсалиями, то они должны быть строго тождественны во всех своих инстанциях, что было бы невозможно, если бы отношения менялись в этом аспекте: в лучшем случае тогда перед нами было бы уже нестрогое тождество¹⁷¹. Этот принцип встречается с возражениями. Например, Ф. МакБрайд¹⁷² считает, что количество мест могло бы не быть существенным свойством для универсалии. Однако на это можно ответить, что кажется очевидным, что потеря универсалией *любых* свойств не позволила бы нам говорить о строгом тождестве, т.к. это нарушало бы закон Лейбница, который касается всех свойств вообще, а не только существенных. Армстронг, тем не менее, предлагает другой довод: такая картина попросту выглядит крайне неправдоподобно: отрицающий этот принцип философ должен был бы утверждать, что свойства могут превращаться в отношения, т.к. это общий принцип для всех универсалий, а такую онтологическую картину сложно даже представить. Но оба этих довода не являются решающими. Армстронг и здесь готов согласиться, что наука будущего может открыть подобные преобразования. Этот принцип лишь является правдоподобным на априорных основаниях. Кроме того, отношения, меняющее количество своих релятов в различных инстанциях, существуют, как минимум, в языке: например, отношение «быть лучшим игроком в шахматы среди». Однако такое отношение не выглядит привлекательно в качестве кандидата на роль подлинной универсалии. Вопрос о принципе выбора лучших кандидатов на роль подлинных универсалий также будет обсуждаться ниже. Пока можно лишь сказать, что кандидатами на роль подлинных простых свойств, по мнению Армстронга, могли бы быть заряд, масса и другие свойства, которые современная физика рассматривает в качестве фундаментальных, а подлинными

¹⁷¹ Armstrong D. M. *Sketch for a Systematic Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 23.

¹⁷² MacBride F. The Particular-Universal Distinction: A Dogma of Metaphysics // *Mind*. 2005. № 114. P. 565–614.

универсальными отношениями могли бы оказаться каузальные или пространственно-временные отношения. Об этом стоит думать, в первую очередь, как об иллюстративных примерах, а не как о необходимой части проекта Армстронга.

Теперь, как кажется, у нас есть три фундаментальных элемента мира: простые индивиды, свойства и отношения. Но Армстронг отстаивает позицию, что они только кажутся фундаментальными. Как уже отмечалось в начале этого параграфа, Армстронг сторонник фактуализма: согласно его подходу, мир не является конструктором, состоящим из этих трех элементов — на самом деле, мир состоит из положений дел, а эти элементы являются только абстракциями от этих положений дел. Называя эти элементы абстракциями, Армстронг не подразумевает, что они каким-либо образом являются потусторонними, ментальными или нереальными. Имеется в виду, что, хотя в результате акта избирательного внимания их можно рассматривать отдельно от тех положений дел, в которых они фигурируют, хотя фактически они никогда не существуют вне этих положений дел.

Если b простая партикулярия, а F — простое свойство, то b является F — будет атомарным положением дел. Атомарные положения дел независимы друг от друга, в том смысле, в каком независимость предполагается Правилем Юма, т.е. любые атомарные положения дел могут иметь или не иметь место вне зависимости от того имеют или не имеют место любые другие положения дел. F и b в этом случае являются конституентами положения дел. Но простое существование партикулярии b и свойства F ещё не гарантирует, что b является F . Во-первых, два различных положения дел могут иметь одни и те же элементы в качестве своих конституент. Например, если некоторое отношение R не является симметричным, то положение дел b находится в отношении R к d и положение дел d находится в отношении R к b — это два совершенно различных положения дел, составленных, тем не менее, из одних и тех же элементов. Во-вторых, существование некоторого положения дел влечёт существование его конституент, но обратное неверно — его конституенты могли бы существовать и без наличия самого положения дел. Например, положение дел b является F влечёт существование партикулярии b и свойства F , но если бы в

мире имели место положения дел *d является F* и *b является G*, то хотя оба элемента положения дел *b является F* в этом случае также бы существовали, само такое положение могло бы не иметь места. В разделе о супервентности и тождестве я уже упоминал, что Армстронг поддерживает мереологический универсализм, поэтому простого одновременного существоавния *b* и *F* достаточно для существования их мереологической суммы, но недостаточно для существования положения дел *b является F*, поскольку последнее не является простой мереологической суммой своих конституэнт, но предполагает нечто большее¹⁷³.

Если совсем коротко суммировать всё вышесказанное, мы получим следующую картину: мир есть не что иное, как пространственно-временная система, эта система тождественна множеству всех положений дел, содержанием положений дел, которое можно абстрагировать от них, являются физические сущности (партикулярии, свойства и отношения). Так может быть представлен общий онтологический набросок «армстронговского» мира. Далее я несколько подробнее остановлюсь на подходе Армстронга к проблеме универсалий.

§3 Проблема универсалий¹⁷⁴

Переходя к позиции Дэвида Армстронга по вопросу универсалий, полезно сначала зафиксировать, как он сам понимает статус этой проблемы. Для Армстронга она не сводится к особенностям языка или к удобству предикативной речи, а представляет собой обязательную метафизическую задачу: если мы всерьёз занимаемся онтологией, мы не можем просто закопаться головой в песок и объявить, что предикаты в нашем языке работают, а потому ничего объяснять не нужно. Именно поэтому он полемизирует с теми версиями антиреализма в отношении универсалий, которые предлагают трактовать вопрос об универсалиях как псевдопроблему. Армстронг подчёркивает: в метафизике на вопрос об

¹⁷³ Armstrong D. M. A Combinatorial Theory of Possibility. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 42–43.

¹⁷⁴ Этот параграф написан на основании статьи: Тарасенко Т.Н. Апостериорный реализм Дэвида Армстронга // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2025, том 49, № 2, с. 21–35.

универсалиях требуется дать систематический ответ, то есть ответ, который не только совместим с практикой науки и повседневным мышлением, но и даёт внятные онтологические основания для того, почему мир устроен так, что возможны законы природы, каузальные объяснения и объективное сходство вещей.

Чтобы сформулировать проблему в том виде, в котором он намерен с ней работать, Армстронг выделяет два различения, задающие рамку обсуждения¹⁷⁵. Во-первых, он обращается к дистинкции между типами и токенами, восходящей к Пирсу¹⁷⁶. Во-вторых, вслед за Батлером¹⁷⁷ он предлагает различать строгое и нестрогое тождество¹⁷⁸. Эти различения нужны ему не как нейтральная логико-лингвистическая подготовка, а как способ показать: классический аргумент «одно над многими» (*one over many*) не принуждает нас к реалистической онтологии автоматически; а если это так, то реальный вес в аргументации в пользу универсалий должен ложиться на более «нагруженные» объяснительные основания — прежде всего каузально-номологические.

Различие между типами и токенами удобно увидеть на простом примере:

the

the

Можно спросить: сколько слов перед нами в предыдущей строке? На этот вопрос есть два одинаково корректных ответа. Первый: перед нами одно слово — слово «the»; этот ответ предполагает, что мы понимаем слово как абстрактную единицу (тип). Второй: перед нами два слова — два отдельных случая одного и того же слова, то есть два токена «the». Иными словами, перед нами два токена одного типа.

То же различие легко распространяется на другие случаи: «12 стульев» — это двенадцать токенов одного типа «стул»; «101 далматинец» — 101 токен одного типа «далматинец»; «33 несчастья» — 33 токена одного типа «несчастье» и так далее.

¹⁷⁵ Armstrong D. M. *Universals: An Opinionated Introduction*. Boulder: CO: Westview Press., 1989a. P. 1–4.

¹⁷⁶ Peirce C. S. *Prolegomena to an apology for pragmatism* // *Monist*. 1906. Vol.16. P. 492–546. P. 506.

¹⁷⁷ Butler, J. *The Analogy of Religion, to the Constitution and Course of Nature: To Which Are Added Two Brief Dissertations: I. On Personal Identity.—II. On the Nature of Virtue. With an introduction, notes, conspectus, and ample index, by Howard Malcom*. 17th ed. Philadelphia: J. B. Lippincott & Co., 1873. P. 319.

¹⁷⁸ См. §1.2

Во всех этих примерах мы сталкиваемся с феноменом одинаковости: различные партикулярии могут представлять один тип. Это в первом приближении и подталкивает нас к признанию существования универсалий: если разные вещи «одинаковы» в некотором отношении, не означает ли это, что у них есть нечто одно и то же?

На раннем этапе собственной разработки этой проблемы Армстронг действительно придавал именно этому соображению существенный вес, рассматривая «одно над многими» как серьёзное основание в пользу постулирования свойств как общих сущностей¹⁷⁹. Однако позже он начинает подчёркивать, что сама по себе языковая форма «то же самое» двусмысленна: она может быть понята как указание на строгое тождество, но может быть понята и как указание на сходство. Эта двусмысленность играет ключевую роль в его поздней оценке аргумента «одно над многими»: он оказывается недоказательным, потому что номиналист вправе сказать, что «та же самая краснота» означает лишь «неразлично похожий оттенок» или «сходство в цвете», не обязывая нас принимать буквально единое, присутствующее во многих местах.

Для ясности следует также напомнить различие качественного и нумерического тождества. Качественное тождество означает совпадение по признакам при нумерической различности; нумерическое тождество означает строгую идентичность, речь в его случае идёт буквально об одной и той же вещи. Два напечатанных на бумаге слова «the» качественно совпадают, но нумерически различны. Поэтому, когда мы говорим, что два токена «одинаковы как тип», остаётся открытым вопрос: подразумеваем ли мы здесь строгое тождество или лишь качественное совпадение при признании нумерической различности.

Вооружившись этим различием, можно заново взглянуть на рассуждение, которое подталкивает к реализму в отношении универсалий. В своей наивной форме оно выглядит так: две различные вещи «одинаковы как тип», следовательно, есть нечто одно и то же — тождественное в строгом смысле — «общее» им обоим;

¹⁷⁹ Armstrong D. M. A Theory of Universals (Universals and Scientific Realism, Volume 2). Cambridge: Cambridge University Press, 1978b. P. 11–12.

естественный кандидат на роль такого общего — универсалия. Однако в этом переходе скрыто сильное допущение: что «одинаковость» действительно требует именно строгого тождества одного и того же сущего, присутствующего во многих местах. Армстронг подчёркивает, что именно игнорирование различия строгого и нестрогого тождества порождает впечатление, будто универсалии здесь почти неизбежны¹⁸⁰.

Но как только это различие зафиксировано, возникает предварительный и принципиальный вопрос: действительно ли в «одинаковости как типе» нам нужно строгое тождество? Номиналист вправе ответить отрицательно: «та же самая F-ность» может означать не строгую тождественность одного сущего, а лишь нестрогое тождество — например, принадлежность к одному типу или классу, сходство по некоторому основанию, или иной способ «объединения» множества случаев без введения единой повторяемой сущности. В этом смысле различие строгого и нестрогого тождества для Армстронга важно не как семантическая оговорка к обороту «то же самое», а как показатель того, почему аргумент «одно над многими» сам по себе не решает вопроса об онтологии универсалий: из факта одинаковости ещё не следует, что в мире должно существовать буквально одно и то же, строго тождественное во многих местах. Следовательно, реалисту недостаточно сослаться на привычную форму речи; нужно предъявить независимые основания, показывающие, что без универсалий мы теряем объяснительную силу — прежде всего в отношении законов природы, каузальных объяснений и объективного сходства вещей. Именно к таким основаниям и обращается Армстронг в своей дальнейшей аргументации.

3.1 Апостериорный реализм Армстронга

Армстронг — сторонник онтологии фактов (положений дел): в его проекте мир состоит из положений дел. Положение дел — это единство партикулярии и универсалии: факт того, что эта партикулярия есть F, или что одни партикулярии

¹⁸⁰ Armstrong D. M. *Universals: An Opinionated Introduction*. Boulder: CO: Westview Press., 1989a. P. 5.

стоят в отношении R к другим. Важно, что в этой онтологии нельзя представить мир как «набор независимых деталей», которые затем дополнительно соединяются: универсалии реальны, но не как самостоятельные сущности «вне» мира, а как элементы фактов, то есть как имманентные универсалии.

Эта имманентность выражается в тезисе инстанциации: универсалии существуют только постольку, поскольку они инстанцированы хотя бы в одной партикулярии; и, с другой стороны, партикулярии не могут существовать, не инстанцируя хотя бы одну универсалию¹⁸¹. В поздней формулировке эта идея приобретает вид анти-юмовского ограничения на «абсолютный разрыв» между партикуляриями и универсалиями: какие именно свойства имеет партикулярия — дело контингентное, но полностью «без свойств» она существовать не может; аналогично, универсалия не обязана иметь именно те инстанциации, которые имеет, но должна быть инстанцирована хотя бы однажды¹⁸².

Такая позиция является имманентным реализмом: универсалии не вынесены в отдельное платоническое «царство форм», но присутствуют в вещах (*universalia in rebus*). Армстронг сознательно перекладывает бремя доказательства на платониста: мир пространства-времени дан нам непосредственно, тогда как отдельная область «чистых универсалий» — гипотеза, которую нужно оправдать объяснительной ценностью. С этим связано и его неприятие неинстанцированных универсалий: вводить «пустые» свойства, которым ничего в мире не соответствует, — значит плодить сущности без необходимости.

Здесь же проявляется ещё одна важная черта его реализма, которую иногда упускают, если ограничиться формулой «универсалии существуют». Армстронг не принимает «промискуитетную» онтологию, согласно которой каждому общему предикату автоматически соответствует универсалия. Он прямо критикует аргумент от значимости общего слова: из того, что общий термин осмыслен, не

¹⁸¹ Armstrong D. M. *A Theory of Universals (Universals and Scientific Realism, Volume 2)*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978b. P. 113.

¹⁸² Armstrong D. M. *Sketch for a Systematic Metaphysics..* Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 32.

следует, что у него должен быть единичный референт-универсалия. Иначе говоря, из того, что слово «единорог» имеет смысл, не следует, что где-то должна существовать «универсалия единорожности». Такое мышление Армстронг связывает с ошибкой типа «Фидо—Фидо»: по аналогии с тем, что имя «Фидо» соотнесено с собакой Фидо, делается вывод, будто общий термин обязательно должен быть соотнесён с одной общей сущностью. Армстронг считает подобную логику плохой именно потому, что она заранее подменяет философский вопрос желаемым ответом на него, превращая теорию универсалий в неразборчивую схему «универсалия под каждый предикат».

Вместо этого он проводит линию «скудных» (sparse) универсалий: реальные универсалии — это те свойства и отношения, которые необходимы для наилучшего объяснения мира и которые обнаруживаются через научное исследование, прежде всего через законы природы. Отсюда вытекает характерная для него критика «искусственных» свойств: дизъюнктивных, конъюнктивных и отрицательных предикатов, которые легко образуются на уровне языка, но не обязаны соответствовать самостоятельным элементам бытия. Тезис о «скудности» связан с принципом «заработка»: универсалии, если они постулируются, должны «оплачивать своё содержание» объяснительной работой, а не вводиться автоматически по грамматическому шаблону.

Чтобы увидеть архитектуру этой позиции более отчётливо, полезно последовательно рассмотреть несколько вопросов, которые возникают при первом столкновении с имманентным реализмом Армстронга. Во-первых, если партикулярии и универсалии не имеют независимого способа существования, как в этой онтологии различить их как категории? Во-вторых, как отличать универсалии друг от друга? В-третьих, какова связь между партикулярией и универсалией и как избежать регресса Брэдли? В-четвёртых, если не каждому предикату соответствует универсалия, как установить, какие именно универсалии реально существуют? И, наконец, в-пятых, почему следует отказаться от номиналистической опции, которая обещает онтологическую экономию?

3.2 Как различать партикулярии и универсалии?

Вопрос об индивидуации партикулярий Армстронг обсуждает через ряд пропозиций¹⁸³, которые позволяют описать, какие различители он готов считать фундаментальными. Прежде всего он использует пространство-время и «природу» вещи (совокупность свойств), фиксируя, что различие пространственно-временных локализаций надёжно различает партикулярии, тогда как совпадение по природе само по себе не гарантирует нумерического тождества, если локализация не включена в природу.

(i) Для всех партикулярий x и y , а также всех вариантов пространственно-временного расположения P и Q , если x обладает P , а y обладает Q , при этом $P \neq Q$, то $x \neq y$.

(ii) Для всех партикулярий x и y , а также всех вариантов пространственно-временного расположения P и Q , если x обладает P , а y обладает Q , при этом $P = Q$, то $x = y$.

Армстронг не принимает (ii) как необходимую истину, поскольку допускает абстрактные партикулярии, которые могли бы совпадать по локализации, но различаться как сущности (его пример: «визуальный шар» и «тактильный шар»).

(iii) Для всех партикулярий x и y , а также всех вариантов природы M и N , если x обладает M , а y обладает N , при этом $M \neq N$, то $x \neq y$.

(iv) Для всех партикулярий x и y , а также всех вариантов природы M и N , если x обладает M , а y обладает N , при этом $M = N$, то $x = y$.

Армстронг также не признаёт (iv) необходимой истиной: совпадение по природе совместимо с различием по локализации.

¹⁸³ Armstrong D. M. A Theory of Universals (Universals and Scientific Realism, Volume 2). Cambridge: Cambridge University Press, 1978b. P. 122–124.

(v) Для всех партикулярий x и y , а также всех вариантов пространственно-временного расположения P и Q и вариантов природы M и N , если x обладает P и M , а y обладает Q и N , при этом $P = Q$, а $M = N$, то $x = y$.

Объединённый принцип (v) он готов считать необходимым при определённых фоновых допущениях о пространстве-времени; в четырёхмерной картине он выглядит правдоподобно.

Эти тезисы описывают индивидуацию партикулярий и одновременно помогают развести категории партикулярий и универсалий. Универсалии не занимают уникальной точки пространства-времени таким образом, чтобы локализация исчерпывающе характеризовала их как «эту самую» сущность. Универсалия — «единое, проходящее через многое»: она может быть полностью присутствующей в разных партикуляриях, расположенных в разных местах и временах. Следовательно, тот механизм, который работает для индивидуации партикулярий, к универсалиям не применим.

Здесь полезно добавить ещё один мотив, важный для общего облика армстронговской онтологии. Армстронг, хотя и реалист относительно универсалий, не растворяет конкретные вещи в одних только свойствах. Он предпочитает схему «субстрат плюс свойства»: вещь включает носителя (иногда описываемого как «тонкая партикулярия») и набор инстанцируемых универсалий, образующий «толстую партикулярию». Альтернатива — пучковая теория, где вещь есть просто пучок свойств, — по его мнению, вынуждена вводить особую связку совместного наличия (*compresence*), которая начинает выполнять роль «склейки» уже между свойствами. В субстратной картине связь между вещью и свойством асимметрична: эта партикулярия имеет это свойство, но свойство не «имеет» партикулярию; эта асимметрия для Армстронга лучше соответствует интуиции о зависимости свойств от носителей и позволяет удержать категорию партикулярности как фундаментальную.

Поскольку универсалии не индивидуируются локализацией, возникает вопрос об их различении. Частично различение даёт «число мест» для отношений: одноместные свойства и многоместные отношения уже по форме различаются. Кроме того, многие универсалии сложны и имеют структуру: различие структуры различает их. Однако Армстронг допускает, что существуют и простые универсалии, не имеющие внутренней структуры; тогда остаётся лишь нумерическое различие: универсалии различны просто как разные сущности одного рода¹⁸⁴. Эта точка зрения может казаться неудовлетворительной, но она логически симметрична признанию простых партикулярных: не всё обязано иметь анализ через более простые компоненты.

3.3 Какая связь существует между партикуляриями и универсалиями?

Хотя положения дел — это объединения партикулярных и универсалий, не следует понимать это как простую мереологическую сумму. Армстронг — сторонник мереологического универсализма¹⁸⁵, и потому для существования мереологической суммы достаточно существования ее слагаемых; но для существования факта *b есть F* требуется нечто большее — то, что делает их единством. На языке теории универсалий это выражают словами «инстанциация», «экземплификация», «связка». Но если трактовать инстанциацию как отдельное отношение, возникает т.н. регресс Брэдли: для связи *b* и *F* через *I* понадобится ещё одно отношение *I'*, связывающее (*b*, *I*, *F*), и так далее¹⁸⁶.

Армстронг обсуждал разные ответы на это затруднение. Один из ключевых ходов — подчёркивание того, что базовой онтологической единицей является положение дел как уже связанное единство, а «связка» не добавляет новую сущность. Говорить об инстанциации можно, но это не означает, что кроме факта *b*

¹⁸⁴ Armstrong D.M. Sketch for a systematic metaphysics. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 33–43.

¹⁸⁵ Armstrong D. M. A World of States of Affairs. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 13.

¹⁸⁶ Perovic K. Bradley's Regress // The Stanford* Encyclopedia of Philosophy (Winter 2017 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <https://plato.sydney.edu.au/archives/win2017/entries/bradley-regress/> (дата обращения: 20.01.2026).

есть F существует ещё один самостоятельный объект «инстанциация», нуждающийся в собственной инстанциации. Положения дел первичны, а партикулярии и универсалии вторичны в том смысле, что они не способны к самостоятельному существованию вне положений дел. «Голая» партикулярия без свойств и неинстанцированная универсалия оказываются ложными абстракциями, а минимальной единицей независимого существования становится именно положение дел. В этом смысле регресс обрывается на признании факта как чего-то фундаментального: дальнейшие переформулировки не требуют новых факторов истинности и не увеличивают онтологию. Армстронг признаёт, что эта позиция является тонким местом его теории, однако добавляет: если считать подобный регресс разрушительным, то он грозит не только реализму универсалий. Номиналисту, который объясняет свойства через принадлежность к множеству, придётся иметь дело с отношением принадлежности; номиналисту сходства — с отношением сходства; и если требовать «связку для связки» без права остановки, то ни одна стратегия не окажется в выигрышном положении по сравнению с другими.

Такая общая стратегия у Армстронга получила разные разработки¹⁸⁷. Долгое время одним из наиболее важных вариантов была теория частичного тождества: составляющие положения дел мыслились не как полностью независимые компоненты, которые затем соединяются внешней связкой, а как элементы, уже внутренне связанные в составе одного факта¹⁸⁸. В последней версии, однако, центр тяжести смещается к ограниченному отступлению от правила Юма. Партикулярия и универсалия остаются различными сущностями, но ни одна из этих категорий не может существовать в полном отрыве от другой: универсалия должна быть инстанцирована, а партикулярия должна что-то инстанцировать. Конкретная инстанциация при этом остаётся контингентной: даже если *b есть F*, *b* могла бы не быть *F*, а *F* могла бы быть инстанцирована не *b*, а другими партикуляриями.

¹⁸⁷ Mumford S. David Armstrong. L.: Routledge, 2007. P. 185–187.

¹⁸⁸ Armstrong D. M. Truth and Truthmakers. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 46–47.

Необходима не связь именно *b* и *F*, а более общее отношение взаимной онтологической несамостоятельности партикулярий и универсалий¹⁸⁹.

Это позволяет Армстронгу считать, что связка между партикулярией и универсалией сама не является дополнительной универсалией и не запускает регресс как порождение новых сущностей того же уровня. Она выражает не наличие ещё одного элемента внутри факта, а тот способ, каким партикулярии и универсалии существуют в составе положений дел: они остаются различными категориями, но не существуют как полностью самостоятельные сущности, которые затем внешне соединяются. Поэтому факт *b есть F* не является ни простой суммой *b* и *F*, ни результатом добавления к ним третьей вещи. Он является первичным единством, внутри которого партикулярия и универсалия уже связаны как составляющие одного положения дел.

3.4 Какие именно универсалии являются реально существующими?

Апостериорный реализм Армстронга — это не просто лозунг «универсалии существуют», а тезис о методе: метафизика должна опираться на лучшие эмпирические эпистемические практики, прежде всего на естественные науки. Нельзя установить каталог универсалий априори, только лишь анализируя язык. Напротив, «реальные» универсалии — это те, которые необходимы для объяснения мира через законы природы, каузальные связи и фундаментальные регулярности, причём в пределе ориентиром выступает идеальная завершённая наука будущего¹⁹⁰.

Отсюда следует идея «скудности»: не каждому предикату соответствует универсалия, и вопрос о том, какие универсалии существуют, не решается исходя из грамматической формы наших суждений. Армстронг не считает, что язык обязан быть онтологической картой мира; напротив, язык легко образует предикаты, которые не отражают фундаментальной структуры бытия. Особенно характерны в этом отношении отрицательные, дизъюнктивные и конъюнктивные предикаты: их

¹⁸⁹ Armstrong D. M. *Sketch for a Systematic Metaphysics*. Oxford: Clarendon Press, 2010. P. 32–33.

¹⁹⁰ Armstrong D. M. *Universals: An Opinionated Introduction*. Boulder: CO: Westview Press., 1989. P. 19.

можно строить без конца, но это не означает, что мир должен содержать соответствующие самостоятельные сущности.

Естественный путь установления универсалий Армстронг связывает с законами природы: если законы понимаются как отношения между универсалиями, то список законов даёт ориентир для списка универсалий, фигурирующих в этих отношениях¹⁹¹. Здесь же работает требование каузальной эффективности элементов нашей теории: постулируемое сущее должно «создавать разницу» в каузальном устройстве мира. Универсалии, согласно Армстронгу, как раз и удовлетворяют этому требованию: инстанцируясь, они участвуют в причинных объяснениях и в законах.

Важным уточнением в этой связи является различие определяемых и определяющих свойств. Определяемое — это более общий род (иметь цвет, иметь массу), определяющее — конкретная разновидность (быть красным; иметь массу ровно 10 килограммов). Армстронг считает, что именно определяющие свойства являются лучшими кандидатами на роль универсалий¹⁹². Это связано с тем, что универсалия предполагается строго тождественной во всех инстанциациях, а научная практика часто опирается на точные, измеримые величины и различения. Кроме того, именно определяющие свойства обычно входят в каузально-номологические объяснения: предсказания и расчёты делают на основании конкретных значений параметров, а не на основании слишком общих родовых характеристик.

3.5 Почему не номинализм?

Так как аргумент «одно над многими» не является решающим, основная линия Армстронга против номинализма состоит в следующем: номиналистические замены универсалий либо не дают онтологических оснований для каузальности и

¹⁹¹ Ibid. P. 8–9.

¹⁹² Ibid. P. 21.

законов, либо вводят такие конструкции, которые оказываются не менее обременительными и при этом хуже соответствуют объяснительным интуициям¹⁹³.

Рассмотрим прежде всего классовый номинализм, то есть идею, что свойство есть множество всех вещей, обладающих этим свойством. Здесь Армстронг использует несколько взаимосвязанных возражений. Во-первых, классы обладают жёсткими условиями тождества: два класса тождественны тогда и только тогда, когда совпадают по элементам. Отсюда возникает проблема коэкстенсивных свойств: возможно, что в актуальном мире два разных свойства имеют ровно одних и тех же носителей, оставаясь различными по содержанию (классический тип примеров — «имеющий сердце» и «имеющий почки»). Классовый номинализм вынужден отождествить такие свойства, потому что соответствующие множества совпадают. Но это выглядит как слишком сильное априорное ограничение на то, чем может быть различие свойств, и плохо согласуется с тем, что мы считаем эти свойства различными и мыслим их как могущие расходиться¹⁹⁴.

Во-вторых, Армстронг указывает на направление объяснения: интуитивно кажется естественнее говорить, что вещь принадлежит классу потому, что она обладает свойством, а не обладает свойством потому, что принадлежит классу. Классовая редукция, тем самым, переворачивает зависимость: класс оказывается первичнее свойства, хотя в объяснениях и в научной практике мы как раз группируем по наличию характеристик, а не приписываем характеристики опираясь на группирование¹⁹⁵.

В-третьих, и это особенно важно для его общей стратегии, классовый номинализм плохо работает на каузальном уровне. Когда предмет давит на весы, действует этот предмет, а не «все члены множества четырёхкилограммовых вещей». Если «иметь массу 4 килограмма» означает лишь «быть членом некоторого класса», то непонятно, каким образом принадлежность к классу может выступать каузально релевантной характеристикой именно этой вещи. Класс слишком

¹⁹³ Ibid. P. xi.

¹⁹⁴ Ibid. P. 25.

¹⁹⁵ Ibid. P. 28.

внешний по отношению к индивидуальному событию: каузальная работа совершается конкретным носителем, а не абстрактной совокупностью. У этих соображений есть и эпистемическое измерение: когда мы распознаём свойство в восприятии, объект воздействует на органы чувств в силу своих характеристик; трудно представить, что причина нашего зрительного опыта должна включать отношение объекта к громадному (или даже бесконечному) классу всех красных вещей. В реалистической картине это выглядит проще: объект вызывает соответствующий опыт потому, что обладает реальной чертой, которая каузально участвует в процессе¹⁹⁶.

Попытка смягчить классовый номинализм через «естественные классы» для Армстронга также не даёт устойчивого основания. Чтобы отличить естественный класс от произвольного, нужно либо апеллировать к объективному сходству членов класса, либо вводить примитив «естественности». В первом случае номинализм начинает зависеть от теории сходства; во втором — фактически получает скрытый аналог универсалий: «естественность» становится тем, что делает некоторые классы привилегированными в структуре мира. Армстронг считает, что если уж мы вынуждены постулировать такие привилегированные основания, то гораздо прозрачнее и проще признать универсалии как то, что «стоит за» естественностью, чем объявлять естественность неонтологической привилегией некоторых множеств¹⁹⁷.

Номинализм сходства представляет более серьёзную альтернативу. В версии сходства мы говорим: две розы обе красные потому, что они сходны по цвету; никакой единой «красноты» не нужно. Здесь важна мысль о том, что сходство может быть внутренним отношением, то есть таким, которое целиком определяется природами сравниваемых вещей. Если это так, то сходство не добавляет нового «ингредиента» к миру: оно супервентно на том, какие вещи уже есть. В этой

¹⁹⁶ Ibid. P. 28–29.

¹⁹⁷ Ibid. P. 36–37.

перспективе знаменитый регресс Рассела (сходства сходны, значит есть универсалия сходства) перестаёт быть автоматическим убийцей теории¹⁹⁸.

Однако Армстронг не принимает сходство как окончательную замену универсалий по другой причине: у теории сходства возникают трудности с критериями релевантности. Любые две вещи похожи в одних отношениях и непохожи в других; чтобы построить «типы» на основе сходства, нужно заранее знать, какое измерение сходства является существенным. Возникает проблема «несовершенного сообщества»: может случиться, что А похоже на В в одном отношении, В похоже на С в другом, а А и С вовсе не похожи; тогда сеть сходств не даёт чистой и устойчивой классификации. В итоге номиналист оказывается зависим от предположения, что мир «достаточно аккуратен», что сходства естественным образом группируются в чёткие кластеры. Армстронг считает это метафизически небезопасной ставкой: реализм объясняет кластеризацию тем, что вещи разделяют одни и те же универсальные природы, тогда как номинализм сходства вынужден надеяться на удачную структуру мира. Отсюда его характерная формула: не сходство определяет тип, а тип определяет сходство¹⁹⁹.

Наконец, особое место в полемике занимает теория тропов — «умеренный» номинализм, который принимает реальность свойств, но отрицает их повторяемость. В этой картине каждая роза имеет свой индивидуальный троп красноты, а общность объясняется точным сходством тропов. Армстронг относится к этому варианту с заметным уважением, поскольку тропы позволяют воспроизвести многие функции универсалий без введения повторяемых сущностей; недаром он описывает онтологию тропов как «рай задёшево». Тем не менее он видит в ней несколько принципиальных издержек. Во-первых, теория тропов обычно нуждается в связке совместного наличия тропов, которая снова поднимает вопрос «склейки» объекта, только в иной форме. Во-вторых, она вынуждена примитивизировать точное сходство тропов, представляя его как фундаментальное отношение, а это в известном смысле возвращает нас к

¹⁹⁸ Ibid. P. 43

¹⁹⁹ Ibid. P. 49.

проблемам номинализма сходства. В-третьих, и это для Армстронга решающе, тропы хуже приспособлены к его пониманию законов природы: если законы — это отношения между универсалиями, то у трописта нет повторяемых сущностей, между которыми можно установить единое номическое отношение; остаётся либо редуцировать закон к регулярности, либо вводить надстройку, которая начинает выглядеть как скрытый реализм²⁰⁰.

§4 Факторы истинности²⁰¹

Теория истины Армстронга — это теория факторов истинности. Вопрос о том, является ли теория факторов истинности корреспондентской теорией, требует отдельного исследования; однако сам Армстронг прямо пишет, что его теория — это развитие корреспондентской теории²⁰². С его точки зрения, это лишь некоторая версия этой теории с определёнными дополнениями. Чтобы понять, из чего состоит ответ Армстронга на вопрос «Что такое истина?» в связи с его теорией, необходимо ответить на три вопроса.

1. Что является носителями истины?
2. Что является факторами истинности?
3. Какое отношение существует между носителями истинности и факторами истинности — такое, что истина создаётся?

4.1 Что является носителями истины?

Начнём с первого вопроса. Носителями истины по Армстронгу являются пропозиции²⁰³. Природа пропозиций не является очевидной и требует прояснения.

Пропозиции — это не речевые акты. Они представляют собой интенциональные объекты убеждений, мыслей и тому подобного, то есть абстракции от содержания убеждений и мыслей. Пропозиции — это то, во что

²⁰⁰ Ibid. P. 122.

²⁰¹ Этот параграф написан на основании статьи: Тарасенко Т.Н. Теория факторов истинности Дэвида Армстронга // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87, с. 82-90.

²⁰² Armstrong D. M. Truth and Truthmakers. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 16.

²⁰³ Ibid. P. 5.

верят, что предполагают, в чём сомневаются, и так далее. Такого рода вещи и являются пропозициями.

Здесь возникает стандартное сомнение: пропозиции, по-видимому, не являются пространственно-временными объектами и вряд ли являются физическими; тогда может показаться, что в метафизику Армстронга вводится платонистский элемент. Однако решение проблемы с пропозициями у Армстронга вполне стандартно для его системы: реализм в отношении универсалий и объявление их абстракциями от положений дел не мешает ему признавать их физическими, а пропозиции просто объявляются универсалиями. Следовательно, пропозиции существуют только в своих инстанциациях, так что дополнительной онтологической нагрузки не возникает. Пропозиции — это типы, а не токены.

Далее появляется дополнительная проблема: может казаться, что должны существовать неинстанцированные пропозиции. Это впечатление связано с тем, что обычно допускается существование некоторых истин, которых мы не знаем или можем не узнать никогда. Это впечатление является особенно острым, если мы придерживаемся метафизического реализма: из этой позиции прямо следует, что могут существовать пропозиции, относительно которых мы никогда не узнаем их истинностное значение. Речь идёт о возможных пропозициях, которым не обязательно быть реальным содержанием чьих-то убеждений, сомнений и тому подобного. Армстронг отвечает именно так: носителями истины являются не просто пропозиции, а возможные пропозиции. Соответственно, носители истины не обязательно должны быть инстанцированными пропозициями. Для объяснения того, что такое возможные пропозиции, требуется некоторая теория модальных истин, то есть ответ на вопрос о том, что делает пропозицию действительно возможной пропозицией; модальную теорию Армстронга я буду обсуждать в ниже, в § 5.

Таким образом, носители истины в рамках теории истины Армстронга — это возможные пропозиции. Пропозиции также могут быть и невозможными. Содержанием наших мыслей может быть невозможный объект, например

квадратный круг (в евклидовой геометрии); это нормальная пропозиция. Для такой пропозиции нет фактора истинности, но это не делает ее не-пропозицией.

4.2 Что является факторами истинности?

Поскольку Армстронг является сторонником фактуалистской онтологии, положения дел могут выглядеть лучшим кандидатом на роль факторов истинности. При этом важно уточнить, что не для всех истин факторами истинности являются положения дел. Для некоторых истин факторами истинности могут являться партикулярии. Например, пропозиция «два меньше трёх» будет истинной в силу одного только существования чисел «два» и «три».

При поиске факторов истинности нас интересуют не просто какие-то факторы истинности, а минимальные²⁰⁴. Минимальный фактор истинности — это нечто, чего достаточно для того, чтобы некоторая пропозиция была истинной. Например, для пропозиции «в комнате есть хотя бы один человек» минимальным фактором истинности будет наличие в комнате кого-то одного, хотя также эта пропозиция будет истинна и в силу наличия в комнате двух, трёх и более людей. Различие между минимальными факторами и другими факторами можно зафиксировать следующим образом. Если взять мир целиком, то он является фактором истинности для любой истины. Однако такая теория истины была бы не особенно полезной.

Однако требование минимальности сталкивается с трудностью в тех случаях, где сама структура истины не позволяет выделить наименьший достаточный фрагмент реальности. Особенно ясно это видно на примере истин о бесконечности. Допустим, в мире существует бесконечное количество электронов. Тогда для пропозиции «в мире существует бесконечное количество электронов» фактором истинности может служить совокупность всех электронов. Но она не будет минимальной: для истинности этой пропозиции достаточно и любой бесконечной собственной подсовокупности электронов — например, каждого второго, каждого девятого или каждого сотого электрона. В каждом таком случае мы вроде бы

²⁰⁴ Ibid. P. 63–64.

отбрасываем часть исходной совокупности, однако не получаем конечного остатка и не приближаемся к наименьшему основанию истины: перед нами снова бесконечная совокупность, достаточная для истинности той же самой пропозиции. Поэтому здесь не удаётся выделить минимальный фактор истинности: для данной истины существует множество достаточных факторов, но ни один из них не является наименьшим.

4.3 Какое отношение существует между носителями истины и факторами истинности?

Теперь можно перейти к третьему вопросу, вопросу об отношении. Факторы истинности делают пропозиции истинными посредством детерминации, или «вынуждения». Отношение создания истины, то есть отношение, которое существует между факторами истинности и носителями истины, является необходимым отношением. В пользу необходимости этого отношения Армстронг выдвигает два довода. Первый довод состоит в следующем: если положение дел *b есть F* является предполагаемым фактором истинности пропозиции *p*, но недостаточно для истинности *p*, тогда *b есть F* может существовать без того, чтобы пропозиция *p* была истинна. Но это предполагает, что для того, чтобы *p* была истинной, необходимо нечто большее, чем *b есть F*, и эта другая вещь, назовем ее *b есть F + U*, где *U* — какое-то другое положение дел, будет лучшим кандидатом на роль фактора истины для *p*, чем *b есть F*. Это так для любого последующего кандидата на роль фактора истинности *p*, пока мы не достигнем нечто, чьё существование будет несовместимо с ложностью *p*²⁰⁵.

Согласно этой линии рассуждения, будет с необходимостью обнаруживаться нечто, в свете существования чего пропозиция *p* истинна. Если для некоторой пропозиции невозможно найти такой фактор истинности, существование которого исключало бы её ложность, то такая пропозиция просто не бывает истинной. В этом случае отсутствие факторов истинности не является неожиданным; также

²⁰⁵ Ibid. P. 6–7.

отсутствует и необходимое отношение, поскольку для него отсутствуют нужные реляты, то есть здесь в принципе нет никакого отношения.

Эту позицию можно назвать детерминизмом в отношении факторов истинности. С ней связана трудность, которая не является специфичной для теории Армстронга: это общая трудность, возникающая в связи с обсуждением корреспондентских теорий истины. Отношение «вынуждения» объявляется необходимым. При этом оно является кросскатегориальным. Пропозиции и положения дел — это вещи из разных категорий, тем более возможные пропозиции. Армстронг утверждает, что между ними существует необходимое отношение. В числе привычных типов необходимости обычно выделяются логическая необходимость и, возможно, номологическая или каузальная необходимость, однако это не кросскатегориальные необходимости; здесь требуется иная необходимость.

Проблема возникает и на уровне самой идеи кросскатегориальных отношений: требуется указать, что это такое и какие существуют примеры. Армстронг предлагает следующий ответ. Если пропозиции — это актуальное или возможное содержание убеждений, мыслей и тому подобного, то отношение между реальностью и пропозициями уже существует; это само по себе кросскатегориальное отношение. Если содержанием убеждений и мыслей может быть пропозиция, то ясно, что речь идёт об объектах из разных категорий. Тогда остаётся понять, почему отношения такого рода могли бы быть необходимыми. В качестве другого примера кросскатегориального отношения часто рассматривают отношение именования. Это остаётся предметом дискуссии, но в некоторых случаях у нас есть кандидаты, которые можно признать кросскатегориальными отношениями²⁰⁶.

Мы рассмотрели один довод, почему это отношение должно быть необходимым; это основной аргумент Армстронга в пользу этого тезиса. Помимо него, у Армстронга есть другой довод, демонстрирующий правдоподобность

²⁰⁶ Armstrong, D.M. (2005) Reply to Simons and Mumford. *Australasian Journal of Philosophy*. 83(3). P. 271–276.

существования такого отношения. Он предлагает рассмотреть, является ли контингентным фактом то, что люди являются фактором истинности для пропозиции «существует хотя бы один человек» и не являются фактором истинности для пропозиции «существует хотя бы одна чёрная дыра». Этот пример показывает, почему это отношение может рассматриваться как необходимое.

Отношение «вынуждения» является внутренним в том смысле, что для того, чтобы оно возникало, не нужно, чтобы существовало что-то кроме носителя и фактора истинности для этого носителя. Если существует фактор и существует носитель, то между ними возникает такое отношение.

Для характеристик этого отношения важно уточнить, что оно не является отношением один к одному. Оно может быть отношением один к одному в некоторых случаях, например в случаях существования конкретных объектов. Тогда, вероятнее всего, фактором истинности является не положение дел, а объект. Так, фактором истинности для пропозиции «существует Антон Кузнецов» является Антон Кузнецов; в таком случае это будет отношением 1 к 1. Однако фактором истинности для утверждения «в этой комнате есть один человек» является любой человек, находящийся в этой комнате, или некоторое множество, выбранное из этих людей; следовательно, у этой пропозиции может быть множество факторов истинности. Возможна и обратная ситуация: одно и то же положение дел выступает в качестве фактора истинности сразу для нескольких пропозиций. Например, для пропозиций «здесь находится 3 человека», «здесь находится 4 человека», «здесь находится 5 человек» фактором истинности будет положение дел, что здесь находится 5 человек.

4.4 Как понимать соответствие «многие–ко–многим»?

Эти примеры фиксируют общий тип соответствия «многие–ко–многим»: один и тот же фактор истинности может выступать фактором истинности для разных пропозиций, и в то же время одна и та же пропозиция может иметь разные факторы истинности. Возникает вопрос, как именно метафизически понимать эту множественность. В одном варианте предполагается одна универсалия отношения

«вынуждения» с двумя местами: отношение всегда связывает ровно один фактор истинности T и ровно одну пропозицию p , а «многие–ко–многим» исчерпывается множеством его инстанций ($T-p_1$, $T-p_2$, ... и T_1-p , T_2-p , ...). В другом варианте некоторые случаи «многие–ко–многим» понимаются не как множество двуместных инстанций, а как единичные реляционные факты, в которых «вынуждение» связывает один T сразу с несколькими пропозициями или несколько T с одной пропозицией; но тогда речь идёт уже об отношении с большим количеством мест. Здесь становится существенным принцип инстанциальной инвариантности универсалий отношений: универсалия отношения фиксирована по количеству мест, то есть одна и та же универсалия отношения не может в одних инстанциях быть двуместной, а в других, например, трёхместной, четырёхместной и так далее. Следовательно, при втором понимании придётся говорить не об одной универсалии «вынуждения», а о семействе различных универсалий «вынуждения», различающихся по количеству мест.

Насколько можно судить по текстам Армстронга, он не эксплицирует эту развилку в виде отдельного метафизического тезиса о статусе «вынуждения» как универсалии отношения. Поэтому вопрос о том, предполагает ли его метафизика одну универсалию «вынуждения» с двумя местами или семейство универсалий «вынуждения» с разным количеством мест, остаётся непроясненным.

4.5 Максимализм в отношении факторов истинности

Армстронг называет своей теорией о природе истины следующее утверждение: «Пропозиция p истинна, если и только если существует некоторое T такое, что T вынуждает p , и p истинна в силу T »²⁰⁷. Он не считает это определением, поскольку как в правой, так и в левой части этого кондиционала используется слово «истина» (так что если бы речь шла об определении, то в этом определении был бы круг); Армстронг рассматривает это формулировку лишь как призванную прояснить, как работает истина.

²⁰⁷ Armstrong D. M. Truth and Truthmakers. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 17.

Позиция Армстронга является максимализмом в отношении факторов истинности. Это значит, что он считает, что для всех пропозиций, которые вообще являются истинными, есть факторы истинности, то есть любая пропозиция, которая является истинной, является истинной в силу существования для неё фактора истинности²⁰⁸.

У Армстронга нет прямого аргумента в пользу максимализма. Его стратегия состоит в том, чтобы рассмотреть и разрешить сложные случаи — т.е. случаи, которые могли бы потенциально представлять проблему для этого тезиса. Если рассмотреть все сложные случаи и для всех сложных случаев обнаружить факторы истинности, то будет хотя и оптимистичным, но все же достаточно обоснованным взгляд, что для и любых других истин тоже есть факторы истинности. К сложным случаям Армстронг относит негативные истины, модальные истины, истины математики и общие истины.

Справиться с этими сложными истинами должен принцип следования. Принцип следования — это принцип, согласно которому, если T является фактором истинности для p , а из p следует q , то T также является фактором истинности для q . Армстронг утверждает, что это следование не может рассматриваться в качестве классического следования логики, поскольку необходимые истины следуют из чего угодно; тогда для необходимых истин всё, что угодно, было бы фактором истинности, однако «что угодно» не является для таких истин фактором истинности. Однако для меня осталось неясным, почему нельзя допустить, что всё, что угодно, является фактором истинности для необходимых истин, и в чём именно состоит нежелательность этого результата. При этом Армстронг всё же предлагает использовать принцип следования как способ анализа дедуктивных аргументов. Идея заключается в следующем: в валидном аргументе фактор истинности заключения содержится в факторах истинности для посылок. Заключение не нуждается в дополнительных факторах истинности. Иначе говоря, фиксируется

²⁰⁸ Ibid. P. 63.

следование между пропозициями, и оно позволяет установить, что имеющийся фактор истинности пригоден для носителей, которые находятся в заключении²⁰⁹.

Рассмотрим последовательно сложные случаи и предложенные Армстронгом решение для них.

Начнем с негативных истин. Негативные истины иллюстрируются следующим примером: «в этой комнате сейчас нет носорога». Для такой истины, как и для любой другой, требуется фактор истинности. Среди позитивных фактов, т.е. фактов, фиксирующих некоторое наличное положение дел, кандидатов на эту роль обнаружить не удаётся, поэтому Армстронг предлагает следующее решение: признать, что в мире существуют некие негативные факты. Негативные факты в случае Армстронга — это т.н. факты полноты²¹⁰. Факт полноты вместе со всеми положительными фактами об этой комнате позволяет получать факторы истинности для всех негативных истин об этой комнате. Это можно разъяснить на следующем примере.

Для этой комнаты имеется некоторый ограниченный набор позитивных фактов. В этой комнате находится некоторое количество людей, стульев, столов, и так далее; все они описываются теми или иными способами. Так или иначе можно высказать конечное количество положительных фактов об этой комнате. К этому набору фактов, когда он исчерпан, требуется добавить факт «и это всё», т.е. «ничего другого в этой комнате нет», и наличие этого ограничивающего факта вместе с совокупностью положительных фактов будет выступать в качестве фактора истинности для негативных истин. Одновременно то же самое сочетание всех положительных фактов и факта «это всё» будет выступать фактором истинности для общих истин, т.е. истин типа «у всех стульев в этой комнате по четыре ножки». Общие истины могут быть переформулированы в негативные и наоборот — именно поэтому это решение подходит для обоих случаев.

Можно спросить: зачем вообще нужны факты полноты, если можно было бы обойтись простыми негативными фактами, в которых прямо фиксируется

²⁰⁹ Ibid. P. 65–66.

²¹⁰ Ibid. P. 58.

отсутствие? Дело в том, что если допустить существование такого самостоятельного негативного факта, как «в этой комнате нет носорога», то комната немедленно окажется заполненной бесконечным количеством подобных негативных фактов (ведь в комнате нет не только носорога, но и много чего еще). Тогда мир получается во всех своих частях наполнен бесконечным числом негативных фактов. Это выглядит нежелательным, поскольку в онтологии появляется бесконечное количество странных сущностей. Факты полноты, по-видимому, уменьшают это количество: в комнате нет носорога, обезьяны, динозавра и чего угодно ещё, чего здесь нет, — не в связи с отдельными негативными фактами, а в связи с одним и тем же фактором истинности.

Однако если фактов полноты тоже бесконечное количество, то это преимущество становится сомнительным. Что их бесконечное количество, можно считать в связи с обсуждением некоторых фактов математики и, что более принципиально, в связи с тем, что количество партикулярий и количество универсалий в конечном счете тоже может оказаться бесконечным. Если нет уверенности в том, что партикулярии и универсалии в мире не бесконечны по количеству, то нет уверенности и в том, что ограничивающих фактов не бесконечное количество; если их тоже бесконечное количество, то в итоге у нас всё равно получается бесконечное множество негативных фактов. Показать, что в этом случае одна бесконечность «больше» другой, может быть исключительно сложно, и неочевидно, что это вообще возможно.

Если в обоих вариантах получается бесконечное множество негативных фактов, то неясно, есть ли большая разница между тем, являются эти факты фактами полноты или простыми фактами вида «здесь нет носорога». Это выглядит проблематичным. Теория, согласно которой существуют негативные факты типа «здесь нет носорога», кажется маловероятной и накладывает сильные онтологические обязательства, которых хотелось бы избежать; но в рассмотренном выше случае факты полноты не имеют очевидных преимуществ. Но число партикулярий и универсалий может всё-таки оказаться и конечным, в этом случае версия с фактами полноты действительно выглядит предпочтительной.

Отдельно нужно рассмотреть математические истины. В случае негативных истин проблема состояла в том, что в мире как будто нет того, в силу чего такая пропозиция могла бы быть истинной. В случае математических истин проблема состоит в том, что они, по-видимому, требуют факторов истинности, которые не укладываются в пространственно-временную онтологию Армстронга. Если истинна пропозиция « $7 + 5 = 12$ », то максимализм требует указать, что делает её истинной. Первый ответ Армстронга состоит в том, что её делают истинной сами числа 7, 5 и 12, поскольку между ними имеется необходимое внутреннее отношение. Если эти сущности даны, то соответствующая арифметическая пропозиция не может быть ложной²¹¹. Однако этот ответ сразу переносит трудность на другой уровень: нужно объяснить, что делает истинными пропозиции о существовании самих чисел. Платонический ответ Армстронг отвергает, поскольку числа не могут быть сущностями, существующими вне пространственно-временного мира. Понимание чисел как классов равночисленных классов он также считает неудовлетворительным: некоторый класс имеет семь членов не потому, что он принадлежит к классу всех семичленных классов; напротив, он принадлежит к этому классу потому, что уже имеет семь членов. Поэтому Армстронг предпочитает понимать число не как самостоятельную абстрактную сущность, а как нечто вроде свойства или отношения, инстанцируемого классами или мереологическими целыми в сочетании с принципом индивидуации.

Это можно разъяснить на примере числа 7. Если на озере находятся семь лебедей, то имеются мереологическая сумма этих лебедей и некоторое свойство, задающее единицу счёта, например свойство «быть лебедем сейчас на озере». Это свойство как бы делит данную мереологическую сумму на семь единиц. Отношение между этой суммой и свойством, задающим единицу счёта, Армстронг рассматривает как инстанциацию числа 7. При этом само число 7 не добавляется к лебедям, их сумме и соответствующему свойству как ещё один самостоятельный компонент положения дел. В этом смысле фактор истинности для таких истин не

²¹¹ Ibid. P. 98–100

требует постулирования особого платоновского объекта. Достаточно пространственно-временных вещей, их мереологической суммы и свойства, которое задаёт способ счёта. Однако это означает, что число у Армстронга не является обычной универсалией его системы. Его нельзя обнаружить в мире так, как можно обнаружить массу, заряд или некоторое физическое отношение. В мире можно обнаружить семь лебедей или семь камней, но не само число 7 как самостоятельный компонент реальности²¹².

Главная трудность возникает в связи с чистой математикой, особенно с неинстанцированными и бесконечными структурами. Если математическая структура фактически инстанцирована в пространственно-временном мире, то Армстронг может указать для неё фактор истинности в духе приведённого выше примера. Но математика, по-видимому, говорит не только об инстанцированных структурах. Она говорит и о структурах, которые, возможно, нигде не реализованы. Поэтому Армстронг переходит к поссибилистскому ответу: для математического существования необязательна актуальная инстанциация, достаточно возможности инстанциации соответствующей структуры. Математическое доказательство существования некоторой сущности в таком случае не вводит новую сущность в онтологию, а показывает, что соответствующая структура возможна²¹³. Однако для максимализма факторов истинности это означает, что проблема не исчезает, а переходит ещё дальше, теперь на уровень модальных истин. Если истинно, что некоторая математическая структура возможна, то и эта истина должна иметь фактор истинности. В противном случае поссибилизм начинает сближаться с фикционализмом: математические утверждения сохраняют внутреннюю корректность, но уже не получают полноценного онтологического основания. Поэтому математические истины не столько образуют изолированную проблему для максимализма, сколько указывают на более общий вопрос: что делает истинными утверждения о возможности и необходимости.

²¹² Armstrong D. M. *Sketch for a Systematic Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 93–96.

²¹³ Ibid.

Итак, остаётся ещё одно серьёзное затруднение — модальные истины, т.е. истины типа «возможно, что p », «необходимо, что p » и т.п.. Проблема здесь мотивирована именно максимализмом: философски наиболее интересны не случаи вида « $\Diamond p$ », когда p фактически истинно (фактором истинности для таких пропозиций может служить то же положение дел, что и для самого p), а случаи, когда p фактически ложно, но всё же истинно « $\Diamond p$ ». То есть речь идёт об истинах о ложных контингентностях, или, как предпочитает говорить Армстронг, о «всего лишь возможном» — о возможностях, которые не реализованы. В целом такие примеры выглядят тривиально («вы могли бы весить на 100 грамм больше» или «Путин мог бы не быть президентом России»), но в рамках теории факторов истинности ситуация заметно усложняется: требуется указать, что именно в мире делает истинным высказывание о возможности того, чего в мире нет. Стандартные ответы современной метафизики кажутся Армстронгу слишком онтологически затратными: это либо модальный реализм в духе Льюиса, либо актуалистские эрзац-конструкции²¹⁴. Сам Армстронг, напротив, стремится найти более «скромные» факторы истинности, по возможности не вводя новой области сущего. Отсюда и возникает его принципиальная идея: если для контингентных истин уже имеются факторы истинности, то, возможно, именно их достаточно и для истин о всего лишь возможном.

Технически этот ход строится следующим образом. Пусть T кросс-категориально вынуждает p , то есть является фактором истинности для p . Предположим также, что p контингентно. Тогда, согласно Армстронгу, если p контингентно, то сама природа контингентности позволяет перейти от p к *возможно, что не- p* . Следовательно, по принципу следования, если T является фактором истинности для p , то T будет фактором истинности и для *возможно, что не- p* ²¹⁵. Философская ставка этого шага состоит в том, что факторы истинности для всего лишь возможного не требуют введения специальных модальных сущностей,

²¹⁴ См. более подробное обсуждение этих позиций ниже в § 5.1 в § 5.2.

²¹⁵ Armstrong D. M. Truth and Truthmakers. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 84.

а могут быть унаследованы от факторов истинности контингентных истин. Необходимость можно получить с помощью оператора возможности и отрицания: «необходимо, что p », значит «неверно, что возможно не- p ». Именно в этом состоит предложенное Армстронгом решение проблемы модальных истин. Однако оно опирается на сильное модальное допущение о природе контингентности, которое создаёт давление на общую рамку модальной метафизики Армстронга; подробнее этот пункт будет рассмотрен в заключительной части следующего раздела.

В целом теория факторов истинности Армстронга задаёт жёстко реалистическую схему для объяснения истины: носителями истины выступают возможные пропозиции, факторами истинности — главным образом положения дел (а в отдельных случаях партикулярии), а связь между ними мыслится как необходимое кросс-категориальное «вынуждение». Максималистская установка — искать факторы истинности для всех истинных пропозиций — заставляет теорию работать с трудными классами истин (негативными, общими, модальными и математическими) и вводит соответствующие метафизические обязательства: в частности, факты полноты для негативных истин и специфическую трактовку модальных истин через принцип следования. В результате теория одновременно даёт мощный объяснительный каркас и делает особенно заметными узкие места своей онтологии и модальной метафизики, требующие отдельного обсуждения, которое будет предложено дальше по тексту.

§5 Возможные миры²¹⁶

Принято считать, что многое в мире могло бы обстоять иначе, чем оно актуально обстоит. В момент написания этого текста я мог бы работать не за ноутбуком, а за стационарным компьютером; вы могли бы читать его не с экрана, а с распечатанного листа или наоборот. Для каждой такой контрфактической ситуации мы можем попытаться описать все одновременные с ней ситуации и, в зависимости от принятых взглядов на метафизику времени, также

²¹⁶ Этот параграф написан на основании статьи: Тарасенко Т.Н. Прологомены к метафизике возможных миров // Финиковый Компот, 2025, № 20, С. 4–104.

предшествующие и последующие. Так мы получаем некоторое целостное описание альтернативного мира. Разные описания будут отличаться в зависимости от того, какие ситуации в них реализованы. В этом смысле актуальный мир оказывается лишь одним из множества возможных миров.

Идея возможных миров оказывается чрезвычайно плодотворной. Благодаря работам Сола Крипке она играет ключевую роль в современной модальной логике, обеспечивая для неё семантику²¹⁷. Однако сама по себе семантика возможных миров оставляет открытыми фундаментальные метафизические вопросы. Прежде всего — что именно считается возможными мирами и как понимать существование объектов в таких мирах.

Та же конструкция возможных миров естественным образом возникает и в рамках проекта Армстронга. Если, как было показано в §4, мы стремимся дать объяснение модальных истин в терминах факторов истинности, нам требуется модельная картина модальности: некоторое пространство альтернативных «конфигураций мира», на фоне которого можно говорить о возможности и необходимости. Возникают по меньшей мере два базовых вопроса: во-первых, что такое возможный мир, во-вторых, что значит для некоторого объекта существовать в возможном мире.

Можно выделить три основные стратегии ответа на эти вопросы: конкретизм, абстракционизм и комбинаториализм. В настоящем параграфе они будут кратко охарактеризованы, после чего основное внимание будет уделено той версии комбинаториализма, которую предлагает Армстронг и которая должна согласовываться с его онтологией положений дел и теорией факторов истинности.

5.1 Конкретизм

Конкретизм в метафизике возможных миров — это подход, согласно которому возможные миры суть объекты того же типа, что и актуальный мир, а

²¹⁷ Kripke S. A Completeness Theorem in Modal Logic // Journal of Symbolic Logic, 1959, Vol. 24, No. 1, P. 1–14; Kripke S. Semantical Considerations on Modal Logic // Acta Philosophica Fennica, 1963, Vol. 16, P. 83–94.

именно всеохватывающие совокупности физических объектов, расположенных в пространстве и времени. Физических — в том же смысле, в каком физическими являются объекты нашего актуального мира. Ситуация, в которой я сейчас пишу этот текст на ноутбуке, может быть представлена как некоторый набор физических объектов и отношений между ними. Интуитивно кажется естественным, что контрфактическая ситуация, в которой я пишу этот текст за персональным компьютером, также должна быть некоторым набором объектов и отношений между ними. То же верно для любого контрфактического сценария.

Соответственно, ответ конкретиста на первый вопрос таков: возможный мир — это всеохватывающая совокупность объектов, организованных в единое пространство-время. Различные возможные миры отделены друг от друга полным отсутствием каузального взаимодействия. Наш мир в метафизическом смысле не привилегирован по отношению к прочим; называя его актуальным, мы лишь отмечаем, что именно в этом мире находимся мы, когда о нём говорим.

Ответ на второй вопрос прямо следует из первого. Существовать в некотором возможном мире — значит быть объектом, входящим в совокупность объектов этого мира. Конкретисты не постулируют никакого особого «типа существования» для объектов в возможных мирах: они существуют точно так же, как и объекты актуального мира.

Строго говоря, если в актуальном мире существуют нефизические сущности и их онтологический статус может быть прояснён, то конкретистская картина не запрещает возможным мирам включать и такие сущности; существеннее не физическая природа объектов, а то, что они принадлежат к тому же общему онтологическому типу, что и объекты нашего мира. Однако основные версии конкретизма в литературе опираются на физикализм, а главный его проponent, Дэвид Льюис²¹⁸, открыто придерживается физикалистской картины мира.

Среди преимуществ конкретизма выделяют, с одной стороны, чрезвычайно ясные и прямые ответы на основные вопросы о статусе возможных миров и

²¹⁸ Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford: Basil Blackwell, 1986.

существовании в них объектов, а с другой — возможность редуктивного анализа модальных операторов, когда «возможно» и «необходимо» трактуются через квантификацию по конкретным мирам.

Недостатки также хорошо известны. Во-первых, такая онтология радикально расходится со здравым смыслом: она требует принять реальное существование гигантского множества каузально изолированных миров, столь же «реальных», как наш. Сам Льюис подчёркивает, что эта цена высока. Во-вторых, отсутствие какой-либо каузальной связи между этими мирами и нашим делает их онтологический статус сомнительным: в иных контекстах именно каузальная неэффективность часто рассматривается как серьёзный аргумент против включения чего-либо в список реально существующего²¹⁹.

5.2 Абстракционизм

Абстракционизм исходит из иных интуиций. Вместо того чтобы мыслить возможные миры как дополнительные конкретные «комплексы вещей», он понимает их как абстрактные сущности. Можно считать, что, когда я утверждаю, что мог бы писать этот раздел не на ноутбуке, я отсылаю к некоторому абстрактному объекту — возможному состоянию актуального мира.

Абстракционизм значительно менее гомогенный подход, чем конкретизм. В деталях, зачастую весьма существенных, взгляды его сторонников могут сильно различаться, что осложняет общую характеристику теории. В самом общем виде возможный мир трактуется как максимально полное описание того, какими могли бы быть вещи: как такая пропозиция, к которой нельзя добавить никаких дальнейших деталей, не сделав её противоречивой. Возможный мир — это абстрактное положение дел, которое одновременно является возможным и полным. Принципиально важно, что актуальный мир в этой картине не является подобной

²¹⁹ Лакс М. Дж., Крисп Т. М. Метафизика: современное введение / пер. с англ. М. В. Семиколенных, под науч. ред. С. М. Левина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. С. 226–235; Т.Н. Тарасенко. Прологомены к метафизике возможных миров // Финиковый Компот, 2025, No. 20, С. 58–69; Menzel, C. Possible Worlds // The Stanford* Encyclopedia of Philosophy (Fall 2025 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = <<https://plato.sydney.edu.au/archives/fall2025/entries/possible-worlds/>>.

абстракцией: он есть источник фактического материала, относительно которого формируются такие описания.

Усреднённый ответ абстракциониста на первый вопрос таков: возможный мир — это максимальное возможное положение дел (или максимальная возможная пропозиция). Уже на этом уровне начинаются расхождения: одни авторы отождествляют возможные миры с положениями дел, другие — с пропозициями, третьи — с наборами свойств или структурированных описаний и т.д.

Ответ на второй вопрос можно сформулировать следующим образом. Некоторый объект существует в определённом возможном мире тогда и только тогда, когда соответствующий возможный мир есть такое абстрактное положение дел (или пропозиция), в которое входит утверждение о существовании этого объекта. Для прояснения этого ответа удобно взять упрощённый пример. Рассмотрим два «микроскопических» возможных мира.

Пусть мир w_1 описывается так:

(Существует шлем Дарта Вейдера & Существует меч Люка Скайуокера & Это всё.)

Мир w_2 отличается и описывается так:

(Существует шлем Дарта Вейдера & Существует меч Люка Скайуокера & Существует Звезда смерти & Это всё.)

Для Звезды смерти существовать в w_2 и не существовать в w_1 — значит, что утверждение её существования входит во вторую конъюнкцию и не входит в первую. В этом смысле принадлежность объекта миру определяется его местом в полном описании мира.

Главное достоинство абстракционизма — его гибкость при сохранении достаточно глубокой связи с нашими модальными интуициями. Как и конкретизм, он даёт относительно прямые ответы на вопросы о статусе возможных миров и

существовании в них объектов, хотя множественность версий делает общую картину менее однозначной. При этом абстракционизм, по-видимому, в меньшей степени, чем конкретизм, вступает в конфликт со здравым смыслом: он не требует постулировать конкретные каузально замкнутые вселенные помимо нашей.

С другой стороны, для натуралистически ориентированной метафизики абстракционизм связан с серьёзными трудностями. Он опирается на существование абстрактных сущностей, что натуралисту приходится объяснять и оправдывать. Кроме того, во многих версиях абстракционизма модальность оказывается концептуальным примитивом: возможный мир определяется через то, каким мог бы быть актуальный мир, т.е. «возможное» определяется через «возможность». В результате модальное понятие сохраняет фундаментальный характер в онтологическом объяснении²²⁰.

5.3 Комбинаториализм

5.3.1 Общая идея и онтологический фон

Комбинаториализм предлагает иной путь. Его исходная идея состоит в том, чтобы представить модальность через комбинацию действительных элементов. Возможное мыслится как то, что может быть получено путём рекомбинации того, что фактически существует. Комбинация понимается не только как перестановка имеющихся элементов, но и как операции копирования и удаления этих элементов.

Комбинаторная теория Дэвида Армстронга представляет собой актуалистскую и натуралистическую теорию модальности. Армстронг отказывается признавать реальное существование как колоссального множества абстрактных сущностей, так и конкретных альтернативных миров. Он исходит из своих общих метафизических построений, которые отстаивает независимо от теории модальности, — онтологии положений дел, внутри которых можно

²²⁰ Лакс М. Дж., Крипп Т. М. Метафизика: современное введение / пер. с англ. М. В. Семиколенных, под науч. ред. С. М. Левина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. С. 235–251; Т.Н. Тарасенко. Прологомены к метафизике возможных миров // Финиковый Компот, 2025, No. 20, С. 70–80; Menzel C., Possible Worlds // The Stanford* Encyclopedia of Philosophy (Fall 2025 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = <<https://plato.sydney.edu.au/archives/fall2025/entries/possible-worlds/>>.

выделить партикулярии и универсалии. Возможное, по его замыслу, «строится» из этих актуальных составляющих путем рекомбинации: мы мысленно перемешиваем составляющие актуальных положений дел, копируем и удаляем их так, чтобы результат не приводил к противоречиям. «Возможные миры» в этом подходе — не элементы реальности, а удобные максимальные схемы того, как могли бы комбинироваться атомарные положения дел; они играют репрезентативную, а не онтологическую роль. Модальность супервентна на комбинаторном пространстве, задаваемом актуальным запасом универсалий и партикулярий, а также некоторыми метауровневыми фактами (прежде всего фактами тотальности и фактами законов), которые Армстронг защищает внутри собственной метафизики факторов истинности.

Возможный мир понимается как максимальная согласованная комбинация атомарных положений дел: такое множество, в котором каждое положение дел либо включено, либо исключено и нигде не нарушаются внутренние связи между универсалиями. Речь идет не о самостоятельных элементах реальности, а о теоретических конструкциях, описывающих максимально полные и взаимно совместимые наборы положений дел, построенные из реально существующих универсалий и, с определенными оговорками, реально существующих партикулярий. Актуальный мир — это та комбинация, которая фактически реализуется; альтернативные комбинации выражают способы, каким могло бы быть мироустройство при ином сочетании независимых положений дел.

Тот же подход задает и отношение к «лишь возможным» индивидам. Когда мы говорим, что мог существовать еще кто-то с такими-то свойствами, речь не идет о специальном объекте, который где-то «в тени» сопровождает актуальную реальность. Предполагается только, что комбинаторная структура допускает новые позиции в системе положений дел — такие места в схеме, которые могли бы быть заняты партикуляриями определенного типа. Модальный язык при этом не опирается на особый слой возможных сущностей: достаточно тех партикулярий и

универсалий, которые уже входят в немодальную онтологию, принимаемую Армстронгом²²¹

5.3.2 Модальность и факторы истинности

Комбинаторное понимание модальности у Армстронга тесно связано с его общей программой факторов истинности. Поскольку пространство возможностей задается структурой положений дел, естественно рассматривать модальные высказывания как зависящие от того, какие положения дел фактически имеют место и какие связи между универсалиями в них зафиксированы.

Для положительных атомарных истин опора здесь минимальна: высказывание $F(a)$ истинно в силу того, что реализуется соответствующее положение дел $[a, F]$. Положение дел выступает фактором истинности: оно не просто «соответствует» высказыванию, а делает его истинным. Этот механизм един и для модальных, и для немодальных высказываний. Если формула без модальных операторов описывает некоторое положение дел, то ее истинность определяется тем, имеет ли это положение дел место в действительности. Этот же подход используется для модальных истин. Возможные варианты структуры мира задаются тем, какие положения дел совместимы друг с другом, а какие исключаются внутренними связями универсалий. Формула $\Diamond \varphi$ будет истинной тогда, когда существуют такие положения дел и такие допустимые их рекомбинации, при которых реализуется описываемая φ ситуация. Формула $\Box \varphi$ будет истинной, когда всякая рекомбинация, совместимая с фактической структурой универсалий, делает φ истинной. Никаких специальных модальных объектов сверх своих стандартных онтологических элементов Армстронг не вводит.

В результате модальные факты оказываются жестко привязаны к немодальной онтологии. Чтобы определить, что возможно и необходимо, достаточно знать, какие универсалии существуют, какими отношениями

²²¹ Armstrong D. M. A Combinatorial Theory of Possibility. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 38–49.

подчинения, исключения и структурной совместимости они связаны. Модальные истины не нависают над этой структурой как дополнительные сущности, а возникают как отражение допустимых и недопустимых комбинаций уже принятых элементов²²².

5.3.3 Рекомбинация, количество партикулярий и чуждые универсалии

Комбинаторная трактовка модальности задает не только структуру возможных комбинаций свойств, но и допустимые вариации «масштаба» мира. Армстронг стремится сохранить интуицию, что могло существовать больше или меньше вещей, чем существует в действительности, не вводя при этом отдельного слоя «лишь возможных» партикулярий. Для этого он пользуется представлением о позициях в общей схеме положений дел. Разные сценарии отличаются тем, сколько таких позиций предусмотрено и какие из них фактически заняты. Сказать, что могло быть больше партикулярий определенного рода, — значит описать допустимую конфигурацию положений дел, где в структуре предусмотрено больше мест, которые могли бы быть заняты носителями соответствующих универсалий. Модальное изменение «количества вещей» понимается как перестройка общей конфигурации положений дел, а не как добавление к онтологии еще одного множества сущностей.

Отдельную проблему создает тема чуждых универсалий, то есть свойств, которые нигде не инстанцируются. Армстронг допускает возможность универсалий, которые нигде не представлены, если их введение необходимо для объяснения эмпирических и теоретических данных и не противоречит натуралистической картине. Но даже в этой ослабленной версии пространство возможностей все равно фиксируется наличным запасом универсалий и их взаимосвязями, а не произвольным перечнем «описаний миров».

Проблема обостряется, когда речь идет не о расширении, а о сокращении запаса универсалий. Кажется, что вполне осмысленно сказать: некоторое простое

²²² Armstrong D. M. Truth and Truthmakers. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Armstrong. Truth and Truthmakers. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 88–94

свойство F могло бы нигде не инстанцироваться. Тогда мы описываем возможный мир, устроенный так же, как действительный, за одним исключением: в нем отсутствуют положения дел, где что-либо обладает F. С точки зрения комбинаториализма такой мир получен из актуального «урезанием» части схемы и потому допустим. Но теперь возникшая картина перестает быть симметричной. Из полного мира, в котором F реализуется, можно перейти к сокращенному миру, в котором F нигде не встречается, просто отбросив все положения дел с участием F. А вот обратно, от сокращенного мира к полному, комбинаторный переход невозможен: в его онтологии F вообще не фигурирует и относительно этого мира F выступает как чуждая универсалия. Комбинаторное правило «переставлять только то, что уже есть» блокирует восстановление исходной конфигурации²²³

Отсюда следует важное следствие для выбора логической системы. Если рассматривать лишь миры, в которых представлен полный актуальный запас простых универсалий, отношение достижимости между ними будет отношением эквивалентности: каждый такой мир возможен относительно любого другого и естественной логикой оказывается система, близкая к S5. Но как только мы добавляем сокращенные миры, где часть универсалий не инстанцируется, симметрия рушится. Из полного мира достижима сокращенная конфигурация, тогда как обратно она недостижима в силу принципиальной чуждости отсутствующих универсалий. Отношение достижимости остается рефлексивным и транзитивным, но уже несимметрично, и для класса миров, включающего как «полные», так и «сокращенные» варианты, естественной оказывается логика S4²²⁴. С точки зрения Армстронга, это не дефект теории, а формальное выражение того, что при сокращении онтологического запаса часть прежде допустимых возможностей безвозвратно исчезает из поля комбинаторных переходов.

²²³ Armstrong D. M. A Combinatorial Theory of Possibility. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 55–63.

²²⁴ Ibid. P. 63.

Чтобы лучше понять, как это устроено, рассмотрим некоторый игрушечный мир w_1 в котором есть только три атомарных положения дел и факт полноты, будем считать этот мир актуальным:

$(F(b); F(c); R(b, c); \text{Это всё.})$

Из него можно получить 4 базовых элемента: партикулярия b , партикулярия c , свойство F и отношение R . Допустим, R является ассиметричным отношением. Например, «быть старше». Тогда простой рекомбинацией этих элементов можно было бы получить мир w_2 :

$(F(b); F(c); R(c, b); \text{Это всё.})$

Так как миры состоят из положений дел, не может существовать, например, мир w_3 :

$(b; c; F; R(c, b); \text{Это всё.})$

Элементы не могу существовать сами по себе.

Таким образом, w_2 был бы единственным возможным миром, достижимым из w_1 , так как нет других доступных рекомбинаций, не совпадающих с w_1 или w_2 .

Но, как я уже упоминал, нам также доступно копирование и удаление элементов. Таким образом мы с помощью удаления можем получить, например, мир w_4 :

$(F(b); \text{Это всё.})$

А с помощью копирования мир, например, w_5 :

$(F(b); F(c); F(b_1); R(b, c); \text{Это всё.})$

Несложно понять, что таким образом можно получить бесконечное количество возможных миров.

5.3.4 Модальность *de re* и тождество между мирами

У Армстронга модальность *de re* описывается в тех же онтологических терминах, что и немодальные факты: партикулярии, универсалии и положения дел. Для актуальных партикулярий межмировые утверждения трактуются так: формула $\Diamond F(a)$ истинна тогда и только тогда, когда существует допустимая рекомбинация, в которой та же самая партикулярия *a* инстанцирует универсалию *F*. Если, с учетом внутренней структуры универсалий и их связей, ни одна допустимая рекомбинация не содержит положения дел $[a, F]$, высказывание $\Diamond F(a)$ ложно. Никаких отношений двойничества и никаких примитивных «этовостей» сверх самой партикулярии и универсалий здесь не требуется.

Такая трактовка естественно сочетается со схемой варьирующихся доменов $D(w)$. В разных рекомбинационных мирах одни и те же партикулярии могут входить в комбинацию положений дел или выпадать из нее, так что состав домена $D(w)$ меняется от мира к миру. За тождество отвечает не особое трансмировое отношение, а тот факт, что в различных положениях дел фигурирует один и тот же объект — партикулярия *a*, участвующая в разных рекомбинациях.

В отношении эссенциализма Армстронг занимает сдержанную позицию. Он скептически относится к сильным крипкеанским тезисам вроде жесткого эссенциализма происхождения²²⁵, если они опираются только на интуитивные вердикты о невозможности «другого происхождения» или «другой истории». Основанием модальных фактов, по его замыслу, должна служить независимая метафизика универсалий и их связей. Вместе с тем он принимает, что некоторые необходимые утверждения, имеющие апостериорный характер (например, утверждения о тождестве микроструктурных видов), обусловлены природой соответствующих универсалий: как только фиксирована структура универсалий,

²²⁵ Kripke S. A. Naming and Necessity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. P. 112-114.

описывающих этот вид, становится невозможно, чтобы в допустимой рекомбинации эта структура была иной. Но и здесь модальная необходимость выводится не из автономных сущностей отдельных вещей, а из общей онтологии свойств и положений дел²²⁶

5.3.5 Эпистемический статус комбинаториализма

В комбинаторной теории Армстронга эпистемология модальности сочетает априорный и апостериорный элементы. Логические и математические необходимости познаются *a priori*: логика задает общий каркас, без которого невозможно даже сформулировать пространство допустимых рекомбинаций. Однако большая часть метафизической, а тем более номологической модальности доступна только *a posteriori*. Универсалии, их внутренние связи и законы открываются в ходе эмпирического исследования; на основании полученных данных формируются теоретические модели; уже внутри этих моделей определяется, какие комбинации положений дел считаются допустимыми²²⁷.

Та же линия позволяет интерпретировать необходимые истины *a posteriori* без обращения к примитивным сущностям. Когда фактическая микроструктура некоторого вида оказывается зафиксированной (например, когда установлено, что вода в действительности есть H_2O), эта структура становится основанием модальной необходимости: во всех допустимых рекомбинациях тот же самый вид должен обладать той же микроструктурой. Но наше знание этой необходимости опирается не на особое непосредственное «видение» модальных фактов, а на научную теорию. Сначала выясняется, что вода тождественна H_2O , а затем в рамках принятой онтологии универсалий и комбинаторных ограничений становится ясно, что иначе быть не может²²⁸

Комбинаторное пространство при таком подходе оказывается чувствительным к изменению научной картины мира. Если лучшая физика или химия радикально пересматривает список универсалий и характер их связей,

²²⁶ Ibid. P. 61.

²²⁷ Ibid. P. 71–76

²²⁸ Ibid. P. 39.

вместе с этим изменяются и модальные суждения: прежние возможности могут оказаться исключенными, а ранее немислимые сценарии — допустимыми. Базовая архитектура — положения дел, тотальности, законы — сохраняется, но конкретное наполнение этой схемы обновляется вместе с научной теорией. С натуралистической позиции это рассматривается как заслуга: модальная метафизика не отрывается от естествознания, а следует за его развитием.

5.3.6 Основные возражения и точки напряжения

Комбинаториализм Армстронга предлагает стройную и экономную картину модальности, встроенную в более общий проект реалистического подхода к универсалиям и факторам истинности. Однако именно попытка «собрать» все модальное из актуального запаса универсалий и их допустимых комбинаций порождает ряд систематических трудностей. Возражения касаются как внутренней структуры теории, так и ее способности охватить весь спектр наших модальных интуиций.

Ключевое понятие комбинаториализма — независимость атомарных положений дел. Грубо говоря, предполагается, что существуют «простые» универсалии, которые сами по себе не исключают никаких сочетаний: если F и G действительно просты, то ничто в их природе не запрещает совместной реализуемости $F(a)$ и $G(b)$ и в пределе допускаются любые перестановки универсалий при условии сохранения их внутренней структуры.

Такое определение независимости выглядит либо скрыто модальным, либо неопределенным. То, что между универсалиями нет «ограничивающей» связи, очень легко прочесть как утверждение, что нет необходимой связи, а это уже апелляция к модальности, которую теория как раз должна объяснять, а не предполагать. Если же трактовать независимость как чисто немодальное структурное отношение, требуется позитивное описание того, что это за отношение, как оно задается в метафизике универсалий и на основании каких критериев решается, какие универсалии независимы, а какие — нет. В противном случае появляется риск кругового объяснения: модальные факты выводятся из

комбинаторики, а сама комбинаторика очерчивается через допущения о том, что возможно, а что нет.

Другая линия критики связана с требованиями, которые комбинаториализм накладывает на пространство простых универсалий. Чтобы принцип рекомбинации работал в полную силу, нужно, чтобы все простые универсалии были совместимы друг с другом и все необходимые связи были объяснимы через сложную внутреннюю структуру. Но это условие выглядит очень сильным: оно фактически запрещает мысль о примитивно несовместимых простых свойствах или примитивно асимметричных/нерефлексивных простых отношениях.

Критики отмечают, что такая картина модально жестко ограничивает допустимый тип пространства свойств: многие естественные примеры кажутся больше похожими на случаи несовместимых простых универсалий (вроде некоторых фундаментальных физических величин) или базовых направленных связей, чем на сложные конфигурации из более простых и полностью совместимых универсалий. Если комбинаториализм просто объявляет невозможными простые универсалии «неправильного вида», он уже на уровне онтологии «подгоняет» пространство свойств под структуру возможностей, которую хочет получить²²⁹.

Отдельное напряжение создает отношение к чуждым универсалиям. Принципиальная актуалистская установка Армстронга склоняет его к тому, чтобы не допускать в модальное пространство универсалии, нигде не инстанцированные, однако при этом он допускает сокращенные сценарии, в которых часть актуальных универсалий могла бы остаться неинстанцированной. Тогда возникает асимметрия: расширение пространства универсалий за пределы актуального мира блокируется, сокращение — допустимо. Это обеспечивает интуитивно привлекательную гибкость в отношении данных актуальной физики, но делает пространство возможностей жестко зависящим от, как кажется, контингентных свойств нашего мира²³⁰.

²²⁹ Kim J. Possible Worlds and Armstrong's Combinatorialism // Canadian Journal of Philosophy, 1986, Vol. 16, No. 4, P. 595–612.

²³⁰ Ibid.

С этой асимметрией связано и то напряжение, о котором я упоминал в разделе 4.5 этой главы: в книге «Истина и факторы истинности» Армстронг пытается сохранить максимализм в отношении высказываний о «всего лишь возможном» с помощью следующего рассуждения: (1) T кросс-категориально вынуждает p ; (2) p является контингентным; (3) из контингентности p следует «возможно, что не- p »; (4) следовательно, по принципу следования T является фактором истинности и для этого модального высказывания. Однако такой ход опирается на более сильное допущение, чем может показаться на первый взгляд. Наиболее уязвимым звеном здесь является именно третий шаг. Если контингентность понимать лишь как характеристику p в исходном мире, то переход к высказыванию «возможно, что не- p » остаётся слишком слабым: в таком случае ещё не показано, что возможность не- p вытекает из контингентности p как таковой, а не просто сопутствует ей в конкретно данной конфигурации миров. Такой шаг предполагает, что контингентность p не является лишь локальной характеристикой данного мира, а сохраняется по всему пространству релевантной модальности. Иначе говоря, если p контингентно, то и в достижимых мирах должно оставаться истинным, что p контингентно. В символической форме это можно выразить схемой $(\Diamond p \wedge \Diamond \neg p) \rightarrow \Box(\Diamond p \wedge \Diamond \neg p)$.

Между тем требование принятия устойчивости контингентности не согласуется с той структурой модальности, которая вытекает из комбинаториализма Армстронга. Если пространство возможного включает не только «полные» миры, но и сокращённые конфигурации, в которых часть актуальных универсалий или положений дел отсутствует, отношение достижимости перестаёт быть симметричным. Из более богатого мира можно перейти к более бедному путём удаления, но обратный переход оказывается невозможен, поскольку отсутствующий элемент оказывается относительно сокращённого мира чуждым (alien). Такая картина естественным образом поддерживает рефлексивную и транзитивную, но несимметричную структуру достижимости, то есть S4-подобную логику, которую, как уже было упомянуто, Армстронг и признаёт лучшим

кандидатом на роль логики для своей модальной метафизики. Но в несимметричном пространстве миров легко возникает следующая ситуация. В некотором более богатом мире p является контингентным: p возможно, поскольку этот мир допускает самого себя, а $\neg p$ возможно, поскольку из него достижим более бедный мир, полученный удалением соответствующего элемента или положения дел. Но после перехода в этот сокращённый мир положение меняется. Если удалённый элемент относительно него уже является чуждым, то обратный переход к миру, где истинно p , оказывается невозможен. Тогда в сокращённом мире уже не сохраняется возможность p , а значит, не сохраняется и контингентность p . Иными словами, в исходном мире p ещё контингентно, но в одном из достижимых из него миров эта контингентность исчезает. Именно поэтому схема устойчивой контингентности здесь не выполняется: асимметрия достижимости допускает утрату одной из модальных ветвей при переходе к более бедным мирам.

Тем самым напряжение возникает не между двумя случайными формулировками, а между двумя различными требованиями к модальной структуре мира в разных частях проекта Армстронга. Разработанный на более ранней стадии этого проекта комбинаториализм, допускающий сокращённые миры, естественно ведёт к S4-подобной картине, поскольку сохраняет рефлексивность и транзитивность, но не симметричность отношения достижимости. Между тем более поздний ход Армстронга в его теории факторов истинности требует такого понимания контингентности, при котором переход от контингентной истины к высказыванию о возможности её отрицания получает более сильное модальное основание; в этом контексте Армстронг даже прямо ссылается на S5 как на привлекательную логику²³¹. В результате ранняя комбинаторная модель возможных миров и поздняя стратегия поиска факторов истинности для модальных истин начинают предъявлять к устройству пространства возможного несовместимые между собой требования. Формально это выражается в том, что схема устойчивой

²³¹ Armstrong D.M. Truth and Truthmakers. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 84–85

контингентности не является теоремой S4 и, при фактивности модального оператора, несовместима с несимметричностью отношения достижимости²³².

Это напряжение, однако, не следует понимать как прямое противоречие внутри одной и той же законченной позиции. Армстронг в более поздних работах сам заранее ослабляет его, прямо отказываясь рассматривать возможные миры — даже в их фикциональном варианте — как основание объяснения модальных истин и перенося центр тяжести на контингентные положения дел и их компоненты как на факторы истинности модальных высказываний²³³. Тем самым комбинаторная теория миров утрачивает у него статус фундаментальной метафизики модальности и сохраняет, скорее, роль вспомогательного аналитического аппарата. Но именно в этом качестве и обнаруживается её ограниченность: если понимать комбинаторные миры как структурную модель той модальности, которая должна поддерживать поздний ход Армстронга от контингентной истины к высказыванию о возможности её отрицания, то такая модель оказывается непригодной для тех целей, для которых она была предназначена, поскольку несимметричная достижимость, допускающая удаление без симметричного восстановления, систематически разрушает устойчивость контингентности. Поэтому дальнейшие возможности здесь сводятся к трём дорогим вариантам: либо комбинаторные миры остаются чистой эвристикой без строгих семантических обязательств для $\Box$ и $\Diamond$, либо требуется развести комбинаторную и собственно метафизическую модальность, либо необходим иной модельный аппарат, лучше соответствующий той S5-подобной интуиции устойчивой контингентности, на которую опирается поздняя теория факторов истинности Армстронга.

Дополнительная к уже рассмотренным проблема обнаруживается в рассуждениях о структуре партикулярных. Комбинаторная идея естественна, когда мир мыслится как набор четко очерченных атомарных положений дел. Но что делать, если мир устроен так, что никакого конечного или даже счетного набора

²³² Формальное обоснование приводимых здесь рассуждений можно найти в Приложении 1.

²³³ Armstrong D. M. *A World of States of Affairs*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 172–174.

«неделимых» атомов не существует, а каждая структура допускает дальнейшее разложение? Ответом Армстронга для такого случая является переход к «относительным атомам»: минимальным единицам разложения, задаваемым в рамках данной теории или данной задачи описания. Тогда различия между мирами могут фиксироваться на уровне выбора того, какие относительные атомы принимаются за базовые.

Можно отметить несколько проблем, связанных с этим ходом. Во-первых, он делает понятие «атомарного» положения дел зависящим от теоретической перспективы: то, что в одной теории считается атомом, в другой может рассматриваться как сложная конфигурация. Тогда комбинаторное пространство перестает быть чисто онтологическим и начинает отражать особенности наших описаний. Во-вторых, относительные атомы грозят исказить модальное содержание: возможные миры, построенные как произвольные комбинации таких атомов, могут плохо соответствовать реальным различиям в структуре универсалий и партикулярий. Есть риск, что теория будет либо описывать возможные миры в самых общих чертах, сглаживая различия между существенно разными сценариями, либо, напротив, дробить пространство возможностей на чрезмерно мелкие и искусственные варианты, которые плохо совпадают с нашими интуитивными представлениями о том, что могло бы быть²³⁴.

Наконец, можно отметить еще одну трудность. Сильной стороной проекта Армстронга обычно считают его натурализм: список универсалий и характер их связей задается, в конечном счете, лучшей естественно-научной теорией. Но эта же черта порождает в нашем случае и проблему. Если пространство возможностей супервентно на фактическом наборе универсалий, то радикальная смена физической теории должна влечь за собой пересмотр модальных вердиктов. Возможное и невозможное определяются в зависимости от состояния эмпирических наук. Это выглядит двусмысленно. С одной стороны, зависимость модальных оценок от научной картины мира хорошо согласуется с общей

²³⁴ Armstrong D. M. A Combinatorial Theory of Possibility. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 66–71.

философией Армстронга. С другой — создается впечатление, что теория делает модальные истины чрезмерно хрупкими: допущения о «том, что могло бы быть», оказываются функцией текущего списка универсалий, а этот список сам является предметом эмпирического спора. Возникает вопрос, не обедняет ли такой «шовинизм» в пользу актуального мира пространство метафизически возможного: интуитивно непротиворечивые сценарии, опирающиеся на свойства, не фигурирующие в актуальной физике, объявляются невозможными только потому, что их универсалии не инстанцированы в актуальном мире.

5.3.7 Итог

Если собрать сказанное в более компактном виде, картина для комбинаторной теории Армстронга такова.

Во-первых, возможный мир — это максимально полная и внутренне согласованная конфигурация положений дел, построенная из актуального набора универсалий и партикулярий.

Во-вторых, существовать в возможном мире для актуальных партикулярий — значит входить в состав соответствующей конфигурации положений дел: партикулярия a существует в мире w тогда и только тогда, когда она фигурирует в положениях дел, входящих в комбинацию, задающую w . Для «лишь возможных» индивидов не постулируется отдельный класс объектов: речь идёт о позициях в схеме положений дел, которые могли бы быть заняты партикуляриями определённого типа.

В-третьих, тождество между мирами описывается без введения специальных межмировых отношений. Один и тот же объект может фигурировать в разных допустимых рекомбинациях положений дел. Формула $\Diamond F(a)$ означает, что существует допустимая комбинация положений дел, в которой именно эта партикулярия a инстанцирует универсалию F . Различия между доменами $D(w)$ выражают то, какие партикулярии входят в ту или иную конфигурацию положений дел, и не требуют постулировать особое отношение «тождественности между мирами».

В-четвёртых, факторами истинности для модальных высказываний выступают положения дел. Немодальные высказывания истинны в силу реализованности соответствующих положений дел; модальные — в силу того, какие рекомбинации этих положений дел (при фиксированной структуре универсалий и номических связей) допустимы. $\Diamond\phi$ истинно, если существует согласованная комбинация положений дел, в которой реализуется описываемая ϕ ситуация; $\Box\phi$ истинно, если всякая комбинация, совместимая с фактической структурой универсалий и законов, делает ϕ истинной. Но в метафизике Армстронга в целом вопрос о факторах истинности модальных истин устроен сложнее: в более поздних текстах он отказывается делать возможные миры фундаментом их объяснения и связывает факторы истинности модальных истин прежде всего с контингентными положениями дел.

В-пятых, модальные истины познаются через сочетание априорного и апостериорного. Логика и математика задают априорный каркас комбинаторного пространства, но конкретный список универсалий, их внутренняя структура и факты наличия (именно таких) законов выявляются эмпирически. Модальные суждения формируются внутри онтологии, заданной лучшей научной теорией и метафизикой универсалий, как выводы о допустимых и недопустимых рекомбинациях положений дел в рамках этой онтологии.

С точки зрения теоретических добродетелей комбинаториализм Армстронга образует характерный и легко различимый профиль. Его сильные стороны — интеграция модальной метафизики с общей онтологией универсалий и положений дел, а также тесная связь с реализмом в отношении законов природы и программой факторов истинности. Теория остаётся актуалистской и натуралистической: она не умножает типы сущностей за счёт конкретных иных миров или абстрактных «мировых объектов», а пытается извлечь модальное из уже принятого немодального запаса. При этом модальные факты оказываются глубоко вплетены в научную картину мира и меняются вместе с ней.

Платой за это становятся проблемы в других областях. Теория опирается на спорную реалистическую позицию в вопросе о природе универсалий, требует

жёстких ограничений на допустимый тип простых свойств и отношений и рискует допустить порочный круг в определении комбинаторной независимости. Актуалистский «шовинизм» и зависимость пространства возможностей от фактического списка универсалий создают впечатление «узости» модальной области.

Глава третья. Причинность и законы природы

§1 Метафизика причинности

1.1 Общая рамка обсуждения метафизики причинности

В этом разделе я в самом общем виде фиксирую основные узлы метафизической дискуссии о причинности, как она понимается сегодня, чтобы затем аккуратно поместить в эту рамку позицию Дэвида Армстронга. Нас будут интересовать: (i) что выступает релятами причинной связи; (ii) является ли причинная связь по необходимости двухместной; (iii) насколько «детализированными» должны быть реляты (вопрос индивидуации); (iv) следует ли считать причинность транзитивной; (v) в каком смысле причинность редуцируема или нередуцируема (реализм и антиреализм/редукционизм).

Первый вопрос: что представляют собой реляты причинных отношений? Когда шар для боулинга сбивает кеглю, что именно является участниками причинной связи? Часто в качестве основного кандидата называют события. События — это то, что происходит; они имеют протяжённость во времени и пространстве. Так, можно сказать: событие E1 (шар ударяется о кеглю) является причиной события E2 (кегля падает).

Однако в метафизике причинности нередко утверждается, что удобнее (или онтологически корректнее) трактовать реляты иначе — не как «голые» события, а как более структурированные единицы, включающие объекты и их свойства. В этой связи важным кандидатом выступают *положения дел*: конкретные конфигурации вида *a есть F*, *b есть G* и т.п. Именно эта оптика особенно значима для Армстронга, поскольку в его онтологии именно положения дел естественно рассматривать в качестве главных кандидатов на роль причинные релятов.

Помимо событий и положений дел, в литературе встречаются и другие кандидаты на роль релятов:

- Факты — то, что имеет место и делает пропозиции истинными. Важно, что слово «факт» в разных традициях употребляется по-разному; в контексте настоящего исследования полезно различать факты как «истинностные»

корреляты высказываний и положения дел как онтологические единицы, которые могут выступать релятами причинной связи²³⁵.

- Тропы — свойства, понятые как партикулярии²³⁶.
- Процессы — протяжённые во времени и пространстве единицы, сохраняющие единство структуры²³⁷.
- Отсутствия — иногда кажется, что «непроисхождение» чего-то может фигурировать как причина²³⁸.

Этот перечень не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим. Кроме того, не обязательно занимать монистическую позицию относительно релятов: теоретически можно допустить, что в разных типах каузации (или в разных объяснительных контекстах) нам удобнее говорить о разных релятных «единицах» — однако такое допущение само требует прояснения критериев и границ применимости.

Второй вопрос: обязаны ли причинные отношения быть двухместными? Интуитивная модель «причина — следствие» задаёт двупозиционную структуру. Тем не менее, в дискуссии встречаются подходы, предполагающие дополнительные реляты или трактующие причинность как нечто, что нельзя исчерпать простой двухместной схемой без дополнительных оговорок²³⁹. Поэтому тезис о необходимой двухместности причинного отношения, если его отстаивать, потребует отдельной аргументации — как минимум прояснения, что именно считается релятами, а что — условиями, параметрами или элементами описания.

²³⁵ См., например, Mellor D. H., *The Facts of Causation*, London: Routledge, 1995.

²³⁶ Williams D. C., *On the Elements of Being: I* // *The Review of Metaphysics*, Vol. 7, No. 1, 1953, P. 3–18.

²³⁷ См., например: Salmon W. C., *Scientific Explanation and the Causal Structure of the World*, Princeton: Princeton University Press, 1984.

²³⁸ Beebe H., *Causing and Nothingness* // John Collins, Ned Hall, L. A. Paul (eds.), *Causation and Counterfactuals*, Cambridge, MA: MIT Press, 2004, P. 291–308.

²³⁹ См., например: Mackie J. L. *Causes and Conditions* // *American Philosophical Quarterly*. 1965. Vol. 2. No. 4. P. 245–264; Hitchcock C. *Farewell to Binary Causation* // *Canadian Journal of Philosophy*. 1996. Vol. 26. No. 2. P. 267–282; Schaffer J. *Contrastive Causation* // *The Philosophical Review*. 2005. Vol. 114. No. 3. P. 327–358; Halpern J. Y., Pearl J. *Causes and Explanations: A Structural-Model Approach. Part I: Causes* // *The British Journal for the Philosophy of Science*. 2005. Vol. 56. No. 4. P. 843–887.

Третий вопрос — индивидуация (детализация) релятов. Понятнее всего он проявляется в аргументе от различия причин. Допустим, за столом с шумной компанией Антон просит Женю передать соль. Чтобы просьба стала причиной передачи соли, она должна быть озвучена достаточно громко. Тогда простое произнесение фразы «Женя, передай мне, пожалуйста, соль» следует отличать от её громкого произнесения: в первом случае просьба не являлась бы причиной нужного следствия. Отсюда мораль: недостаточная детализация релятов может приводить к смешению разных причинных ситуаций (а в некоторых теоретических построениях — и к противоречиям). С другой стороны, малодетализированные реляты методологически привлекательны: они упрощают теорию и помогают сохранить её стройность. Здесь часто приходится выбирать между «точностью различений» и «экономией онтологии/аппарата».

Четвёртый вопрос — транзитивность. Высокая детализация иногда кажется способом совместить транзитивность причинного отношения с обыденными интуициями о причинности. Но также можно защищать обратную линию: отказаться от транзитивности (по крайней мере, как общего принципа), если имеются случаи её нарушения, которые не удаётся снять даже уточнением релятов.

Пятый вопрос — статус причинности: выбор между редукционизмом и реализмом. Редукционизм в метафизике причинности предполагает, что каузальные свойства и отношения находятся в состоянии вынуждения относительно некаузальных свойств и отношений (например, супервентны на них): каузальность «ничего не добавляет» к миру сверх определённой некаузальной базы²⁴⁰. При этом редукционизм не тождествен элиминативизму²⁴¹: он не обязательно требует отказаться от каузальных высказываний или каузального объяснения. Реализм,

²⁴⁰ См., например: Mackie J. L. Causes and Conditions // American Philosophical Quarterly. 1965. Vol. 2. No. 4. P. 245–264; Mackie J. L. The Cement of the Universe: A Study of Causation. Oxford: Clarendon Press, 1974.

²⁴¹ См., например: Russell B. On the Notion of Cause // Proceedings of the Aristotelian Society. 1913. Vol. 13. P. 1–26; Norton J. D. Causation as Folk Science // Philosophers' Imprint. 2003. Vol. 3. No. 4. P. 1–22.

напротив, утверждает, что каузальные отношения (и/или законы природы в их каузально значимом смысле) — нередуцируемые элементы онтологии: их нельзя полностью объяснить через некаузальные факты, не потеряв ничего существенного²⁴². Внутри этого поля отдельно стоит линия *сингуляризма* (акцент на единичной причинности, token causation) и противоположные ей антиреалистические регулярностные и контрфактические подходы²⁴³. В дальнейшем именно здесь будет размещена позиция Армстронга: он защищает реализм относительно единичной причинности, но при этом связывает онтологический анализ единичной причинности с законами природы.

Таковы основные структурные узлы, вокруг которых строится дискуссия о метафизике каузальности²⁴⁴.

1.2 Теоретический реализм в отношении причинности

Позицию Армстронга в метафизике причинности удобно зафиксировать через тезис о единичной причинности. Речь идёт о конкретной причинной последовательности вида «это является причиной того». В такой последовательности, согласно Армстронгу, имеется нечто сверх описания её членов: причинность здесь выступает как реальная характеристика самой последовательности, причём характеристика нереляционного типа. Иными словами, «быть причинной последовательностью» — это свойство самой связки «причина—следствие», а не некая добавочная связь, зависящая от внешних обстоятельств. Важная часть этого набора утверждений состоит в том, что существование этой причинной связи не обусловлено тем, что происходит где-то ещё: единичная причинность мыслится как локальная черта соответствующего

²⁴² См., например: Dretske F. I. Laws of Nature // Philosophy of Science. 1977. Vol. 44. No. 2. P. 248–268; Tooley M. Causation: A Realist Approach. Oxford: Clarendon Press, 1987

²⁴³ Lewis D. Causation // The Journal of Philosophy. 1973. Vol. 70. No. 17. P. 556–567; Lewis D. Humean Supervenience Debugged // Mind. 1994. Vol. 103. No. 412. P. 473–490.

²⁴⁴ Gallow J. D. The Metaphysics of Causation // The Stanford* Encyclopedia of Philosophy (Fall 2022 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = <https://plato.sydney.edu.au/archives/fall2022/entries/causation-metaphysics/>; Лакс М. Дж., Крисп Т. М. Метафизика: современное введение / пер. с англ. М. В. Семиколенных, под науч. ред. С. М. Левина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. С. 252–274.

фрагмента мира. При этом понятие единичной причинности у Армстронга концептуально примитивно: он считает, что его нельзя корректно «разложить» на более простые понятия посредством концептуального анализа²⁴⁵.

Вместе с тем, в отличие от взглядов тех, кто склонен считать единичную причинность примитивной не только концептуально, но и онтологически²⁴⁶, Армстронг отказывает ей в онтологической примитивности. Он полагает, что для единичной причинности можно предложить онтологическое прояснение через инстанциацию закона природы; связь причинности и законов далее будет подробнее рассмотрена в разделе 2.3 Здесь важно лишь уточнить статус этой связи. Армстронг подчёркивает, что она не задаётся априори из самого понятия причины. Он принимает критику Элизабет Энском в адрес линии, ассоциируемой с Дэвидсоном: из истинного высказывания «в этом случае С является причиной Е» не следует чисто концептуально, что эта последовательность подпадает под какой-то закон (даже если содержание закона нам неизвестно). Поэтому возможное тождество вида «единичная причинность = инстанциация “сильного” закона» (закона как номической связи, а не как простой регулярности) Армстронг трактует как эмпирическую, апостериорную гипотезу — по образцу научных отождествлений вроде «вода = H₂O» или «тепло = молекулярное движение»²⁴⁷. Такая гипотеза может оказаться необходимой, но устанавливается она не анализом понятий, а внутри общей теоретико-научной картины, призванной объяснить наблюдаемую регулярность проявлений единичной каузации.

Отсюда следует и его понимание законов. Законы природы, будучи факторами истинности истинных высказываний о законах (law statements), то есть факторами истинности номических истин, нельзя, по Армстронгу, редуцировать к регулярностям. Более того, он допускает на первый взгляд парадоксальную

²⁴⁵ Armstrong D. M. A World of States of Affairs. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 202.

²⁴⁶ Армстронг считает, что такой позиции придерживалась, например, Элизабет Энском; подробнее см. Anscombe G. E. M. Causality and Determination // Causation / ed. by E. Sosa, M. Tooley. Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 88–104.

²⁴⁷ Ibid. P. 218.

формулировку: номичность единичной причинной последовательности сама является её нереляционным свойством. Этот ход для Армстронга тесно связан с общей теорией законов как отношений между универсалиями²⁴⁸. Универсалии при этом понимаются реалистически — как объективные свойства, которые открываются естественными науками; точнее, в его аппарате их можно мыслить как типы положений дел (подробности этой конструкции относятся к последующему обсуждению законов природы).

На фоне этой установки Армстронг резко критикует юмианский подход за систематическое смешение причин и законов. В юмианской картине единичная причина оказывается не более чем частным случаем регулярности, а закон — той же самой регулярностью, лишь выраженной в общем виде. Тогда различие между «каузальной регулярностью» и «номической регулярностью» либо стирается, либо не воспринимается как философски существенное, так что переходы от разговоров о причинах к разговорам о законах (и обратно) совершаются почти незаметно. Армстронг, напротив, считает: хотя между причинами и законами действительно есть глубокая связь, начинать нужно с их строгого различения, а затем уже — с аргументативного построения мостов между ними. Причём сами предпосылки, на которых такие мосты держатся, могут быть правдоподобны, но не являются неуязвимыми для сомнения²⁴⁹.

Один из центральных мотивирующих примеров Армстронг заимствует у Тули²⁵⁰ и Фостера²⁵¹. Рассмотрим двумерный мир с двумя одинаковыми частицами C1 и C2, расположенными на некотором расстоянии. Предположим, что для каждой частицы верен один и тот же закон: существует вероятность (меньшая единицы), что спустя некоторое время частица породит ещё одну частицу того же типа на фиксированном расстоянии. Для чистоты мысленного эксперимента дополнительно оговаривается, что порождение происходит «напрямую», без

²⁴⁸ Ibid. P. 202.

²⁴⁹ Ibid. P. 202–203.

²⁵⁰ Armstrong D. M. What is a Law of Nature? Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 133.

²⁵¹ Foster J. In Self-defence // Perception and Identity / ed. G. F. Macdonald. London: Macmillan. P. 169–170.

промежуточных причинных цепочек. Тогда каждая из частиц задаёт окружность возможных мест появления новой частицы; при определённой геометрии окружности пересекаются, и у них есть две общие точки. Пусть новая частица появляется в одной из этих точек пересечения. Естественный вопрос: какая из исходных частиц оказалась причиной появления третьей?

Если причиной была $C1$, то мы имеем реализацию закона на паре $(C1, E)$, где E — новая частица; если причиной была $C2$ — реализацию того же закона на паре $(C2, E)$. Эти варианты различаются как разные положения дел, даже если в самой ситуации может быть трудно установить, какой именно вариант имел место (и, в принципе, допускается возможность причинной сверхдетерминации, когда «сработали» обе частицы). Для Тули и Фостера этот мысленный эксперимент служит подтверждением сингуляризма: он показывает, что суть единичной причинности (если она существует) состоит в прямой связи между двумя конкретными положениями дел, а не в одной лишь статистической закономерности или регулярности. Армстронг принимает этот пример как иллюстрацию: его ценность, по мысли Армстронга, не в том, что он доказывает существование причинности строго дедуктивно, а в том, что он делает понятной саму интуицию единичной причинности — как реального элемента структуры мира²⁵².

В этой точке Армстронг делает характерный риторический шаг: идея, что мир «работает» на уровне единичных причинных связей, выглядит естественной для тех, кто не принимает юмовскую программу — в том числе для исследователей, которые пытаются понять механизм конкретного процесса или объекта: даже когда речь идёт о физике на фундаментальном уровне, исследователь ищет каузальный паттерн, который проявляется именно в единичных случаях, а не только в описании повторяемости.

В качестве дополнительной поддержки для своей позиции Армстронг предлагает пример, завязанный на эпифеноменалистический дуализм в отношении сознания. Пусть конкретный (token) мозговой процесс типа C порождает

²⁵² Armstrong D. M. *A World of States of Affairs*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 203.

одновременно ментальное состояние типа М (эпифеноменальное, то есть причинно бесплодное) и мозговой процесс типа D. Тогда есть две последовательности: $C \rightarrow M$ и $C \rightarrow D$, а также потенциально наблюдаемая регулярность $M \rightarrow D$ (поскольку М и D следуют за С в стабильном порядке). Для юмианца, который хочет удержать эпифеноменализм, возникает проблема: регулярность $M \rightarrow D$ может выглядеть столь же надёжной, как и регулярность $C \rightarrow D$, включая контрфактическую устойчивость. Но согласно исходной гипотезе эпифеноменализма причинной является только $C \rightarrow D$, тогда как $M \rightarrow D$ «псевдопричинна». Сингуляристу, по Армстронгу, проще: он может сказать, что в цепочке $C \rightarrow D$ присутствует реальная причинная связь, а в цепочке $M \rightarrow D$ её нет — и тем самым сразу схватить различие, которое в регулярностной или контрфактической рамке выражается с трудом. Даже если сам эпифеноменистический дуализм кажется неправдоподобным, пример важен именно как тест на объяснительную силу теорий причинности: проблема состоит не в истинности дуализма, а в том, способны ли антиреалистические подходы корректно реконструировать различие между «истинной» и «ложной» причинностью при заданных предпосылках²⁵³.

Дальше Армстронг уточняет вопрос о релятах единичного причинного отношения. Наиболее естественный для его общей онтологии ответ таков: и причина, и следствие — это положения дел. Действующими в причинной ситуации выступают партикулярии (конкретные вещи вроде этого камня или этой вспышки молнии), но действуют они «через» свои свойства (массу, импульс, электрические характеристики и т.п.). Эти два соображения вместе ведут к тезису: истинная причина и истинное следствие — это конкретные (token) положения дел вида «а обладает F», которое приводит к тому, что «b обладает G». Разумеется, реальные случаи обычно сложнее и могут включать конъюнкции положений дел как на стороне причины, так и на стороне следствия²⁵⁴.

Поскольку причинность, по Армстронгу, контингентна, единичная причинность оказывается несупервентным второпорядковым отношением,

²⁵³ Ibid. P. 204

²⁵⁴ Ibid. P. 204.

имеющим место между первопорядковыми положениями дел; и в этом смысле она является внешним отношением²⁵⁵. Здесь может возникнуть необходимость сделать уточнение, касающееся как языка, так и онтологии: не правильнее ли говорить «b становится G», а не «b обладает G»? Ведь «становится» предполагает, что раньше b не обладало G. Армстронг настаивает, что такой переход не обязателен: причинная последовательность не требует, чтобы b непременно менялось. Вполне возможно, что b уже было G до воздействия причины, но без этого воздействия не сохранило бы G. Тогда причиной может выступать положение дел «a обладает F», а следствием — более позднее положение дел «b обладает G», даже если некоторое обладание G имело место и раньше²⁵⁶.

Это подводит нас к теме временных частей. Если партикулярия существует во времени, то её удобнее мыслить как имеющую временные части; продолжение существования во времени тогда связано с «внутренней» причинностью: более ранние временные части должны быть причинами появления более поздних. В таких случаях причинная структура приобретает относительно однообразный вид: «b' обладает F» является причиной «b'' обладает F», где b' и b'' — разные временные части одного и того же объекта. Даже в случае парадигмальной «внешней» причинности необходимо учитывать, что есть партикулярия, на которую воздействует внешняя причина, и эта партикулярия должна существовать и до, и после воздействия; тем самым внешняя причинность опирается на внутреннюю связность объекта во времени и подчёркивает зависимость его позднейших состояний от предшествующих и от внешних воздействий²⁵⁷.

Отдельный блок в обсуждении причинности у Армстронга связан с контрфактуалами. На уровне обыденных суждений мы склонны считать: если удар разбил стекло, то, если бы удара не было, стекло бы не разбилось. Армстронг считает важным разорвать автоматизм этого перехода. Сам по себе факт единичной причинности не гарантирует истинность простого контрфактуала «если не-С, то не-

²⁵⁵ В противоположность внутренним отношениям, о которых см. выше гл. 1, § 1.1.

²⁵⁶ Ibid. P. 205.

²⁵⁷ Ibid.

Е». Возможен, например, резервный сценарий: если бы этот удар не произошёл, в тот же момент мог бы произойти другой удар, который привёл бы к тому же эффекту; более того, два потенциальных удара могли бы «страховать» друг друга. Ещё более радикальная возможность (по крайней мере на уровне мысли) — наступление следствия без всякой причины. Поэтому правильнее формулировать вывод так: если С является причиной Е, то «если бы С не произошло, Е не произошло бы» — лишь при условии, что (i) никакое другое С' не вызвало бы Е и (ii) Е не могло бы возникнуть беспричинно. Существенно, что эти контрфактуалы, насколько они вообще следуют из единичной причинности, остаются единичными: они не обязаны включать ссылки на законы или обобщения. И хотя в единичной причинности свойства входят в состав как причины, так и следствия, отсюда не выводится, что один и тот же тип причины всегда ведёт к одному и тому же типу следствия. Принцип «та же причина → то же следствие», по Армстронгу, может иметь эмпирическое основание, но не является чем-то, что «встроено» в саму идею единичной причинности; в лучшем случае это контингентная истина, устанавливаемая опытным путем²⁵⁸.

Наконец, Армстронг обсуждает эпистемологию причинности, полемизируя с юмовским мотивом о принципиальной невосприимчивости каузальных связей. Согласно Юму, идея причинности включает идею необходимой связи; однако в единичном опыте внешних событий мы не воспринимаем ничего, что делало бы переход от причины к следствию необходимым. Мы обнаруживаем лишь последовательность событий: одно происходит после другого²⁵⁹. Армстронг признает, что мы не воспринимаем необходимость причинной связи в опыте, но отрицает, что из этого следует, что мы не воспринимаем в опыте причинную связь как таковую. Он предлагает альтернативную позицию: причинные отношения могут быть даны в опыте без какого-либо «чувства необходимости» — примерно так же, как нам даны пространственные отношения (слева/справа, выше/ниже),

²⁵⁸ Ibid. P. 209–210.

²⁵⁹ Hume D. *An Enquiry Concerning Human Understanding* / ed. by T. L. Beauchamp. New York: Oxford University Press, 1999. Sect. VII, § 6.

которые мы в норме воспринимаем непосредственно и без сложной теоретической нагрузки. По аналогии, при благоприятных обстоятельствах единичная причинность могла бы быть объектом прямого восприятия, пусть и потенциально ошибочного²⁶⁰.

Для подкрепления этой линии рассуждения Армстронг ссылается на Эвана Фейлса²⁶¹, который защищает наличие чувственных впечатлений причинности как минимум в двух случаях: (i) в восприятии давления на собственное тело и (ii) в интроспективной осведомлённости о деятельности нашей собственной воли. Оба случая выглядят естественными, и к ним действительно часто обращались в философской традиции; при этом сам Фейлс делает основной упор на давление, и Армстронг склонен согласиться с ним. Он также отмечает, что репрезентативистские модели восприятия, популярные в прошлом, затрудняли фокус на давлении как на примере непосредственного восприятия причинности; вместе с тем такие модели вообще плохо применимы к интроспекции, а значит, по крайней мере принципиальная возможность непосредственной осведомлённости о причинных связях между ментальными процессами не выглядит исключённой.

Рассматривая случай давления на собственное тело, Армстронг вслед за Фейлсом принимает следующую феноменологическую картину: испытывать давление — значит быть осведомлённым о векторе сил, действующих на наше тело. В пользу этой интерпретации приводится ряд эмпирических фактов: давление переживается как локализованное в определённой области тела; оно имеет воспринимаемую величину; оно переживается как направленное; при нескольких воздействиях на одну область они иногда различимы по направлениям; наконец, воздействие может переживаться как результирующая нескольких сил, зависящая от их величин и направлений. Дополнительно отмечается, что сила в опыте давления чаще переживается как отталкивающая, а не как притягивающая. Армстронг считает корреляцию между этой структурой опыта и тем, как силы описываются в физике (в частности, в терминах векторного исчисления), весьма

²⁶⁰ Ibid. P. 212.

²⁶¹ Fales, Evan. Causation and Universals. New York: Routledge, 1990.

впечатляющей и допускающей интерпретацию в терминах тождества, хотя эта интерпретация и не является обязательной. Альтернативная интерпретация состоит в том, что опыт давления лишь коррелирует со свойствами реальных сил, а переход от ощущений к «силе» обеспечивается обучением или врождённой когнитивной программой. Армстронг ставит вопрос, насколько такая альтернатива правдоподобна, но не даёт на него ответа²⁶².

В итоге общий вывод Армстронга можно сформулировать так: единичная причинность — реальный элемент онтологической структуры мира, не сводимый к регулярностям или контрфактуальным паттернам; её понятие является концептуально простым, но её природа допускает онтологическое прояснение через законы; и, наконец, в ряде случаев причинность может быть доступна опыту непосредственно (без восприятия необходимости) — в частности через восприятие сил и через интроспективную осведомлённость о действии воли, — без необходимости обращаться к сложным теоретическим конструкциям.

1.3 Стук в открытую дверь

Зафиксировав сингуляристскую интуицию — единичную причинность как реальный элемент структуры мира, — Армстронг далее целенаправленно противопоставляет её наиболее влиятельной альтернативе в аналитической традиции второй половины двадцатого века: контрфактической программе Дэвида Льюиса²⁶³. Важно, что предметом спора здесь выступает не «роль контрфактуалов вообще» и не семантика условных высказываний как таковая. Предмет спора — притязание контрфактической теории на статус анализа единичной причинности, то есть попытка объяснить, что именно делает этот конкретный эпизод причинным, не обращаясь к причинности как к первичному онтологическому ресурсу.

²⁶² Armstrong D. M. *A World of States of Affairs*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 212.

²⁶³ Lewis D. Causation // *The Journal of Philosophy* 70, no. 17 (1973): 556–567; Lewis D. Postscripts to «Causation» // *Philosophical Papers*. Volume II, 159–213. New York: Oxford University Press, 1986.

В исходной версии теории Льюиса центральное место занимает контрфактическая зависимость между событиями. Причинность при этом понимается как транзитивное замыкание такой зависимости: в конкретном случае причинение мыслится как цепь звеньев, на каждом из которых сохраняется контрфактическая связь между причиной и следствием. Такая программа выглядит соблазнительно, потому что она обещает редуктивное ядро: причинность — это не отдельная «скрытая связь», а особый тип модальной зависимости. Армстронг, однако, считает, что в этой редукции заложена систематическая ошибка: контрфактуалы, во-первых, не следуют из единичной причинности без дополнительных оговорок (резервные причины, возможность беспричинного эффекта и т.п.), а во-вторых, в трудных случаях именно каузальная структура определяет, какие контрфактуалы уместны и как их следует понимать, а не наоборот. Поэтому попытка определить причинность через контрфактуалы либо порождает круг, либо вынуждена вводить дополнительные «каузально нагруженные» условия, которые уже не являются чисто контрфактическими²⁶⁴.

Характерным полигоном для этой дискуссии служат нейронные диаграммы — схемы с узлами, стрелками возбуждения и торможения, моделирующие случаи с резервной причиной, предотвращением и причинной избыточностью. Армстронг обращает внимание на простой феномен: в подобных схемах мы обычно довольно уверенно различаем то, что в ситуации «делает работу», и то, что лишь потенциально могло бы вмешаться, но не вмешалось. Контрфактические и родственные им анализы вынуждены добиваться этого результата обходными путями — уточнять условия зависимости, различать «зависимость», «квази-зависимость», «нормальные случаи», вводить оговорки о «минимальных чудесах» и так далее. С сингуляристской точки зрения это симптом более общей трудности.

²⁶⁴ Armstrong D. M. *Going through the Open Door Again: Counterfactual versus Singularist Theories of Causation* // *Reality and Humean Supervenience: Essays on the Philosophy of David Lewis*, edited by Gerhard Preyer and Frank Siebelt, 163–176. Lanham, Boulder, New York, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. P. 163–164.

Теория пытается вывести каузальную структуру из такого инструмента, который сам может работать только при опоре на уже заданную каузальную структуру²⁶⁵.

Методологическое предложение Армстронга предельно просто. Если диаграмма содержит стрелку от одного узла к другому, это следует понимать как указание на реальное отношение единичной причинности между причиной и следствием; отсутствие стрелки означает отсутствие такого отношения. Именно в этом Армстронг усматривает «открытую дверь» к выходу из философской путаницы. Вместо дальнейшего усложнения анализа зависимости он предлагает признать, что каузальная связь уже предполагается самой практикой интерпретации подобных схем. Поэтому его позицию не следует понимать как произвольную капитуляцию перед интуицией. Речь идёт скорее об отказе от завышенного редукционистского требования, согласно которому причинность во всех случаях должна быть объяснена через некаузальные понятия, даже если в трудных случаях именно причинность остаётся главным объяснительным ресурсом²⁶⁶.

Дальнейшая аргументация Армстронга устроена так, что ключевые контрпримеры к контрфактической теории не подаются как изолированные ловушки, а собираются в несколько устойчивых линий давления. Каждая линия фиксирует, что контрфактическая зависимость либо (а) переоценивает причинную роль предотвращения (prevention), отсутствия (absences) и т.п., либо (б) размывает различие между каузальным действием и условиями возможности, либо (в) вынуждена специально оговаривать случаи, в которых эффект не зависит контрфактически от актуальной причины, поскольку при её отсутствии тот же эффект был бы вызван резервной причиной. В совокупности это формирует общий тезис: контрфактуалы — важный сопутствующий аппарат, но они не могут быть метафизическим основанием единичной причинности.

Первый массив проблем связан с негативной причинностью: причинностью через отсутствие, упущение (omission), а также с отрицательными следствиями — например, когда один процесс предотвращает другой и следствием оказывается

²⁶⁵ Ibid. P. 164.

²⁶⁶ Ibid.

ненаступление некоторого события. На уровне обыденного языка такие случаи описываются без труда: мы говорим, что нехватка воды стала причиной смерти, что кто-то не закрыл дверь, и потому произошло то-то. Для контрфактической теории это, по крайней мере на первый взгляд, удобно, поскольку соответствующие контрфактуалы здесь обычно легко формулируются. Однако, как отмечает Армстронг, здесь контрфактическая теория сталкивается с затруднением. Если упущения признаются причинами наряду с положительными причинами, их приходится трактовать как события. Но тогда такие причины часто оказываются чрезмерно разнородными: одно и то же упущение может реализовываться множеством различных способов, и потому соответствующее «событие» приобретает дизъюнктивный характер. Если же не считать упущения событиями, стандартная форма контрфактуального анализа уже не подходит: вместо контрфактуала о неслучившемся событии приходится говорить о том, что произошло бы, если бы имело место некоторое событие определённого типа. На этом фоне Армстронг предлагает сингуляристское истолкование: обычный язык причинности скрывает здесь подлинную онтологическую картину. Упущения, отсутствия и предотвращения могут корректно фигурировать в истинных контрфактических высказываниях, но они не входят в каузальную структуру мира как самостоятельные элементы; реальное каузальное действие осуществляется положительными факторами²⁶⁷.

Аргументация Армстронга здесь состоит из двух частей. На первом уровне он предлагает различать каузальное действие — то, что действительно происходит в положительной форме и производит положительные эффекты, — и способы описания ситуации, в которых существенны упущения, отсутствующие барьеры и тому подобное. На втором уровне он показывает, каким образом контрфактуальная риторика может быть сохранена без превращения отсутствий в «полноценные

²⁶⁷ Armstrong D. M. The Open Door: Counterfactual Versus Singularist Theories of Causation // Causation and Laws of Nature, edited by Howard Sankey, 175–185. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1999. P. 177.

причины». В этом месте для него важен ход, близкий к предложению Фила Доу²⁶⁸: во многих случаях предотвращения и упущения корректно разлагаются на (i) положительную каузальную линию и (ii) контрфактуальный компонент, который не анализирует причинность, а использует её для описания того, что случилось бы при ином каузальном вмешательстве. Так, если С сталкивается с А и тем самым предотвращает столкновение А с В, то каузально существенным фактом является столкновение С и А, а предотвращение выражается истинным контрфактуалом: если бы взаимодействия С–А не было, то А вызвало бы взаимодействие А–В. В случае упущения структура ещё более явно контрфактуальна: если С не воздействует на А, а затем А взаимодействует с В, то каузальным фактом является взаимодействие А–В, а упущение С описывается через вложенный контрфактуал — в том смысле, что если бы С воздействовало на А, то это предотвратило бы А–В. Существенно, что здесь контрфактуал не подменяет каузальное действие: он описывает альтернативную каузальную ветвь, которая могла бы открыться при ином вмешательстве. Тем самым отрицательная причинность оказывается производной от положительной каузальной сети и законов, задающих факторы истинности соответствующих условных высказываний²⁶⁹.

Вторая линия давления направлена на вероятностную причинность. Контрфактическая теория склонна интерпретировать причинность через изменение модальной картины: причина делает эффект более вероятным или более устойчивым с точки зрения контрфактической проверки. Армстронг же настаивает, что вероятностность относится не к «типу причинности», а к тому, как часто причинение реализуется: правильное говорить не о вероятностной причинности, а о вероятности причинения. Сингуляристская идея при этом сохраняется без изменений: в конкретном случае либо имело место реальное причинение, пусть и в

²⁶⁸ Dowe Ph. Good Connections: Causation and Causal Processes // Causation and Laws of Nature, edited by Howard Sankey, 247–263. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1999; Dowe, Phil. Physical Causation. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

²⁶⁹ Armstrong D. M. The Open Door: Counterfactual Versus Singularist Theories of Causation // Causation and Laws of Nature, edited by Howard Sankey, 175–185. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1999. P. 178.

вероятностной среде, либо нет. И если у нас имеется несколько потенциальных источников следствия, каждый из которых увеличивает шанс его возникновения, то остаётся объективный вопрос о том, какой из них в этом эпизоде действительно произвёл эффект, даже если мы не в состоянии это установить. Армстронг считает, что контрфактическая перспектива часто размывает этот вопрос, поскольку ей трудно признать дополнительный факт того, какая именно причина сработала, не превращая его в нежелательную метафизическую добавку. Для сингуляриста же это именно тот факт, ради которого и вводится причинность как отношение: причинность должна различать реальное производство следствия и простое наличие устойчивой вероятностной связи²⁷⁰.

Третья линия — случаи с резервной причиной. Здесь контрфактическая зависимость как раз и даёт сбой: эффект может не зависеть контрфактически от актуальной причины, поскольку в отсутствие актуальной причины сработал бы запасной канал. Льюисовский ответ таков: вводится квази-зависимость и апелляция к «парадигматическим» случаям, где резервного механизма нет; тогда актуальная причина объявляется причиной «по образцу» этих нормальных ситуаций. Армстронг фиксирует методологическую цену такого хода: теория вынуждена расширять класс причин за счёт включения резервных случаев, в которых зависимость отсутствует; в результате причинность оказывается не просто зависимостью, а зависимостью или, по меньшей мере, квази-зависимостью. Тем самым контрфактический анализ перестаёт быть строгим анализом через зависимость и превращается в гибрид: часть причин устанавливается посредством зависимости, часть — посредством отсылки к тому, что было бы верно в «нормальных» мирах без резервной ветви. Для Армстронга это служит признаком того, что зависимость не образует онтологического ядра причинности: она работает

²⁷⁰ Armstrong D. M. Going through the Open Door Again: Counterfactual versus Singularist Theories of Causation // *Reality and Humean Supervenience: Essays on the Philosophy of David Lewis*, edited by Gerhard Preyer and Frank Siebelt, 163–176. Lanham, Boulder, New York, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. P. 167–168.

лишь при определённых структурных условиях, а в остальных случаях требует внешних подпорок²⁷¹.

Особенно показательной для Армстронга оказывается серия сюжетов, разработанных в работах Неда Холла²⁷², где процесс не просто имеет резервную ветвь, а «потенциальный предотвращатель» сам оказывается предотвращён. Их структура состоит в том, что одно действие не производит эффект непосредственно, а устраняет препятствие, которое могло бы помешать другому действию произвести эффект. Контрфактическая зависимость в подобных ситуациях часто легко возникает, и если принять её за критерий причинности, то причинная история эффекта начинает неоправданно разрастаться: в неё включаются всё более отдалённые условия, причём не только активные вмешательства, но и упущения — вплоть до совершенно периферийных элементов контекста. Армстронг использует эти сюжеты как аргумент против отождествления «сделал возможным» с «является причиной». Устранение препятствия может быть чрезвычайно значимо в прагматическом и объяснительном отношении, но это ещё не означает, что оно должно входить в онтологическое отношение причинения как член двуместной связи, производящей эффект. Иначе причинность утрачивает границы: любое условие, без которого эффект не наступил бы, включая отсутствие вмешательства, оказывается причиной, а это разрушает различие между механизмом производства следствия и условиями, при которых этот механизм не был сорван²⁷³.

Такое ограничение причинности связано с более общей конструктивной установкой Армстронга: причинность следует трактовать прежде всего как каузальное действие и взаимодействие, связывающее мир в единую сеть. Важно, что здесь он не просто повторяет сингуляристский лозунг, а уточняет

²⁷¹ Armstrong D. M. The Open Door: Counterfactual Versus Singularist Theories of Causation // Causation and Laws of Nature, edited by Howard Sankey, 175–185. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1999. P. 179–180.

²⁷² Hall N. Two Concepts of Causation // Causation and Counterfactuals, edited by John Collins, Ned Hall, and L. A. Paul, 225–276. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.

²⁷³ Armstrong D. M. The Open Door: Counterfactual Versus Singularist Theories of Causation // Causation and Laws of Nature, edited by Howard Sankey, 175–185. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1999. P. 180–181.

метафизическую картину: причинные эпизоды — внешние и внутренние — образуют обширную каузальную сеть, и именно эта сеть должна служить «несущей конструкцией» для наших контрфактуальных рассуждений, а не рассматриваться как производный продукт контрфактуалов. Это соответствует общей ориентации Армстронга на факторы истинности: контрфактуальные высказывания должны иметь основания в мире, и наиболее естественным кандидатом на такие основания выступают законы природы в сочетании с реальной каузальной структурой конкретных процессов. В этом контексте он формулирует сильную интуицию относительно масштаба причинности: мир — это огромная каузальная сеть. В такой перспективе становится понятнее и его жёсткость по отношению к негативной причинности: причинность осуществляется посредством положительного каузального действия, тогда как отрицательные конструкции представляют собой способы описания разветвлённости и уязвимости каузальной сети — наличия барьеров, страховочных механизмов, возможностей срыва и тому подобного, — не превращая каждое отсутствие в самостоятельного каузального агента²⁷⁴.

При этом Армстронг вовсе не предлагает «изгнать» контрфактуалы из философии причинности. Его позиция тоньше: истинные утверждения о единичной причинности действительно обычно поддерживают соответствующие контрфактуалы, однако это отношение не является тождеством и не представляет собой безусловного следования. Чтобы получить надёжное следование от «С причина Е» к «если бы не-С, то не-Е», почти всегда требуются дополнительные оговорки: исключение резервных причин, исключение беспричинных эффектов, уточнение релятов, то есть того, какие именно положения дел выступают причиной и следствием. И именно здесь проявляется опасность круга в контрфактическом анализе: такие оговорки формулируются в каузальных терминах — резервная причина есть причина, — а потому контрфактуалы неизбежно оказываются

²⁷⁴ Armstrong D. M. Going through the Open Door Again: Counterfactual versus Singularist Theories of Causation // *Reality and Humean Supervenience: Essays on the Philosophy of David Lewis*, edited by Gerhard Preyer and Frank Siebelt, 163–176. Lanham, Boulder, New York, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. P. 165–166.

вторичным аппаратом, который опирается на причинность, а не создаёт её из ничего. Сингуляристская стратегия Армстронга состоит в том, чтобы честно признать эту вторичность и использовать контрфактуальные рассуждения как эвристику и как способ описания разветвлений каузальной сети, не возлагая на них роль метафизического основания причинности²⁷⁵.

В итоге общий смысл полемики с контрфактической программой можно выразить следующим образом. Контрфактическая теория стремится определить причинность через модальную зависимость; однако в трудных случаях именно причинность оказывается тем, что позволяет отличить резервное от актуального, механизм производства следствия — от условий, при которых этот механизм не был сорван, и положительное действие — от отрицательного упущения. Если же попытаться провести все эти различия исключительно в контрфактических терминах, теория либо неоправданно раздувает класс причин, либо вводит гибридные понятия — квази-зависимость, парадигматические случаи и тому подобное, — либо утрачивает границу между причиной и условием. Сингуляризм Армстронга, напротив, принимает каузальное отношение как первичную часть онтологии и тем самым получает возможность: (i) сохранять привычную практику различения «настоящего причинения» и «условий» без бесконечных поправок; (ii) интерпретировать контрфактуалы как производные от каузальной сети и законов, а не как её основание; и (iii) перейти к главному вопросу, от которого в конечном счёте зависит его онтологический анализ: какова природа законов и в каком смысле единичная причинность может быть отождествлена с инстанцированием закона — в апостериорном, эмпирически устанавливаемом смысле, — при одновременной необходимости различать каузальные и некаузальные законы.

²⁷⁵ Ibid. P. 169.

§2 Законы природы²⁷⁶

2.1 Что такое законы природы?

Главный вопрос, на который должна дать ответ любая теория законов природы — «Что такое законы природы?», т.е. каков их онтологический статус и когда нечто является законом. Джон Кэрролл выделяет четыре основания для поиска такого ответа²⁷⁷. Первое заключается в том, что мы, кажется, убеждены, что законы играют в науке едва ли не важнейшую роль: нахождение законов природы — то, чем наука должна заниматься, возможно, в первую очередь. Во-вторых, ответ на вопрос о законах важен для некоторых других философских проблем, например, для ответа на вопрос «что делает контрфактические и объяснительные (explanatory) высказывания истинными?» Формирование полного списка проблем, связанных с вопросом о законах, представляется мне невероятно трудной задачей и может являться предметом отдельного исследования, но Кэрролл в качестве примера приводит именно проблему истинности контрфактических и объяснительных высказываний, и я также буду обращаться к ней, так как нахожу этот пример крайне удачным. В-третьих, заниматься этим вопросом философов подталкивают проблемы, связанные с индукцией. Так, например, Гудмэн предполагал, что между законностью (lawhood) и возможностью индуктивного подтверждения существует прямая связь²⁷⁸. Философы, согласные с ним и интересующиеся индукцией, не могут игнорировать вопрос о законах. И четвёртое — философы любят хорошие загадки. Четвертый пункт представляется недостаточно прояснённым, но чуть позже я несколько разверну его.

Таким образом, мы хотели бы получить не просто какой-то ответ на наш главный вопрос, но такой, который будет проливать свет на те области, сложности в которых и заставили нас к нему обратиться. Другими словами, хорошая теория

²⁷⁶ Этот параграф написан на основании статьи: Тарасенко Т.Н. Номологический реализм Дэвида Армстронга // Философский журнал. 2023 том 16, № 3, с. 103-117.

²⁷⁷ Carroll J.W. Laws of Nature // The Stanford* Encyclopedia of Philosophy (Winter 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), [<https://plato.sydney.edu.au/archives/win2020/entries/laws-of-nature>, accessed on 10.04.2023].

²⁷⁸ Goodman N. The Problem of Counterfactual Conditionals // 1947. Vol. 44. № 5. P. 113–128.

законов природы должна, во-первых, удовлетворять естественнонаучной мотивации, в связи с чем, крайне желательно, чтобы наша теория была натуралистической. Во-вторых, помогать с ответом на вопрос об истинности контрфактических и объяснительных высказываний. В-третьих, хоть как-то справляться с проблемой индукции. И наконец, давать ответы на какие-то философские загадки. Но какие загадки? И тут снова кажется разумным обратиться к примеру, который предлагает нам Кэрол. Я воспользуюсь его несколько модифицированной версией, но эта модификация не искажает суть проблемы и не меняет её структуру, а носит скорее стилистический характер.

Представьте, что все люди в помещении стоят на одной ноге. В отношении этого помещения утверждение «все здесь стоят на одной ноге» будет истинным. Но вряд ли мы бы сочли разумным рассматривать это обобщение в качестве закона — это просто некоторая случайность. Но невозможность для какого-либо сигнала превысить скорость света в вакууме мы склонны считать законом природы, хотя, строго говоря, это так же лишь истинное обобщение, но мы не считаем этот факт только лишь случайным. Почему так происходит, в чём различие между этими ситуациями?

Можно предположить, что разница заключается в том, что первое обобщение касается некоторого ограниченного пространства, тогда как второе истинно вне зависимости от места. Тогда законы отличаются от случайных, но верных обобщений границами применимости. Но такой напрашивающийся ответ всё же кажется неверным. Так, например, утверждение «все титановые кубы не выше 1 км» не имеет никаких пространственных границ и так же является истинным обобщением. При этом ситуация здесь всё ещё похожа скорее на людей, стоящих на одной ноге в той комнате — это только некоторая случайность, но не закон. Но если провести такое же утверждение для кубов, сделанных из урана-235 ситуация изменится, кажется, что наши представления о критической массе урана делают утверждение «все урановые кубы не выше 1 км» куда больше похожим на закон природы. Может быть и обратная ситуация, например, Закон свободного падения Галилея утверждает, что на Земле ускорение свободного падения равно

приблизительно 9.8 м/с^2 , в других местах ускорение свободного падения будет отличаться, но мы склонны рассматривать это утверждение в качестве закона.

В этом параграфе я постараюсь показать, что теория законов природы Дэвида Армстронга успешно справляется со всеми этими задачами.

Сомнения могут возникнуть в первом же пункте. Долгое время, начиная по крайней мере с Юма²⁷⁹, сторонники натурализма скептически относились к существованию в природе необходимых связей. Кажется, что невозможно представить адекватное эмпирическое доказательство такой необходимости. В связи с этим популярностью пользовались регулярностные теории, предполагающие, что закон природы — это просто некоторая регулярность (такие теории также можно называть юмианскими). Армстронг выступает против такого подхода и наряду с Майклом Тули²⁸⁰ и Фредом Дрецке²⁸¹ является одним из первых ярких представителем номологического реализма — тезиса, согласно которому в природе существуют необходимые связи и именно эти связи являются законами природы. И хотя номологический реализм — это метафизически более сильный тезис, чем любые регулярностные теории, я постараюсь продемонстрировать, что реалистические подходы к законам природы естественным и даже наилучшим образом сочетаются с натурализмом. Что теория Армстронга является не только прекрасным образцом такого сочетания, но и значительно лучше, чем нереалистические теории, справляется с тремя другими задачами, предложенными выше, а также позволяет избежать некоторых других проблем.

2.2 Номологический реализм

Реалистические взгляды Армстронга подкрепляются с одной стороны разрушительной критикой альтернативных подходов, с другой — общей согласованностью его проекта и его ориентированностью на разрешение эпистемических затруднений в естественных науках, но кроме этого у Армстронга

²⁷⁹ Carroll J. W. The Humean Tradition // *Philos Rev.* 1990. Vol. 99. № 2. P. 185–219.; Hume D. *An Enquiry Concerning Human Understanding*. New York: Oxford University Press, 1999 (1748).

²⁸⁰ Tooley M. The Nature of Laws // *Canadian Journal of Philosophy.* 1977. Vol. 7. № 4. P. 667–698.

²⁸¹ Dretske F. Laws of Nature // *Philos Sci.* 1977. Vol. 44. № 2. P. 248–268.

можно найти также и некоторый пример того, что Стивен Мамфорд называет номологическим аргументом. Такие аргументы являются главным камнем преткновения антиреализма, их общую суть можно изложить следующим образом:

«в мире существуют различные вещи или явления, такие как регулярность, необходимость и предсказуемость, и они существуют потому, что существуют законы природы»²⁸².

В формулировке Армстронга он выглядит так:

«Хотя здесь нет логического следования, законосообразное (lawful) поведение Вселенной является лучшим доказательством номических необходимостей (или вероятностей)»²⁸³.

Мамфорд предполагает, что этому аргументу можно дать тривиальную трактовку: «есть законосообразное поведение, следовательно, есть законы», но, кажется, Армстронг не имел этого в виду, иначе ему не пришлось бы делать оговорку об отсутствии логического следования. Чтобы избежать этой тривиальной трактовки, обратимся, как это предлагает сделать Мамфорд, к более поздней работе Армстронга, в которой он также пытается продемонстрировать важность перехода от регулярностей к законам²⁸⁴. В соответствии с ней это его высказывание скорее стоит понимать так: «Во вселенной существует поведение, которое наблюдалось бы, если бы существовали законы». Армстронг, конечно, готов признать, что в природе существуют объективные регулярности, но в этом-то и вся суть: по мнению Армстронга, такие объективные регулярности не могут быть разумно объяснены

²⁸² Mumford S. *Laws in Nature*. London: Routledge, 1983. P. 70.

²⁸³ Armstrong D. M. *A Theory of Universals (Universals and Scientific Realism, Volume 2)*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978b. P. 161.

²⁸⁴ Armstrong D. M. *A World of States of Affairs*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 220–223.

без апелляции к универсалиям и необходимым связям между ними, а наличие оных и предполагает его теория.

Совсем коротко суть его теории можно передать в такой формулировке:

«Предположим, существует закон, согласно которому все F являются G. Свойство F и свойство G рассматриваются как универсалии. Между свойством F и свойством G существует определённое отношение, отношение нелогической, или контингентной, необходимости. Эту ситуацию можно выразить в форме $N(F, G)$ »²⁸⁵.

При таком подходе законы могут объяснить наличие регулярностей: наблюдаются F, и все они, по наблюдениям, являются G. Мы объясняем наблюдение, постулируя, что существует прямая связь N между свойством F и свойством G. Мы переходим от регулярности к законам, которые помогают объяснить эту регулярность, хотя и не дедуктивно: здесь мы имеем дело с абдукцией или выводом к лучшему объяснению. Сторонники регулярностных теорий не могут себе такого позволить.

Но прежде чем переходить к армстронговской критике альтернативных подходов, стоит подробнее остановиться на его собственной теории законов природы.

2.3 Отношение номической необходимости и типы положений дел

В первую очередь, стоит прояснить, чем является это отношение N. В своей метафизике Армстронг разделяет универсалии на первопорядковые и второпорядковые (можно также пытаться выделять универсалии более высоких порядков, но, по всей видимости, это будут псевдоуниверсалии, т.к. необходимость в каких-либо универсалиях более высоких порядков полностью удовлетворяется второпорядковыми универсалиями)²⁸⁶. Универсалии первого порядка имеют дело с

²⁸⁵ Armstrong D. M. What is a Law of Nature? Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 85.

²⁸⁶ Ibid. P. 145.

партикуляриями, в то время как универсалии второго порядка обращаются к универсалиям первого. Например, свойство «быть сложным» нельзя выразить в качестве универсалии первого порядка. Партикулярии могут обладать свойством сложности в силу наличия у них других свойств, но не могут обладать им сами по себе.

Как в случае любых других универсалий Армстронг настаивает на том, что определить, существуют ли какие-либо реальные отношения второго порядка, мы можем только апостериори. Однако сам он считает, что они все же существуют, и приводит следующий исчерпывающий список таких отношений: номическая необходимость, номическая невозможность (*exclusion*) и номическая вероятность²⁸⁷. Он также предполагает²⁸⁸, что этот список можно было бы сократить до одного отношения — отношения номической вероятности, а необходимость и невозможность представить в качестве её степеней, где степень вероятности 1 будет соответствовать необходимости, а 0 невозможности. Но, строго говоря, из вероятности 0 не обязательно следует невозможность. Интерпретация понятия «вероятность» является предметом отдельной и крайне запутанной дискуссии. Так, например, если вы задаёте вероятность события А через предел его наблюдений в серии однородных независимых испытаний, что соответствует гипотетической частотной интерпретации вероятности²⁸⁹, вы можете рассматривать события с вероятностью 0 в качестве возможных. Если в пределе выпадение монетки ребром стремится к нулю, вероятность такого события будет принята нами за 0, а орёл и решка получают свои законные 0.5, но из этого не следует, что монетка не может упасть на ребро. Так Армстронг подробно не развивает эту идею, по всей видимости, лучше всё-таки сохранить все три отношения, во избежание дополнительных проблем.

²⁸⁷ Ibid. P. 158.

²⁸⁸ Ibid.

²⁸⁹ Hájek A. Interpretations of Probability // The Stanford* Encyclopedia of Philosophy (Fall 2019 Edition), Edward N. Zalta (ed.), [<https://plato.sydney.edu.au/archives/fall2019/entries/probability-interpret>, accessed on 10.04.2023].

N — это именно такая универсалия второго порядка, отношение, связывающее между собой универсалии. Под N может подразумеваться любое из трёх предложенных отношений, проще всего рассматривать его как отношение номической необходимости, но, по всей видимости, в случае некоторых законов нам могут потребоваться два других отношения.

Также стоит отметить, что это отношение может показаться до некоторой степени двусмысленным, т.к. несмотря на то, что оно выражает необходимую связь, само по себе оно является контингентным. Тогда мы будем вынуждены утверждать с одной стороны, что необходимо, что все F являются G , а с другой, что возможно, чтобы F не было G . Очевидно, это противоречие. Эту проблему довольно просто решить, признав различие между логической (или концептуальной, или метафизической) и номической необходимостью. Тогда мы утверждаем лишь, что номически необходимо, что все F являются G , но логически возможно, чтобы F не было G . Здесь никакого противоречия нет. Это различие является широко признанным, хотя вокруг него всё же существует некоторая дискуссия²⁹⁰.

Важно, что отношение N само по себе не является симметричным: если $N(F, G)$, это ещё не значит, что $N(G, F)$. Хотя никакого запрета на симметричность здесь нет: вполне может оказаться, что $N(G, F)$ также имеет место. Иначе обстоит дело с рефлексивностью: Армстронг считает, что её в принципе не следует допускать, и демонстрирует, как можно добиться ее устойчивого исключения.

Для того чтобы разобраться с этим, требуется сделать некоторые уточнения относительно того, как нам в этом контексте следует понимать F и G . Если мы будем рассматривать их просто в качестве каких-то универсалий, мы можем столкнуться со следующей проблемой: для описания некоторых законов нам будет просто необходимо постулировать конструкции формы $N(F, F)$. Например, в случае первого закона Ньютона, который в одной из стандартных формулировок выглядит так:

²⁹⁰ Подробнее см.: Fales E. *Causation and Universal*. L., 1990; Idem. *Are Causal Laws Contingent?* // *Ontology, Causality and Mind*. Cambridge, 1993. P. 121–144; Shoemaker S. *Causality and Properties* // *Time and Cause*. Dordrecht, 1980. P. 109–135; Idem. *Causal and Metaphysical Necessity* // *Pacific Philosophical Quarterly*. 1998. Vol. 79. No. 1. P. 59–77.

«всякое тело продолжает удерживаться в своём состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменить это состояние»²⁹¹, не ясно, о каком дополнительном свойстве G здесь могла бы идти речь и самым разумным выглядит представление его в виде $N(F, F)$. Но представление об универсалии, которая связана сама с собой звучит, как считает Армстронг²⁹², по меньшей мере, странно. Он находит в работе «Мир положений дел»²⁹³ способ разрешить эту проблему через обращение к типам положений дел: положению дел «а есть F » соответствует тип положения дел «нечто есть F » или символически « $_F$ »; для диадического положения дел «а находится в отношении R к b » типом будет « $_R_$ ».

Типы положений дел при этом оказываются супервентны на самих положениях дел и, соответственно, не создают дополнительной онтологической нагрузки. Это справедливо для всех универсалий, а по существу, типы положений дел являются их разновидностью.

Теперь остаётся прояснить вопрос о сущности связи между такими типами положений дел. Армстронг предлагает, в большинстве случаев, рассматривать такую связь как каузальную.

Актуально релятами причинных отношений выступают положения дел, но в случае формулировки закона природы мы заменяем их типами положений дел. Таким образом, каждый случай причинности является инстанциацией некоторого закона. Из чего можно понять, что онтологически отношение причинности примитивным не является, каждый случай причинности может быть объяснён через указание на инстанцируемый в этом случае закон. Вопрос о том, все ли законы являются каузальными — это вопрос для идеальной науки будущего, сам

²⁹¹ Самсонов В.А. Ньютона законы механики // Большая российская энциклопедия. Т. 23. М., 2013. С. 435.

²⁹² Armstrong D. M. Sketch for a Systematic Metaphysics.. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 38.

²⁹³ Armstrong D. M. A World of States of Affairs. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 229–230.

Армстронг рассматривает разные варианты ответа на него²⁹⁴. Для его теории этот вопрос не является принципиальным: если существуют некаузальные законы, то каждый случай релевантного отношения будет инстанциацией такого закона.

Предположим теперь, что то, что «а есть F», является причиной того, что «b есть G». Прибегнув к типам положений дел это можно символически изобразить следующим образом:

$_1$ есть F является причиной $_2$ есть G

Числа у пропусков указывают на то, что партикулярии в этом случае различны, но так как связь существует между типами положений дел, а они являются универсалиями, можно утверждать, что такая связь является законом. Наличие связи именно между универсалиями, а не партикуляриями является важной для решения проблемы индукции, подробнее это будет обсуждаться чуть ниже, на примере критики регулярностных теорий законов.

Теперь случай $N(F, F)$ может быть представлен как:

$_1$ есть F является причиной $_2$ есть F

Здесь мы можем заметить, что, когда он сформулирован таким образом, в инстанциациях такого закона никакой рефлексивности нет, а значит и сам он никогда не будет включать рефлексивное отношение, т.к. не существует вне своих инстанциаций (хотя и не исчерпывается их перечислением). Армстронг поясняет, какого рода случаи законов могут описываться подобной схемой, следующим образом: «Первая и вторая партикулярии могут быть, например, последовательными временными срезами продолжающейся вещи или процесса»²⁹⁵.

²⁹⁴ Подробнее см.: Heathcote A., Armstrong D.M. Causes and Laws // Nods. 1991. Vol. 25. No. 1. P. 63–73.

²⁹⁵ Armstrong D. M. Sketch for a Systematic Metaphysics. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 40.

Если кратко всё это суммировать, мы получим следующее: закон природы — это номически необходимая связь между типами положений дел. Если эта связь является каузальной, то каждый случай единичной причинности, в который включены положения дел, подпадающие под тип, определяемый этим законом, будет инстанциацией такого закона.

Инстанциации законов природы и случаи единичной причинности — это буквально одно и то же, здесь мы имеем тождество в строгом смысле. Это избавляет нас от большого количества эпистемических затруднений, связанных с переходом от корреляции между причинностью и законами к существованию реальной связи между ними. Это будет случаем апостериорного тождества, такого же, как в случае воды и H_2O .

Чтобы составить более объёмную картину теории законов природы, предлагаемой Армстронгом, необходимо обратить внимание на его критику регулярностных теорий и подхода лучших систем. Именно с помощью анализа этой критики можно обнаружить, как его теория помогает ответить на вопрос об истинности контрфактических и объяснительных высказываний, справиться с проблемой индукции и разрешить загадку, предложенную в разделе 2.1.

2.4 Критика регулярностных теорий

Сначала обратимся к регулярностным теориям. Как уже было сказано выше, их сторонники утверждают, что закон природы — это просто некоторая регулярность. Таким образом, закон может быть сформулирован в форме простой импликации вида: $\forall x(F(x) \rightarrow G(x))$. Но всё же здесь стоит сразу наложить два ограничения: во-первых, такое утверждение должно быть контингентным (например, «все холостяки — это не состоящие в браке мужчины» — не закон природы). Во-вторых, такое утверждение не должно быть локальным (например, «все люди в этой комнате — блондины» — также, очевидно, не закон природы). Мамфорд предлагает выделять три основных недостатка таких теорий²⁹⁶, на которых заостряет своё внимание Армстронг:

²⁹⁶ Mumford S. David Armstrong. Stocksfield: Acumen Publishing, 2007. P. 44.

- 1) существуют случаи, когда регулярность не является законом;
- 2) существуют законы, которые не связаны с регулярностями;
- 3) даже если закон и регулярность, как кажется, совпадают, есть основания полагать, что они различны.

Довольно несложно привести доводы в пользу первого возражения: можно просто продемонстрировать случаи, когда у нас есть регулярность, но законом природы её можно было бы признать только ради попытки защитить собственную теорию. Можно обратиться, например, к некоторому вымершему животному. Предположим, что все представители какого-то вида Q умерли, не дожив до 30 лет, тогда будет верным утверждение, «Все представители вида Q умирают до 30 лет». ($\forall x(F(x) \rightarrow G(x))$), где F — представитель вида Q и G — умер, не дожив до 30 лет). Это утверждение является контингентным и не является локальным, но любая теория, признающая его законом, выглядела бы весьма неправдоподобно²⁹⁷. Классический пример возражения такого типа можно встретить у Поппера²⁹⁸. Теория Армстронга лишена этого недостатка: из $N(F, G)$ следует $\forall x(F(x) \rightarrow G(x))$, но не наоборот.

Главным доводом в пользу второго возражения служит существование (а) вероятностных и (б) функциональных законов. (а) Мы можем иметь закон, согласно которому все частицы определенного вида могут с некоторой вероятностью распадаться в течение определенного времени. Решить эту проблему могло бы либо отсутствие таких законов — но в настоящее время у нас есть некоторые основания считать, что такие законы всё же имеют место²⁹⁹, — либо существование вероятностных свойств, — но утверждение о том, что такие свойства существуют, кажется чем-то крайне экстравагантным. Оно кажется экстравагантным, так как,

²⁹⁷ Armstrong D. M. What is a Law of Nature? Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 11–24.

²⁹⁸ Popper K. R. The Logic of Scientific Discovery. London: Hutchinson, 1959. P. 427–428.

²⁹⁹ Armstrong D. M. A World of States of Affairs. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 238.

если бы они существовали, мы получили бы такие объекты, которым в принципе нельзя дать точное описание, но о которых можно только высказывать некоторые предположения; при этом эта невозможность не была бы связана с нашими эпистемическими ограничениями (что делало бы ее не такой уж странной), но была бы буквально вшита в нашу онтологию. (б) Помимо вероятностных, в современной естественной науке существуют законы, формулирующие наличие функциональной зависимости — такие как $F = ma$. Последний закон должен иметь силу и в случаях массы и ускорения, которые актуально не были инстанцированы. Но не ясно, как такое могла бы обеспечить теория регулярностей, так как переход от отдельных случаев регулярности к утверждению функциональной зависимости требует постулирования дополнительной сущности, иначе остаётся загадкой, чем такая зависимость обеспечена³⁰⁰. Невозможность подобных переходов обобщается в третьем возражении, в этом случае демонстрируется именно неспособность регулярностных теорий дать объяснение вероятностных и функциональных законов. Собственная теория Армстронга здесь также не встречает проблем: N — может быть вероятностным отношением, связывающим универсалии, в связи с чем, нас не волнуют конкретные значения.

Третье возражение, пожалуй, является самым важным, так как указывает на одно из главных преимуществ теорий Армстронга — она обосновывает возможность контрфактических высказываний. Из голой закономерности самой по себе нельзя получить прямой связи между F и G . Из того, что все F актуально являются G , не следует, что если бы, контрфактически, что-то стало F оно стало бы и G — и это проблема для регулярностных теорий, т.к. именно этого — т.е. возможности переноса на контрфактические ситуации — мы хотели бы от законов : ведь именно такой перенос позволяет нам давать точные научные предсказания и эффективно манипулировать миром. Наличие подлинного (в отличие от чисто регулярностного) закона $N(F, G)$ обеспечивает такую связь: строго говоря, сам этот

³⁰⁰ Armstrong D. M. What is a Law of Nature? Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 24–39.

закон и является такой связью³⁰¹. Поскольку сторонники регулярностных теорий не допускают никакой внутренней связи между тем, что есть F и тем, что есть G, у них нет метафизических оснований, на которых можно было бы делать вывод от наблюдаемых случаев к ненаблюдаемым — это классическая проблема индукции, с которой они испытывают значительные трудности. Но теория Армстронга лишена этого недостатка: как уже упоминалось выше, тот факт, что N связывает именно универсалии, позволяет производить такой перенос. Сам он разъясняет эту возможность следующим образом:

«Если F и G связаны диадическим отношением, таким, что его элементы ограничиваются этими двумя универсалиями, то не может быть так, что они имеют это отношение в одно время или в одном месте, но не имеют его в другом. Универсалии F и G — это совершенно одни и те же вещи в их различных инстанциях... Если это имеет место в одном случае, то это имеет место во всех случаях, потому что это одна и та же вещь во всех случаях»³⁰².

2.5 Критика подхода лучших систем

Теперь можно перейти к рассмотрению возражений против подхода (или теории) лучших систем. По своей сути подход лучших систем является развитием ключевых идей регулярностных теорий, но вносит существенные дополнения, позволяющие избежать части проблем, связанных с ними. Впервые этот подход, по всей видимости, встречается у Джона Стюарта Милля³⁰³, наиболее яркими сторонниками данного подхода являются Фрэнк Рамсей³⁰⁴ и Дэвид Льюис. Последний предлагает для этой идеи следующую формулировку:

³⁰¹ Ibid. P. 46–52.

³⁰² Armstrong D. M. What is a Law of Nature? Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 79.

³⁰³ Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с англ. под ред. В. Н. Ивановского. М.: ЛЕНАНД, 2011. С. 260–264.

³⁰⁴ Ramsey F. Foundations. London: Routledge and Kegan Paul., 1978.

«Условное обобщение является законом природы тогда и только тогда, когда оно появляется как теорема (или аксиома) в каждой из истинных дедуктивных систем, которые достигают лучшего сочетания простоты и силы»³⁰⁵.

Систематизация тем проще, чем меньше аксиом она содержит, и тем сильнее, чем больше она может рассказать нам об истории мира. Если можно было бы вывести 95% всей мировой истории из всего лишь пяти условных обобщений, принятых в качестве законов природы, это могло бы оказаться лучшей системой, чем система, предполагающая 6 законов (больше на 20%) и позволяющая вывести 96% (больше на 1%) истории мира. Здесь у Армстронга также есть три ключевых возражения:

- 1) законы природы не могут быть вопросом предпочтений;
- 2) истинность одних законов не должна зависеть от наличия других;
- 3) мир не содержит противоречий.

Можно заметить некоторый элемент субъективизма в вопросе о соотношении простоты и силы. Например, условный рационалист может ценить простоту, тогда как условный эмпирик ценил бы силу. Полностью отдать всё на откуп калькуляции тоже не получится. Да, в приведённом выше примере мы получаем на 20% больше аксиом и только на 1% больше знаний об истории мира, но в то же время неизвестной истории мира становится на 20% меньше, и мы снова возвращаемся к вопросу о предпочтениях. Вокруг подобных доводов Армстронг и выстраивает своё первое возражение. Истины о природе мира никак не могут и не должны находиться в прямой зависимости от человеческих предпочтений.

Второе возражение заключается в следующем: в случае принятия теории лучших систем мы оказываемся в ситуации, когда вопрос о том, является ли нечто

³⁰⁵ Lewis D. Counterfactuals. Cambridge: Harvard University Press, 1973. P. 73.

законом природы, не может быть задан без рассуждений обо всех прочих кандидатах на роль законов. Кажется, мы не считаем, и не хотели бы считать, что у нас есть законы общей теории относительности в силу существования законов термодинамики. Любой закон может и должен являться законом в силу того, что он истинен сам по себе. Конечно, законы могут быть до некоторой степени связаны между собой и позволять лучше объяснять друг друга, но существование каждого отдельного закона должно зависеть только от его индивидуальной истинности. Эта идея становится особенно ясной, если пытаться представить себе мир с альтернативными законами природы. Конструируя такой возможный мир, мы можем изменить или убрать некоторый закон, но сохранить всю прочую систематизацию, которую предположили как лучшую, для объяснения истории нашего мира. Это возможно, т.к. демонстрация того, что связь между законами внутри некоторой систематизации носит логический характер, выглядит крайне тяжёлой, если в принципе выполнимой задачей, и существующие теории систем не претендуют на это. Но тогда совершенно непонятно, почему мы должны считать, что наличие или отсутствие закона изначально зависит от неё.

Третье возражение является классическим возражением против любой когерентистской теории. Теория лучших систем предполагает, что у нас могли бы быть две или более систематизации мира, одинаковые в своей простоте и силе, превосходящие все прочие, но при этом содержащие противоречивые наборы аксиом. За неимением возможности выбрать между ними, нам, по всей видимости, пришлось бы признать наличие в мире фундаментальной противоречивости, а этого, конечно, хотелось бы избежать.

Кроме того аксиомы теории систем сами по себе всё ещё являются только лишь регулярностями, и некоторых возражения справедливые против теорий регулярности могут быть применены и в случае теории систем. Например, в таких

регулярностях всё так же нет внутренней связи, поэтому они не будут обосновывать возможность контрфактических высказываний³⁰⁶.

Ясно, что теория Армстронга лишена любого из этих недостатков — возможно, за исключением третьего: если вы сторонник радикального фаллибилизма, вы можете считать, что закон непротиворечия может оказаться ошибочным и противоречия могут быть обнаружены в ходе научного исследования. Так или иначе это кажется по крайней мере менее правдоподобным, чем существование двух равнозначных систематизаций мира. Кроме того, если мир действительно таков, что в нём имеют место актуальные противоречия, то вряд ли их принятие можно было бы считать недостатком теории Армстронга — это было бы некоторое неожиданное и не самое удобное открытие, но последовательный натуралист должен был бы принять это.

2.6 Что такое законы природы

Теперь можно вновь обратиться к главному вопросу этого раздела и к задачам, которые были поставлены в начале, и посмотреть, удалось ли теории Армстронга справиться со всеми вызовами, которые были предложены. Что такое законы природы? Законы природы — это реально существующие необходимые связи между типами положений дел, инстанцированные в случаях единичной причинности. Эти связи и типы положений дел представляют собой универсалии, а так как универсалии в онтологии Армстронга не существуют помимо своих инстанциаций, они не создают дополнительной онтологической нагрузки и могут быть вписаны в натуралистическую и даже физикалистскую рамку.

Что делает контрфактические и объяснительные высказывания истинными? Какие у нас есть метафизические основания, на которых можно было бы делать вывод от наблюдаемых случаев к ненаблюдаемым? Ответы на эти вопросы были получены при рассмотрении третьего возражения Армстронга против регулярностных теорий. Контрфактические и объяснительные высказывания могут

³⁰⁶ Armstrong D. M. What is a Law of Nature? Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 60–75.

быть истинными в силу соответствия описываемого или предсказываемого в них положения дел законам природы. Мы можем переходить от наблюдаемых случаев к ненаблюдаемым, так как законы связывают именно универсалии, а они в силу своей природы являются теми же самыми, вне зависимости от того, наблюдаем мы их или нет. Универсалии в разных своих инстанциях — это всё ещё буквально одна и та же вещь.

Последнюю загадку совсем несложно разгадать, если обратить внимание на первое возражение Армстронга против регулярностных теорий — фактически её также можно свести к вопросу «почему некоторые регулярности не являются законами?» Ответ: в случае таких регулярностей не имеет места реальная номическая связь.

Номологический реализм Дэвида Армстронга является одной из наиболее проработанных теорий законов природы, предлагающей решение многих проблем, возникающих перед теориями-конкурентами, и лишённой многих их недостатков. Таким образом, сегодня её можно рассматривать в качестве одного из лучших кандидатов для ответа на вопрос «Что такое законы природы?» в рамках построения натуралистической метафизики.

Глава четвёртая. Философия сознания³⁰⁷

§1 Каузальная теория тождества

Дэвид Армстронг среди прочего внёс огромный вклад в дискуссию о сознании, представив собственную версию теории тождества. Именно этому аспекту философии Армстронга посвящен этот раздел.

Теория тождества сознания и физического в явном виде впервые возникает в работах Уллина Плейса³⁰⁸ и Герберта Фейгла³⁰⁹. Она достаточно быстро начинает завоёвывать популярность и обретать сторонников. Важной фигурой в истории развития этой теории выступает Джон Сمارт. Пионерская статья Плейса была написана им после дискуссии со Смартом, в которой последний отстаивал взгляды Гилберта Райла³¹⁰ в противовес новой идее Плейса. Тогда им не удалось убедить друг друга. Но немногим позже, уже после знакомства со статьёй Фейгла, Смарт всё-таки отказывается от райловского бихевиоризма и присоединяется к лагерю сторонников теории тождества³¹¹. Именно Смарт обратил внимание Армстронга на эту идею. В свои ранние годы Армстронг также был сторонником теории Райла, но его не устраивало то, как мало внимания в ней уделяется интроспекции. Поэтому, когда во время визита Смarta в Мельбурн ему довелось познакомиться с идеями, изложенными Смартом в статье «Ощущения и процессы в мозге», он отказался от райловского подхода и пополнил ряды теоретиков тождества³¹².

Согласно Армстронгу, ментальные состояния выполняют некоторую каузальную роль и более того могут быть определены исключительно в терминах

³⁰⁷ Эта глава написана на основании статьи: Тарасенко Т.Н. Иллюзионистское прочтение теории сознания Дэвида Армстронга // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2024, том 48, № 1, с. 58-75.

³⁰⁸ Place U. T. Is Consciousness a Brain Process? // British Journal of Psychology. 1956. Vol. 47. No. 1. P. 44–50.

³⁰⁹ Feigl H. The «Mental» and the «Physical» // Concepts, Theories, and the Mind-Body Problem / ed. by H. Feigl, M. Scriven, G. Maxwell. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1958.

³¹⁰ Ryle G. The Concept of Mind. London: Hutchinson, 1949.

³¹¹ Smart J. J. C. Sensations and Brain Processes // Philosophical Review. 1959. № 68. P. 141–156.

³¹² Armstrong D. M. Sketch for a Systematic Metaphysics. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 105.

каузальных отношений³¹³. Современная наука сообщает нам, что эту же самую каузальную роль выполняют состояния центральной нервной системы (далее — ЦНС). Именно это выступает основанием для отождествления ментальных состояний с состояниями ЦНС³¹⁴. Обращение к каузальным отношениям является существенным новшеством в рамках развития теорий тождества и впервые возникает в работе Дэвида Льюиса «Аргумент в пользу теории тождества»³¹⁵. У таких теорий, они могут быть названы теориями каузальной роли, есть два существенных преимущества над более ранними вариантами теории тождества. Первое заключается в том, что данный подход способен объяснить причинные взаимодействия как между состояниями и процессами внутри мозга, так и в случае воздействия внешних стимулов и реакций на них. Другое преимущество — это возможность использовать т.н. «рамсеификацию» теории. Фрэнк Рамсей показал, как можно заменить теоретические термины, такие как «свойство быть электроном» на «свойство X такое, что...»³¹⁶. Когда мы сделаем это для всех теоретических терминов, в нашей теории останутся только конструкции вида «свойство X такое, что...», «свойство Y такое, что...» и т.д. Если принять термины, описывающие поведение, как термины наблюдения, а психологические термины как теоретические термины народной психологии, то можно будет с помощью рамсеификации продемонстрировать совместимость народной психологии с физикализмом.

Армстронг развивает собственную версию теории каузальной роли и дополняет её множеством подкрепляющих соображений. Во второй части своей фундаментальной работы «Материалистическая теория сознания»³¹⁷ он проводит тщательный концептуальный анализ множества ментальных состояний и

³¹³ Armstrong D. M. A Materialist Theory of The Mind. Revised edition. London: Routledge, 1993. P. 356.

³¹⁴ Armstrong D. M. The Mind–Body Problem: An Opinionated Introduction. Boulder: CO: Westview Press, 1999. P. 87.

³¹⁵ Lewis D. An Argument for the Identity Theory // Journal of Philosophy. 1966. № 63. P. 17–25.

³¹⁶ Ramsey F. P. The Foundations of Mathematics (1931). Taylor & Francis, 2013.

³¹⁷ Armstrong D. M. A Materialist Theory of The Mind. Revised edition. London: Routledge, 1993. P. 129–351.

процессов, таких как восприятие, ощущения, убеждения, желания, эмоции, волевые акты и т.п., чтобы переопределить их через их каузальную роль. Без этой работы утверждение о возможности тематически нейтрального переопределения всех ментальных терминов в терминах каузальных отношений могло бы выглядеть неудовлетворительно, а это является существенной частью его обоснования отождествления ментальных состояний и процессов с состояниями и процессами ЦНС.

Кроме этого Армстронг пытается придать такому отождествлению дополнительную правдоподобность, отвечая на вопрос, почему, несмотря на убедительные интроспективные свидетельства того, что сознание — это никоим образом не мозг, мы всё ещё можем всерьёз рассматривать эту идею. Действительно, когда мы рассматриваем собственное сознание, буквально ничто не указывает, что наши ментальные состояния — это состояния ЦНС. Армстронг предлагает на это довольно остроумный ответ, прибегая к иллюзионистской метафоре³¹⁸. Он предлагает рассмотреть иллюзию «обезглавленной женщины». Она заключается в следующем: девушка располагается на полностью чёрном фоне, при этом её голова скрывается за таким же чёрным материалом, из-за чего создаётся иллюзия, будто она лишена головы. Глядя на такое зрелище, мы будем склонны считать, что перед нами обезглавленная женщина, хотя это и не так, пока нам не раскроют трюк, либо она не выдаст себя как-то иначе. Но что не менее важно, даже когда мы узнаем правду, иллюзия не исчезнет, нам всё ещё будет казаться, что у женщины нет головы, хотя мы и будем знать, что дело обстоит иначе. Общая идея здесь заключается в том, что в случае иллюзий мы часто неспособны распознать, как дело обстоит на самом деле. Это объясняет, почему из того, что мы не способны что-то заметить или распознать не следует, что это не так. Но кроме этого, даже если рассказать нам, как иллюзия устроена и что на самом деле за ней скрывается, наше восприятие может остаться по-прежнему ошибочным. Это может объяснить, почему интроспективные свидетельства, указывающие нам

³¹⁸ Armstrong D. M. The Headless Woman Illusion and the Defence of Materialism // *Analysis*. 1968. № 29. P. 48–49.

на разницу между мозгом и сознанием, фактически не теряют своей убедительности в свете аргументов теоретиков тождества.

Стоит подчеркнуть две важные особенности отождествления сознания с процессами ЦНС, предполагаемого Армстронгом. Во-первых, это тождество является контингентным. Хотя Сол Крипке в своей статье «Тождество и необходимость»³¹⁹ пытается показать, что отношения тождества всегда является необходимым, даже если оно апостериорное, Армстронг считает, что для него идеи Крипке не представляют опасности. Он замечает, что аргумент Крипке работает только с жёсткими десигнаторами, в то время как в случае каузальной теории, когда ментальное состояние отождествляется с физическими, физическое описание является нежёстким десигнатором этого состояния³²⁰. Во-вторых, в случае отождествления ментального с физическим речь идет о тождестве токенов, но не типов. Вынося за скобки проблемы с возможной самопротиворечивостью понятия контингентного тождества, можно показать из каких соображений Армстронг предпочитает говорить именно о контингентном тождестве токенов. В его представлении правдоподобная теория сознания должна оставлять открытой логическую возможность внетелесного существования³²¹, то есть согласовываться с аргументом представимости Декарта³²². Но в случае необходимого тождества такая возможность оказалась бы закрыта, и именно поэтому он предлагает обращаться к тождеству контингентному³²³. Тождество же токенов требуется Армстронгу для согласования своей теории с функционализмом. Тезис о том, что функциональное состояние (а ментальные состояния являются именно функциональными) может быть реализовано разными состояниями ЦНС и даже

³¹⁹ Kripke S.A. Identity and necessity. In Milton Karl Munitz (ed.), Identity and Individuation. New York University Press, 1971. 135–164 P.

³²⁰ Armstrong D. M. A Materialist Theory of The Mind. Revised edition. London: Routledge, 1993. P. xiv.

³²¹ Ibid. P. 19.

³²² Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями. Диоптрика, метеоры, геометрия. Москва: АН СССР, 1953. С. 32–35.

³²³ Mumford S. David Armstrong. Stocksfield: Acumen Publishing, 2007. P. 141.

совершенно иными физическими системами, представляется ему верным³²⁴. В связи с этим теория Армстронга предполагает, что ваше ментальное состояние M_1 в момент времени t_1 тождественно состоянию P_1 вашей ЦНС в момент времени t_1 , но одновременно неверно, что ваше ментальное состояние M_1 в момент времени t_1 могло бы быть тождественно ментальному состоянию M_x любой другой физической системы в t_x .

Таким образом, теория сознания Дэвида Армстронга может быть кратко представлена как состоящая из двух частей:

1. Концептуальный анализ различных видов ментальных терминов, включая их взаимосвязь, в результате которого получается тематически нейтральный отчёт, в котором ментальные процессы и состояния определяются с точки зрения их каузальной роли.
2. Контингентное отождествление токенов этих процессов и состояний с процессами и состояниями ЦНС. Эта гипотеза отстаивается как наилучшая из имеющихся гипотез, учитывая научные данные.

Армстронг выделяет в качестве главных слабых мест своей теории две проблемы³²⁵:

1. Объяснение квалиа.
2. Объяснение интенциональности.

Далее в рамках моего исследования я рассмотрю обе эти проблемы. Для проблемы объяснения квалиа я не только изложу тот путь решения, который намечает сам Армстронг, но и предложу некоторую альтернативную защиту его позиции. Но

³²⁴ Armstrong D. M. A Materialist Theory of The Mind. Revised edition. London: Routledge, 1993. P. xiv.

³²⁵ Armstrong D. M. Sketch for a Systematic Metaphysics. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 115.

сначала я хотел бы обратить внимание на совершенно иное, но некоторым образом связанное с первым, затруднение, которое, как кажется, либо не учтено Армстронгом, либо в существенной степени им недооценено.

§2 Контингентное тождество и угроза дуализма

Метафизический проект Армстронга является физикалистским. Его теория сознания также должна удовлетворять этому тезису. Кажется, этого и следует ожидать от теории, отождествляющей сознание с чем-то физическим. Физикализм — сложное, многозначное и противоречивое понятие. В самом общем виде это тезис, согласно которому всё, что существует, является физическим. Ясно, что в таком виде слишком многое в нём остаётся не прояснённым, но в случае более детальных версий — нельзя сказать, что среди философов имеется консенсус в его определении³²⁶.

Армстронг определяет физикализм следующим образом:

«(Физикализм) утверждает, что единственными объектами, которые содержит система пространства-времени, являются физические сущности, управляемые ничем иным, как законами физики. Этот тезис следует понимать как тезис о завершённой физике»³²⁷.

Или более подробно:

«Физикализм может быть представлен как тезис о том, что (1) все фундаментальные универсалии, будь то свойства или отношения, изучаются физикой, и все остальные универсалии первого порядка являются структурами, не содержащими ничего, кроме этих фундаментальных универсалий; (2) все фундаментальные законы — это связи между этими фундаментальными универсалиями, а другие законы являются ничем иным

³²⁶ Stoljar D. Physicalism. New York: Routledge, 2010.

³²⁷ Armstrong D. M. A World of States of Affairs. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 6.

как фундаментальными законами, действующими при определенных граничных условиях³²⁸».

Далее я буду в первую очередь ориентироваться именно на такое понимание физикализма.

Угроза армстронговскому физикализму со стороны его теории сознания возникает в связи с тем, что только лишь контингентное отождествление ментальных процессов и состояний с процессами и состояниями ЦНС оставляет его теорию открытой для дуалистического прочтения.

Рассмотрим главный антифизикалистский аргумент Дэвида Чалмерса в его базовой конфигурации:

П1. Если физикализм истинен, то все позитивные факты о нашем мире глобально логически супервентны на физических фактах.

П2. В нашем мире существует сознательный опыт.

П3. Имеется логически возможный мир, физически идентичный нашему, в котором отсутствуют позитивные факты о сознании из нашего мира.

П4. Поэтому факты о сознании — дополнительные факты нашего мира, обособленные от физических фактов.

Заключение. Физикализм ложен³²⁹.

Первое, что стоит отметить: здесь используется супервентностное определение физикализма, отличающееся от определения Армстронга. Я не уверен, что в этих двух вариантах тезис физикализма утверждает буквально одно и то же, но версия Армстронга должна предполагать истинным супервентностный физикализм. Если в мире существуют только физические универсалии, а именно это утверждается в формулировке Армстронга, то мы не можем получить

³²⁸ Ibid.

³²⁹ Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. Москва: URSS, 2013. С. 160.

нефизические факты (или положения дел, как их чаще называет сам Армстронг). Иначе нам пришлось бы предположить существование нефизических партикулярий и чего-то, что можно было бы называть смешанными фактами. Дело даже не в том, что это выглядит весьма неправдоподобно, но в том, что общий метафизический проект Армстронга не может себе такого позволить. Положения дел не являются конструктором из партикулярий и универсалий, последние являются абстракциями от положений дел. Не существует партикулярий не инстанцирующих хотя бы одной универсалии. Совершенно не ясно, на каких основаниях мы могли бы из положения дел «партикулярия *b* инстанцирует физическую универсалию *F*» абстрагировать партикулярию *b* в качестве нефизической и считать такое положение дел смешанным. Это открыло бы возможность называть любое положение дел смешанным, в лучшем случае мы получили бы спор о словах. Итак, если физикалистский тезис Армстронга верен, то в мире существуют только физические факты. Ясно, что в таком случае все факты нашего мира глобально логически супервенты на физических фактах, так как других фактов просто нет. Таким образом, если аргумент Чалмерса верен, то он опровергает и ту версию физикализма, которую хотел бы отстаивать Армстронг.

Теперь обратимся к третьей посылке. Можно ли логически сконструировать мир физически идентичный нашему, но без некоторых фактов о сознании? Мир, в котором живут существа, чья ЦНС полностью идентична нашей, но у них нет ментальных состояний? Если всё, что мы знаем об отношениях между состояниями и процессами ЦНС и ментальными состояниями и процессами — это то, что между ними имеется контингентное тождество, то ничего не запрещает этого сделать. В данном случае контингентность предполагает именно это. Если *A* контингентно тождественно *B*, то логически возможно существование *A* без *B* и *B* без *A*. Строгое тождество запрещает логическую возможность внетелесного существования, но контингентное тождество оставляет возможными философских зомби.

Если все остальные посылки Чалмерса также будут приняты, а они не представляются спорными (во всяком случае, я не вижу, почему Армстронг мог бы не согласиться с ними), мы получаем противоречие между армстронговской

теорией сознания и его собственным тезисом физикализма. Таким образом сконструированные философские зомби — прямой путь к дуализму.

Не исключено, что Армстронг не видел в этом особой проблемы и был бы готов переформулировать своё определение физикализма так, чтобы согласовать его с такой версией дуализма свойств. Почему вообще можно заподозрить Армстронга в готовности принять дуализм свойств? Основания, на самом деле, довольно шаткие. Такое подозрение может возникнуть в связи с его ответом на критику Майкла Левина, пытавшегося показать, что работа, проделанная Армстронгом в «Материалистической теории сознания»³³⁰, не открывает нам концептуальных истин в отношении ментальных процессов и состояний³³¹. Армстронг готов признать, что, если Левин прав, то каузальная теория из концептуальной становится эмпирической, и, как кажется, его самого это особенно не тревожит, так как она всё ещё может быть принята, но в новом логическом статусе³³². Сложно сказать, понимал ли Армстронг, что в случае утраты концептуального статуса его теория становится открыта для дуалистического прочтения. Я предполагаю, что Армстронг всё-таки недооценивал эту опасность, так как кроме прочего дуализм свойств толкает нас к эпифеноменализму, а на него Армстронг точно не готов соглашаться³³³.

Но принятие дуализма свойств и пересмотр определения физикализма не единственный способ разрешить изложенное выше противоречие. Можно сохранить все преимущества теории сознания Армстронга, фактически всю её структуру и учесть главные основания для принятия именно такой теории, но при этом показать возможность согласовать её с сильной формой физикализма, изложенной выше. В действительности, требуется минимальная модификация, хотя она может звучать радикально. Стоит отказаться от тождества и обратиться к

³³⁰ Armstrong D. M. *A Materialist Theory of the Mind*. London: Routledge & Kegan Paul, 1968.

³³¹ Levin M. E. *Metaphysics and the Mind-Body Problem*, Oxford: Clarendon Press, 1979.

³³² Armstrong D. M. *The Mind-Body Problem: An Opinionated Introduction*. Boulder: CO: Westview Press, 1999. P. 88.

³³³ Armstrong D. M. *Sketch for a Systematic Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 110.

супервентности. Может показаться, что так мы только ослабим притязания армстронговской теории, и это точно не укрепит его физикализм. Это было бы верно в двух случаях:

1. Мы отказываемся от необходимого тождества в пользу логической супервентности.
2. Мы отказываемся от контингентного тождества в пользу естественной супервентности.

Но я предлагаю отказ от контингентного тождества в пользу логической супервентности. Метафизически это более сильное отношение.

Чтобы увидеть все преимущества такого решения для проекта Армстронга, стоит снова обратиться к его представлениям о супервентности. Так как в случае наличия супервентности, супервентностная надстройка не является онтологическим дополнением к супервентностной базе, то, если P является физическим, а Q супервентно на P , то в релевантном смысле Q также является физическим. Q также наследует каузальный потенциал P , так как не является отдельной сущностью. И хотя представления Армстронга о том, что симметричная супервентность влечёт тождество — это спорная и даже, по всей видимости, ошибочная идея — обратное совершенно точно должно быть истинным: тождество влечёт симметричную супервентность. Если $A = B$, то есть A и есть B , то логически невозможно, чтобы A существовало, а B нет, и наоборот. Это так, но только если тождество и супервентность принимаются в качестве тезисов о логически необходимой связи. Контингентное тождество не влечёт логическую супервентность — это должно быть ясно из сказанного о нём выше.

В первом параграфе мы также выяснили, что, хотя Армстронг и не уточняет свою позицию в терминах глобальной и локальной супервентности, разумно предполагать, что её следует понимать как глобальную. Кроме того, локальная супервентность, вероятнее всего, не выполняется для слишком большого количества сущностей и, скорее всего, в некотором смысле для сознания тоже. Для

сохранения физикализма глобальной супервентности будет достаточно. Но здесь стоит сделать некоторое уточнение. Если вывод о наличии логической супервентности ментальных процессов и состояний на процессах и состояниях ЦНС делается на тех же основаниях, что и вывод о контингентном тождестве (а именно это я и предлагаю), то можно настаивать, что локальная супервентность в этом случае также имеет место.

Таким образом, я предлагаю следующую модификацию теории сознания Армстронга:

Первая часть остаётся неизменной. Концептуальный анализ различных видов ментальных терминов, включая их взаимосвязь, в результате которого получается тематически нейтральный отчёт, в котором ментальные процессы и состояния определяются с точки зрения их каузальной роли.

Во второй части мы меняем отношение контингентного тождества на отношение логической супервентности, сохраняя основания для его постулирования. Мы получаем супервентность ментальных процессов и состояний на процессах и состояниях ЦНС. Если на первом шаге мы смогли показать, что их каузальная роль всегда совпадает — это может склонять нас в пользу принятия сильной, локальной, версии супервентности. Это отношение, так же как в случае контингентного тождества, постулируется нами как лучшая из имеющихся гипотез, учитывая научные данные.

Как можно заметить, это всё ещё теория каузальной роли. Вся мотивация и все аргументы сохранены. Строго говоря, утверждение о контингентном тождестве также можно сохранить, чтобы подчеркнуть нашу уверенность в отсутствии внетелесного сознания в нашем мире, но важнее то, что теперь мы постулируем более сильное метафизическое отношение — логическую супервентность. Стоит обратить внимание, что такое отношение между ментальным и физическим оставляет открытой логическую возможность внетелесного существования, что является значимым для Армстронга, но исключает возможность философских зомби. При этом антифизикалистский аргумент Чалмерса больше не может быть согласован с такой теорией, и физикалистский проект Армстронга, лишается

внутренней угрозы. Во всяком случае до тех пор, пока не будет показано, что супервентностная надстройка всё-таки не является «бесплатным онтологическим ланчем», как то предполагает Армстронг.

Но в таком случае мы сталкиваемся с другой проблемой. Аргумент Чалмерса направлен в первую очередь именно против таких теорий. Если зомбийный мир представим, а именно на этом настаивает Чалмерс, то тезис о наличии супервентности ментального на физическом оказывается ложен. Допустим, Армстронг отказался бы от контингентного тождества в пользу супервентности. Но что если аргумент Чалмерса оказывается верен? Тогда мы избавились от внутренних противоречий (во всяком случае, мы большие их не обнаруживаем) и получили отлично согласованную ложную теорию. Важно отметить, что Чалмерс предполагает возможность именно феноменальных зомби, то есть существ физически идентичных нам, но лишённых квалиа. Он готов согласиться, что мы не будем отличаться от зомби в психологических аспектах сознания, то есть в отношении ментального, как каузальной, или объяснительной, основы поведения³³⁴.

Таким образом, чтобы отбиться от аргумента Чалмерса, теория Армстронга должна как-то объяснить квалиа. Но, как я уже упоминал выше, объяснение квалиа, наряду с объяснением интенциональности, Армстронг и так признаёт главной проблемой своей теории. Стоит узнать, становится ли ситуация с объяснением квалиа хуже, в случае отказа от контингентного тождества в пользу логической супервентности, и можно ли всё-таки предложить удовлетворительное решение этой проблемы в рамках теории Армстронга. Для этого рассмотрим эту проблему подробнее.

§3 Иллюзионистское объяснение квалиа

Ситуация с определением квалиа кажется ещё более запутанной, чем с определением физикализма. С одной стороны, предполагается, что нет ничего, что

³³⁴ Чалмерс Д. Сознание и ум: В поисках фундаментальной теории. Москва: URSS, 2013. С. 127–128.

было бы известно нам лучше, чем наш феноменальный сознательный опыт, но ясно объяснить, что под этим имеется в виду, оказывается исключительно трудно³³⁵. В самом общем смысле под квалиа можно понимать такие характеристики наших ментальных состояний, которые выражают то, каково находиться в этом состоянии. Каково испытывать конкретную головную боль. Каково ощущение зеленоватости зелёного или красноватости красного. Как именно ощущается тепло. Значительное влияние на дискуссию оказало определение квалиа, предложенное Дениелом Деннетом. Он предлагает понимать их как свойства наших ментальных состояний, такие, что они (1) невыразимые, (2) внутренние, (3) приватные и (4) прямо или непосредственно постигаемые в сознании. Это следует понимать так: «они (1) неделимы для интроспекции, а следовательно неопишутся (“вам нужно быть там”); (2) не связаны ни с какими отношениями, диспозициями или функциями (красный цвет может вызывать тревогу у некоторых людей, однако эту субъективную диспозицию нельзя считать квалиа красного); (3) “Вам нужно быть там, но у вас не получится, они мои и только мои!” и (4) ваши квалиа знакомы вам лучше всего остального»³³⁶. Тем не менее, даже в отношении первого определения нельзя сказать, что вокруг него существует консенсус. Тем более консенсуса нет в случае определения Деннета, но оно, на мой взгляд, предлагает ясную рамку для работы с этим понятием.

Армстронг же отождествляет квалиа и вторичные качества. Он прямо пишет: «Квалиа. То, что Локк называл вторичными качествами, цвет, звук, вкус, запах, возможно, боль, зуд и так далее...»³³⁷. Сложно сказать, насколько это удачное отождествление, во всяком случае, в современной дискуссии такое понимание квалиа практически не представлено. Но учитывая размытость этого понятия и общие сложности с его определением нельзя назвать такое отождествление

³³⁵ Tye M. Qualia // The Stanford* Encyclopedia of Philosophy (Fall 2025 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL = <<https://plato.sydney.edu.au/archives/fall2025/entries/qualia/>>.

³³⁶ Деннетт Д. Насосы интуиции и другие инструменты мышления. Москва: АСТ: CORPUS, 2019. 576 с. С. 341–342.

³³⁷ Armstrong D. M. Sketch for a Systematic Metaphysics. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 109.

однозначно неудачным. Во всяком случае, последующее обсуждение квалиа Армстронгом вполне укладывается в рамки общей дискуссии вокруг них.

Саму проблему с квалиа Армстронг понимает следующим образом:

«(Квалиа) явно являются частью очевидно данной нам картины мира, как сказал бы Уилфрид Селларс. Но можем ли мы поместить их в научную картину? Мы можем поместить туда световые волны, звуковые волны, молекулы, действующие на вкусовые и обонятельные рецепторы, стимуляцию болевых рецепторов и так далее. Для этих случаев мы можем построить достаточно правдоподобные теории. Но часть того, с чего мы начали, вторичные качества, очень плохо вписывается в эту картину»³³⁸.

Этой проблемы не было бы, если бы вторичные качества можно было бы прямо отождествить с некоторыми свойствами физических объектов. В итоге, именно это и предлагает сделать Армстронг. Он называет это своей второй теорией тождества, вслед за теорией тождества сознания и тела. Здесь же можно отметить, что отказ от тождества в пользу супервентности в случае первой теории, в сущности, не затрагивает аргументацию Армстронга в этом вопросе, так как две эти теории в значительной мере независимы. Впервые он презентует теорию тождества вторичных качеств и физических явлений в двенадцатой главе «Материалистической теории сознания»³³⁹. В ней он последовательно пытается развивать эту идею, рассматривая множество возможных априорных и эмпирических возражений и предлагая свои ответы на них. В дальнейших своих работах он не отказывается от этого проекта. Но спустя более чем сорок лет, он всё ещё готов признать, что, несмотря на всю проделанную им работу, на этом пути есть значительные трудности. С точки зрения феноменологии идея отождествления вторичных качеств с физическими свойствами объектов кажется настолько крайне

³³⁸ Ibid.

³³⁹ Armstrong D. M. A Materialist Theory of The Mind. Revised edition. London: Routledge, 1993. P. 270–291.

маловероятной, что его аргументы скорее претендуют на предание некоторой респектабельности такой позиции, чем на её доказательство³⁴⁰.

В качестве примера Армстронг предлагает нам рассмотреть какой-нибудь цветной предмет, допустим, это предмет синего цвета. Он считает, что восприятие представляет нам синеву как объективное свойство чего-то в мире и предлагает принять это³⁴¹. На этом шаге всё выглядит достаточно правдоподобно. Действительно, когда я смотрю на синий предмет, я скорее склонен считать, что быть синим — это его собственное свойство, а не привнесение моего восприятия. Далее Армстронг предлагает обратиться к тому, что о цвете и цветовом восприятии нам говорит наука. Научное объяснение включает в себя световые волны, взаимодействующие со сложной микроскопической структурой поверхности рассматриваемого нами предмета, отражающей световые волны в наши глаза. Армстронг предлагает отождествить свойство синевы, данное нам в восприятии, с теми свойствами, которые раскрывает нам физика³⁴². И вот с этим действительно довольно сложно согласиться. Не ясно, в каком смысле синий, который я вижу, мог бы хотя бы быть похожим на световые волны, воздействующие на микроскопическую структуру поверхности некоего предмета и отражённые в мои глаза. Сложно уловить, что в таком случае в принципе имеется в виду, поэтому совершенно не понятно, как мы могли бы отождествить их.

Здесь Армстронг так же как в случае своей первой теории тождества приводит некоторые соображения, которые должны показать, что эта идея не столь неправдоподобна, как может показаться на первый взгляд. Он предлагает аргумент от увеличения, суть которого заключается в следующем: мы знаем, что с большой дистанции детали какой-нибудь красиво украшенной постройки могут быть плохо различимы, они сливаются, и мы видим значительно более простую картину. Но по мере приближения мы начнём различать всё больше и больше деталей, и картина

³⁴⁰ Armstrong D. M. *Sketch for a Systematic Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 111.

³⁴¹ Ibid. P. 109.

³⁴² Ibid.

нашего восприятия заметно преобразится, в этом случае мы будем склонны считать, что она стала значительно более точной и правильной. Точно так же в случае приближения к некоторой равномерно окрашенной поверхности, сначала с помощью лупы, а затем и с помощью микроскопа мы будем видеть, как привычный однородный оттенок цвета растворится, открывая всё больше и больше микроскопических структур. Таким образом, увидеть действительную картину нам мешают ограничения нашего зрения, но такое увеличение доказывает, что, на самом деле, мы скорее имеем дело именно с этими структурами, а это уже как раз то, что и описывает физика. Хотя это и совершенно не похоже на то, что представляется глазу в обычных условиях.

В случае цветового восприятия этот аргумент действительно предаёт армстронговскому подходу несколько больше убедительности, но эту идею крайне сложно экстраполировать, например, на ощущение боли. Армстронг прямо пишет, что если бы мы могли предложить аналог такого увеличения для других ощущений, то другие вторичные качества были бы разобраны так же, как и цвет³⁴³. Но, во-первых, сложно с уверенностью говорить, что этот аргумент полностью решает проблему с отождествлением субъективного цветового восприятия с его научным, физическим, описанием. Во-вторых, проблема здесь, как кажется, даже не столько в отсутствии эмпирических фактов, позволяющих произвести такое увеличение, сколько в невозможности концептуального построения аналога такого увеличения, например, для всё той же боли. Что в таком случае следовало бы увеличивать? В каком смысле это было бы увеличением? Конечно, из непредставимости не следует невозможность, но это значительно понижает эпистемическую силу армстронговского аргумента.

Но главным основанием в пользу редукции квалиа Армстронг считает то, насколько странными предстают нередуцируемые квалиа. В случае отказа от редукции, они оказываются чем-то, что некоторым образом скоррелировано с определёнными физическими процессами. В таком случае, нужны законы, в

³⁴³ Ibid. P. 111.

соответствии с которыми эта корреляция будет соблюдаться. Возможность таких законов видится Армстронгу крайне маловероятной³⁴⁴. В этом сомнении он следует за Смартом, который обосновывал их несостоятельность следующим образом:

«Я не могу поверить, что подлинные (*ultimate*) законы природы могут связывать простые составляющие с конфигурациями, состоящими, возможно, из миллиардов нейронов (и бог знает скольких миллиардов миллиардов элементарных частиц), собранных вместе, как будто их главная цель в жизни — быть механизмом отрицательной обратной связи сложного вида. Такие законы не будут похожи ни на что известное науке до сих пор»³⁴⁵.

Проблема объяснения нередуцируемых квалиа в рамках научной картины мира также связана с их нефункциональной природой. На этом пути, как мне представляется, скрывается наиболее сильный аргумент Армстронга. Он обращает внимание на тот факт, что следующее контрфактическое предложение выглядит истинным: «Если бы квалиа не существовали, мир работал бы всё так же». Наш опыт может быть объяснён работой нашего материального мозга. Всю каузальную нагрузку несут физические свойства и законы. Это так, если мы согласны с широко распространённым и принимаемым многими тезисом каузальной замкнутости физического. В поддержку этой идеи я также могу предложить следующее независимое соображение: если бы в физической каузальной истории нашего мира существовали пробелы, то мир физически тождественный нашему, мог бы иметь другую каузальную историю, но миры с разной каузальной историей не могут быть физически тождественны — это противоречие. Квалиа в таком случае являются

³⁴⁴ Armstrong D. M. *Sketch for a Systematic Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 110.

³⁴⁵ Smart J. J. C. *Sensations and Brain Processes* // *Philosophical Review*. 1959. № 68. P. 141–156. P. 143.

эпифеноменальными. Но тогда не ясно, как мы могли бы узнать об их существовании.

Это версия аргумента разоблачения. Этот аргумент признаётся Чалмерсом, вероятно главным и самым значимым сторонником нередуцируемых квалиа наших дней, сильнейшим аргументом в пользу иллюзионизма³⁴⁶. Иллюзионизм — это позиция в философии сознания, согласно которой квалиа не существуют, хотя нам и кажется, что они всё же имеют место. Квалиа объявляются иллюзией³⁴⁷. Чтобы показать, что это действительно этот аргумент, я приведу его в том виде, в котором к нему обращается сам Чалмерс:

П1. Существует корректное объяснение наших убеждений о сознании, которое не зависит от сознания.

П2. Если существует корректное объяснение наших убеждений о сознании, которое не зависит от сознания, то эти убеждения не обоснованы.

Заключение. Наши убеждения о сознании³⁴⁸ не являются обоснованными³⁴⁹.

Несложно заметить, что первая посылка этого аргумента соответствует предложению «если бы квалиа не существовали, мир работал бы всё так же». Вторая посылка соответствует указанию на невозможность узнать о существовании эпифеноменальных сущностей.

Заключение этого аргумента не имплицитно подразумевает иллюзионизм напрямую, но оно может быть принято в качестве очень хорошего основания в пользу его истинности: если наши убеждения о существовании квалиа не обоснованы, то у нас

³⁴⁶ Chalmers D. Debunking Arguments for Illusionism about Consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2020. Vol. 27. № 5–6. P. 258–281. P. 278.

³⁴⁷ Frankish K. Illusionism as a Theory of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2016. Vol. 23. P. 11–39. P. 3.

³⁴⁸ В рамках этого аргумента под сознанием Чалмерс понимает феноменальное сознание, см. Chalmers D. Debunking Arguments for Illusionism about Consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2020. Vol. 27. № 5–6. P. 258–281. P. 260.

³⁴⁹ Chalmers D. Debunking Arguments for Illusionism about Consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2020. Vol. 27. № 5–6. P. 258–281. P. 262–263.

нет оснований верить, что мы ими обладаем, и в результате мы, вероятно, должны принять иллюзионизм.

Если мы не способны показать, как квалиа могут быть редуцированы к физическому, а в случае теории Армстронга это кажется справедливым, то иллюзионистская опция выглядит крайне привлекательно. Кроме того, аргумент от иллюзии, используемый им для придания большой правдоподобности отождествлению сознания и тела, может также быть прочитан как дополнительное основание в пользу иллюзионизма. Как уже упоминалось выше, этот аргумент имеет два следствия. Во-первых, он показывает, почему из того, что мы не способны что-то заметить или распознать, не следует, что это не так — это объясняет, как мы можем считать квалиа существующими в случае, когда, на самом деле, никаких квалиа нет. Во-вторых, он показывает, что даже если рассказать нам, как иллюзия устроена, наше восприятие может остаться по-прежнему ошибочным — это объясняет, почему тезис иллюзионизма может быть истинным, даже если мы никогда не сможем избавиться от иллюзии наличия квалиа.

Мы оказались в этой точке рассуждения, пытаясь установить, есть ли у теории Армстронга возможность дать такое объяснение квалиа, которое позволит ей одновременно утверждать логическую супервентность сознания на физическом и обойти аргумент представимости Чалмерса. Аргумент от иллюзии, используемый Армстронгом для повышения правдоподобности тезиса тождества сознания и тела и аргумент разоблачения, атакующий нередуцируемые квалиа, принятые вместе в качестве обоснования иллюзионизма — это именно такое объяснение.

Я не хочу утверждать, что иллюзионистское прочтение теории Армстронга является единственно возможным или единственно верным. Значимой альтернативой мне видится помещение этой теории в рамки подхода к проблеме сознания-тела, отстаиваемого Столджаром³⁵⁰. Но, как мне представляется, его программа имеет значительно меньше объяснительных ресурсов, чем

³⁵⁰ Stoljar D. Ignorance and Imagination: The Epistemic Origin of the Problem of Consciousness. New York, US: Oxford University Press USA., 2006.

иллюзионизм, поэтому я хотел бы предложить именно то прочтение, которое представлено выше.

Нужно признать, что принятие иллюзионизма в свою очередь создаёт уже другие трудности: в таком виде теория Армстронга должна дать ответ на проблему иллюзии, то есть объяснить, почему нам кажется, что наш опыт содержит квалиа³⁵¹. Это общая и, вероятно, главная проблема иллюзионистского проекта, но она видится мне значительно меньшей угрозой, чем те, которые обсуждаются мной выше. Что, конечно, не отменяет того факта, что она заслуживает отдельного и самого тщательного исследования.

§4 Проблема интенциональности

Позиция Дэвида Армстронга состоит в том, что интенциональность — фундаментальная способность ментальных состояний быть о чём-то — представляет собой глубоко загадочное явление, особенно в рамках физикализма. Он признаёт заслугу Франца Brentano³⁵², впервые поставившего понятие интенциональности в центр обсуждения, но отмечает, что англоязычному философскому сообществу потребовалось время, чтобы по-настоящему освоить это понятие. В конечном счёте именно интенциональность была признана центральной характеристикой того, что делает ментальные состояния ментальными. Армстронг, во многом следуя У. Г. Лайкану³⁵³, идёт дальше многих других философов и утверждает, что интенциональны все ментальные состояния. Этим свойством «быть о чём-то» обладают, по его мнению, не только такие когнитивные установки, как убеждение или желание, но и восприятие, интроспекция и другие ментальные явления. Принять этот более широкий тезис —

³⁵¹ Frankish K. Illusionism as a Theory of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2016. Vol. 23. P. 11–39. P. 13.

³⁵² Brentano F. Psychology from an Empirical Standpoint. Edited by Oskar Kraus. English edition edited by Linda L. McAlister. With a new introduction by Peter Simons. Translated by Antos C. Rancurello, D. B. Terrell, and Linda L. McAlister. 2nd ed. London: Routledge, 2012. Originally published 1874.

³⁵³ Армстронг не указывает конкретной работы Лайкана, а ссылается на его работы в целом; см., напр.: Lycan W. G. On «Intentionality» and the Psychological. // Intentionality, Mind and Language, edited by Ausonio Marras. Urbana: University of Illinois Press, 1972. P. 97–111

значит признать, что интенциональность пронизывает всю ментальную жизнь, а не ограничивается узким кругом состояний³⁵⁴.

Однако такой подход сразу порождает серьёзное философское напряжение. Интенциональность позволяет ментальным состояниям быть направленными на объекты, события или положения дел, которые могут вовсе не существовать. Особенно наглядно это видно на примере убеждений: можно быть убеждённым, что нечто произойдёт завтра или что нечто имело место в прошлом, и при этом полностью ошибаться. Даже восприятия, которые часто считаются более непосредственно связанными с реальным миром, могут быть иллюзорными и сообщать о действительности то, что ей не соответствует. Армстронг распространяет это рассуждение и на интроспективные состояния, тем самым ставя под вопрос картезианское представление о несомненности интроспекции. Во всех этих случаях общее одно: интенциональная направленность сознания может не достигать своей цели. Согласно Армстронгу, интенциональность не гарантирует истинности: направленность ума может быть ошибочной, а его «о-чёмность» — соотнесённой с несуществующими или неверно понятыми объектами³⁵⁵.

Армстронг признаёт, что именно эта черта интенциональности — способность сознания ошибаться — затрудняет всякую попытку встроить её в физикалистскую онтологию. Физикалистские теории обычно стремятся объяснять конкретные, актуально существующие явления. Но как объяснить феномен, который постоянно выходит за пределы наличной реальности? В ответ на эту трудность Армстронг предлагает аналогию: интенциональность следует рассматривать как нечто сходное с диспозицией. Этот ход тонок и требует внимательного анализа. Подобно тому как хрупкое стекло обладает диспозицией разбиться, даже если оно никогда не разобьётся, ментальное состояние может обладать направленностью на некоторый объект или цель, даже если предполагаемый объект никогда не окажется реальным. С этой точки зрения

³⁵⁴ Armstrong D. M. *Sketch for a Systematic Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 113.

³⁵⁵ Ibid. P. 113–114.

убеждение, что «сегодня пойдёт дождь», можно понимать как диспозиционное состояние сознания, соотнесённое с дождём. Даже если дождя не будет, интенциональная структура сознания остаётся прежней, гипотетически указывая на положение дел, которое так и не осуществится³⁵⁶.

Эта аналогия — не случайное замечание, а стратегически важный философский ход. Диспозиции в физическом мире достаточно хорошо понятны и не кажутся чем-то особенно таинственным. Мы рассматриваем их как естественные свойства: например, хрупкость стекла объясняется его молекулярной структурой. Подводя интенциональность под такую концептуальную схему, Армстронг пытается натурализовать явление, которое нередко считают нередуцируемо ментальным или нефизическим. Однако он прямо признаёт, что эта аналогия, при всей её полезности, не образует завершённой теории. Она не доказывает, что интенциональность есть не более чем диспозиция; она лишь намечает способ понять, каким образом интенциональность может не зависеть от фактического наличия внешних объектов³⁵⁷.

Армстронг углубляет эту попытку натурализации, возвращаясь к своей ранней работе, в которой он предложил концепцию «причинной цепи» для объяснения интенциональности восприятия³⁵⁸. Предположим, организм способен различать разные стимулы — например, цвета — и по-разному действовать в зависимости от того, что он воспринимает. Армстронг утверждает, что способность распознавать «синий как синий» можно рассматривать как примитивную форму интенциональности. Внешняя среда воздействует на сенсорный аппарат организма, а дифференцированные реакции организма, в свою очередь, зависят от внутреннего процесса, который фактически репрезентирует различие между синими и не-синими стимулами. Если принять этот тезис, то даже простейшие формы жизни

³⁵⁶ Ibid.

³⁵⁷ Ibid.

³⁵⁸ Armstrong D. M. A Materialist Theory of The Mind. Revised edition. London: Routledge, 1993. P. 260–265.

или механические системы, осуществляющие избирательное различение, будут демонстрировать зачаточную форму интенциональности³⁵⁹.

Тем не менее Армстронг далёк от наивного оптимизма. Он открыто признаёт серьёзную слабость этого подхода: простая сортировочная машина тоже способна различать входные данные, например синие и красные объекты, но это само по себе не побуждает нас приписывать ей интенциональную ментальную жизнь. Здесь возникает серьёзное затруднение: если одной лишь способности к различению достаточно, чтобы говорить о чём-то вроде «примитивной интенциональности», то интенциональность рискует оказаться слишком широко распространённой. Тем самым позиция Армстронга сталкивается с необходимостью удержать тонкое равновесие. Он стремится показать, как интенциональность может быть натурализована, не превращаясь ни в тривиальность, ни в простую механическую сортировку. Между тем человек способен мыслить об Аристотеле, размышлять о несуществующих сущностях и иметь дело с абстрактными понятиями. Такие сложные интенциональные объекты далеко выходят за пределы непосредственного окружения и не могут быть объяснены простыми причинными цепями, связывающими стимул и реакцию. Хотя Армстронг, как ему представляется, может описать, каким образом интенциональность возникает в простых случаях, объяснение того, как она охватывает широкий и открытый диапазон человеческой мысли — от отсылок к далёкому прошлому до полностью вымышленных миров и сложных научных теорий, — остаётся неясным. Чем яснее становится глубина и широта того, о чём может быть сознание, тем труднее оказывается удовлетворительно связать интенциональность с какой-либо простой физикалистской моделью. Аналогия с диспозициями и введение причинных цепей помогают прояснить проблему, но не решают её³⁶⁰.

В поздних работах Армстронг подчёркивает собственную неуверенность в возможности окончательного решения этой проблемы. Он не утверждает, что

³⁵⁹ Armstrong D. M. *Sketch for a Systematic Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 114.

³⁶⁰ Ibid.

сумел её разрешить или опровергнуть мысль о том, что интенциональность может быть нередуцируемой. Наряду с проблемой квалиа — субъективных феноменальных переживаний, которые также бросают вызов физикалистским объяснениям, — интенциональность остаётся одним из главных концептуальных препятствий. Хотя Армстронг предложил ряд значимых концептуальных шагов — от сближения интенциональности с диспозициями до анализа восприятия в терминах причинной цепи, — окончательное решение по-прежнему не найдено.

Таким образом, позицию Армстронга можно рассматривать как предварительную стратегию и одновременно как приглашение к дальнейшему исследованию. Она побуждает продолжать анализ того, могут ли уточнения модели причинной цепи или новые теоретические подходы преодолеть разрыв между сложной человеческой интенциональностью и базовыми формами различения. Вместе с тем она оставляет открытым вопрос о том, не окажутся ли некоторые аспекты интенциональности принципиально устойчивыми к физикалистскому объяснению, сохраняя за собой статус одной из постоянных загадок философии сознания.

Заключение

Дэвид Малет Армстронг — один из крупнейших философов в истории Австралии, а также один из наиболее влиятельных метафизиков XX века. Метафизический проект Армстронга по-настоящему огромен: он охватывает проблему универсалий, законы природы, причинность, модальность, истину, сознание и целый ряд других фундаментальных тем. При этом метафизика Армстронга претендует на систематичность: различные части его философии должны не просто сосуществовать, но поддерживать друг друга и складываться в единую картину мира. Целью моего исследования была реконструкция и критическое осмысление этой системы, выявление её внутренней логики и анализ связей между различными частями метафизического проекта Армстронга. Итак, подведём итоги данного исследования.

В первой главе был рассмотрен жизненный и интеллектуальный путь Армстронга, а также реконструирован тот историко-философский контекст, в котором формировались его взгляды. Это позволило точнее определить исходные установки его зрелой метафизики и показать, что многие центральные мотивы его позднего проекта — натурализм, реализм, онтология положений дел, интерес к универсалиям, законам природы и сознанию — имеют вполне определённую генеалогию. Важнейшее значение здесь имеет линия Александер — Андерсон, усвоенная Армстронгом и позднее существенно переработанная им в собственном метафизическом проекте.

Первая задача исследования решалась во второй главе и состояла в том, чтобы определить, какого рода сущности и в каком статусе существуют с точки зрения онтологии Дэвида Армстронга. В связи с физикалистской ориентацией его проекта можно было бы ожидать, что такая онтология окажется сравнительно бедной и будет тяготеть к номинализму или элиминативизму. Однако в действительности онтология Армстронга значительно богаче. Армстронг является реалистом в отношении универсалий, реалистом в отношении законов природы и в целом строит свою систему вокруг тезиса о том, что мир представляет собой пространственно-временную систему положений дел. При этом партикулярии и

универсалии не вводятся им как особый трансцендентный слой сущего: они понимаются как компоненты положений дел или как абстракции от них. Именно это и позволяет Армстронгу сочетать онтологическую насыщенность своей метафизики с натуралистической и физикалистской рамкой.

Вторая задача также решалась во второй главе и состояла в том, чтобы определить, какую роль в метафизическом проекте Армстронга играет теория факторов истинности. Анализ показал, что речь идёт не о частной доктрине внутри теории истины, а об одном из центральных узлов всей системы. Именно максималистская теория факторов истинности позволяет Армстронгу встроить в натуралистическую картину мира обсуждение трудных случаев истинности и тем самым по-особому подойти к вопросу об абстрактных объектах. Вместе с тем разбор негативных, общих и модальных истин показывает, что это решение достигается не без серьёзных издержек. Армстронговская апелляция к фактам полноты и к принципу следования позволяет ему продвинуться в решении этих трудностей, но не гарантирует той онтологической экономии, на которую его проект первоначально претендует. Особенно ясно это видно в случае негативных и общих истин, где цена такого решения оказывается значительно выше, чем это может показаться на первый взгляд.

Третья задача, также завершаемая во второй главе, заключалась в реконструкции и критической оценке модальной метафизики Дэвида Армстронга. Армстронг выступает как один из наиболее последовательных представителей комбинаториализма: возможные миры понимаются им как комбинации элементов актуального мира, а сама модальность должна быть объяснена без обращения к онтологически самостоятельным возможным мирам. Существенное достоинство этого подхода состоит в том, что он позволяет натурализовать модальность и избежать постулирования особых каузально изолированных сущностей. Однако анализ показывает, что комбинаторная теория Армстронга сталкивается с серьёзными трудностями. Комбинаторные миры, понимаемые через направленную достижимость, не могут без дополнительных ходов выступать полноценным аппаратом для модальности, если требуется сохранить устойчивость

контингентности. Кроме того, сама теория зависит от сильных допущений о рекомбинации, о характере допустимых свойств и отношений и о пределах модального пространства. В итоге комбинаторная теория Армстронга предстаёт как концептуально цельная и методологически амбициозная попытка натурализовать модальность, достигающая значительной объяснительной силы ценой весьма высоких онтологических и эпистемологических обязательств.

Третья глава исследования была посвящена решению четвёртой задачи — прояснению связи теории причинности Армстронга с его теорией законов природы. Эта связь может быть выражена следующим образом: каждый случай единичной причинности понимается как инстанциация некоторого закона природы. Тем самым Армстронг получает возможность отстаивать реалистическую теорию причинности, не превращая причинную связь в абсолютно неанализируемую онтологическую данность. Законы природы в его системе выступают не как простые регулярности и не как элементы лучшей систематизации, а как реальные отношения между универсалиями; именно они и обеспечивают метафизический фундамент причинности. В каузальных случаях инстанциации законов и случаи единичной причинности трактуются как тождественные друг другу. Это позволяет увидеть, что теория законов природы у Армстронга не просто соседствует с теорией причинности, а образует с ней единый теоретический узел.

Последняя задача решалась в четвёртой главе и состояла в реконструкции теории сознания Дэвида Армстронга в свете его материалистических установок. Армстронг предлагает двухчастную конструкцию: сначала — концептуальный анализ ментальных состояний и процессов в терминах их каузальной роли, затем — контингентное отождествление токенов этих состояний и процессов с состояниями и процессами центральной нервной системы. Такой подход хорошо встраивается в его физикалистскую рамку, но вместе с тем обнаруживает существенные слабые места. Прежде всего, контингентное тождество сознания и тела сохраняет логическую возможность феноменальных зомби и тем самым оставляет открытым путь к дуалистическому прочтению. Кроме того, серьёзную трудность представляет проблема квалиа. В связи с этим в работе было показано,

что в этом пункте армстронговский проект целесообразно модифицировать: отказаться от опоры на контингентное тождество в пользу супервентностного решения и дополнить это решение иллюзионистским прочтением проблемы квалиа. В таком виде теория сознания Армстронга оказывается значительно лучше согласованной с физикалистским ядром всей его метафизики.

Таким образом, все поставленные во введении задачи были решены. Во второй главе был реконструирован онтологический каркас метафизики Армстронга, определена роль теории факторов истинности и проанализирована его модальная метафизика. В третьей главе была прояснена внутренняя связь между причинностью и законами природы. В четвёртой главе была реконструирована и критически доработана теория сознания Армстронга. Благодаря этому была достигнута и общая цель исследования — реконструкция и критическое осмысление метафизического проекта Дэвида Армстронга как целостной философской системы.

Отдельно следует отметить значение Армстронга для так называемого метафизического поворота в аналитической философии второй половины XX века. Армстронг был не просто участником отдельных дискуссий об универсалиях, законах природы, модальности или сознании. Его значение состояло в другом: он оказался одной из ключевых фигур возвращения к крупной, онтологически нагруженной и систематической метафизике после периода, когда в аналитической философии доминировали лингвистические и антиметафизические установки. Именно у Армстронга мы видим редкое для этого периода соединение нескольких черт сразу: готовность строить общую онтологическую схему, стремление увязать между собой разные метафизические проблемы, опору на научную картину мира и при этом отказ сводить метафизику к анализу языка или к чисто методологическим комментариям. Поэтому влияние Армстронга выражается не только в том, что его конкретные тезисы стали постоянными точками отсчёта в спорах о свойствах, законах, истине и возможных мирах, но и в том, что сама фигура систематического метафизика вновь стала в аналитической философии теоретически легитимной. В этом смысле Армстронг был не просто заметным автором внутри уже

состоявшегося метафизического поворота, но одним из тех философов, чья работа этот поворот в значительной степени и закрепила³⁶¹.

Метафизический проект Армстронга остаётся открыт для дальнейшего, более детального исследования, чем это возможно в рамках одной диссертации. Тем не менее проведённая работа позволяет сделать главный вывод: метафизика Армстронга представляет собой одну из наиболее цельных, амбициозных и философски значимых натуралистических систем в аналитической философии второй половины XX века, а потому её историко-философское изучение сохраняет не только исторический, но и непосредственный теоретический интерес.

³⁶¹ Campbell K. D. M. *Armstrong and the Recovery of Ontology // Categories of Being: Essays on Metaphysics and Logic* / ed. by L. Haaparanta, H. J. Koskinen. New York: Oxford University Press, 2012. P. 420–438.

Список литературы

На русском языке

1. Блохина Н. А. Онтология Дэвида Армстронга и Аристотеля: незеркальное отражение // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2014. № 4. С. 65–82.
2. Васильев В. В. Д. М. Армстронг и новейшая философия сознания // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2005. № 5. С. 78.
3. Васильев В. В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.
4. Грязнов А. Ф. Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006. 375 с.
5. Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями. Диоптрика, метеоры, геометрия. Москва: АН СССР, 1953. 584 с.
6. Деннетт Д. Насосы интуиции и другие инструменты мышления. Москва: АСТ: CORPUS, 2019. 576 с.
7. Дмитриев Т. А. Нельсон Гудмен, Уиллард Куайн. М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. 376 с.
8. Дубровский Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Стратегия-Центр, 2007. 272 с.
9. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. Кн. 1–2 / пер. Н. О. Лосского; новая ред. перевода, коммент. Н. В. Мотрошиловой; под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга, Т. Б. Длугач, У. Фогеля. М.: Наука, 2001
10. Лакс М. Дж., Крисп Т. М. Метафизика: современное введение / пер. с англ. М. В. Семиколенных; под науч. ред. С. М. Левина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 328 с.
11. Лебедев М. В. и др. Аналитическая философия. М.: РУДН, 2006. 621 с.
12. Левин Г. Д. Проблема универсалий. Современный взгляд. М.: Канон+, 2005. 224 с.

13. Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. Т. 3 / ред. и сост. Г. Г. Майоров, А. Л. Субботин; пер. Я. М. Боровского и др. М.: Мысль, 1984. 734 с.
14. Макеева Л. Б. Философия Х. Патнэма. М.: Институт философии РАН, 1996. 189 с.
15. Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с англ. под ред. В. Н. Ивановского. М.: ЛЕНАНД, 2011. 832 с.
16. Никифоров А. Л. История и философия науки. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2008. 176 с.
17. Никоненко С. В. Английская философия XX века. СПб.: Наука, 2003. 776 с.
18. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999.
19. Порус В. Н. Рациональность. Наука. Культура. М.: Университет Российской Академии образования, 2002. 351 с.
20. Райл Г. Понятие сознания / пер. с англ.; общ. науч. ред. В. П. Филатова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 408 с.
21. Рассел Б. Проблемы философии. М.: Наука, 2001. 256 с.
22. Самсонов В. А. Ньютона законы механики // Большая российская энциклопедия. Т. 23. М., 2013. С. 435.
23. Самуков Д. С. Концепция законов природы Дэвида Армстронга // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2021. № 2. С. 182–186.
24. Селларс У. Эмпиризм и философия сознания / пер. с англ. Г. С. Рогоняна. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 218 с.
25. Собанцев А. А. Положения дел как факторы истинности в онтологии Д. Армстронга // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. 2010. Т. 4. № 83. С. 186–194.

- 26.Тарасенко Т. Н. Апостериорный реализм Дэвида Армстронга // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2025. Т. 49. № 2. С. 21–35.
- 27.Тарасенко Т. Н. Иллюзионистское прочтение теории сознания Дэвида Армстронга // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2024. Т. 48. № 1. С. 58–75.
- 28.Тарасенко Т. Н. Номологический реализм Дэвида Армстронга // Философский журнал. 2023. Т. 16. № 3. С. 103–117.
- 29.Тарасенко Т. Н. Прологомены к метафизике возможных миров // Финиковый Компот. 2025. № 20. С. 4–104.
- 30.Тарасенко Т. Н. Теория факторов истинности Дэвида Армстронга // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 82-90.
- 31.Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992.
- 32.Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. Москва: URSS, 2013. 509 с.
- 33.Черняк А. З., Лебедев М. А. Онтологические проблемы референции. М.: Праксис, 2001. 342 с.
- 34.Юлина Н. С. Очерки по современной философии сознания. М.: Канон+, 2014. 407 с.
- 35.Юлина Н. С. Проблема метафизики в американской философии XX века: критический очерк эмпирико-позитивистских течений. М.: Наука, 1978. 296 с.

На английском языке

- 36.Alexander S. Space, Time, and Deity. 2 vols. London: Macmillan, 1920.
- 37.Anderson J. Empiricism // Australasian Journal of Psychology and Philosophy. 1927. Vol. 5. No. 4. P. 241–254.
- 38.Anstey P. R., Braddon-Mitchell D. Armstrong's Materialist Theory of Mind. Oxford: Oxford University Press, 2022. 278 p.

- 39.Armenteros Fernandez M. Experiential Metaphysics: Reality, Language and Mind as Explored through Galen Strawson and Noam Chomsky. PhD diss. Universidad Pontificia Comillas, 2020.
- 40.Armstrong D. M. A Combinatorial Theory of Possibility. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 156 p.
- 41.Armstrong D. M. A Materialist Theory of the Mind. London: Routledge & Kegan Paul, 1968. 372 p.
- 42.Armstrong D. M. A Materialist Theory of the Mind. Revised edition. London: Routledge, 1993. 400 p.
- 43.Armstrong D. M. A World of States of Affairs. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 285 p.
- 44.Armstrong D. M. Belief, Truth and Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 228 p.
- 45.Armstrong D. M. Going through the Open Door Again: Counterfactual versus Singularist Theories of Causation // Reality and Humean Supervenience: Essays on the Philosophy of David Lewis / ed. by G. Preyer, F. Siebelt. Lanham; Boulder; New York; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. P. 163–176.
- 46.Armstrong D. M. Identity Through Time // van Inwagen P. (ed.) Time and Cause: Essays Presented to Richard Taylor. Dordrecht: D. D. Reidel, 1980. P. 67–78.
- 47.Armstrong D. M. Introduction // Anderson J. Space, Time and the Categories: Lectures on Metaphysics 1949-50 / ed. by C. Cole; introd. by D. M. Armstrong. Sydney: Sydney University Press, 2007. P. ix-xi.
- 48.Armstrong D. M. Naturalism, Materialism, and First Philosophy // Philosophia. 1978. Vol. 8. No. 2–3. P. 261–276.
- 49.Armstrong D. M. Perception and the Physical World. London: Routledge & Kegan Paul, 1961. 196 p.
- 50.Armstrong D. M. Reply to Simons and Mumford // Australasian Journal of Philosophy. 2005. Vol. 83. No. 3. P. 271–276.
- 51.Armstrong D. M. Self-Profile // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 3-51.

52. Armstrong D. M. *Sketch for a Systematic Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 128 p.
53. Armstrong D. M. *The Headless Woman Illusion and the Defence of Materialism // Analysis*. 1968. No. 29. P. 48-49.
54. Armstrong D. M. *The Mind-Body Problem: An Opinionated Introduction*. Boulder, CO: Westview Press, 1999. 184 p.
55. Armstrong D. M. *The Nature of Mind and Other Essays*. St Lucia, Qld: University of Queensland Press, 1980. 175 p.
56. Armstrong D. M. *The Nature of Tradition // Liberty and Politics: Studies in Social Theory* / ed. by O. Harries. Sydney: Workers' Educational Association of N.S.W.; Pergamon Press (Australia), 1976. P. 7-19.
57. Armstrong D. M. *The Open Door: Counterfactual Versus Singularist Theories of Causation // Causation and Laws of Nature* / ed. by H. Sankey. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1999. P. 175-185.
58. Armstrong D. M. *The Scope and Limits of Human Knowledge // Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 159-166.
59. Armstrong D. M. *Truth and Truthmakers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 158 p.
60. Armstrong D. M. *Universals and Scientific Realism*. Vol. 1: Nominalism and Realism. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 164 p.
61. Armstrong D. M. *Universals and Scientific Realism*. Vol. 2: A Theory of Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 200 p.
62. Armstrong D. M. *Universals: An Opinionated Introduction*. Boulder, CO: Westview Press, 1989. 148 p.
63. Armstrong D. M. *What Is a Law of Nature?* Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 180 p.
64. Aune B. *Armstrong on Universals and Particulars // D. M. Armstrong* / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 161-169.
65. Baier K. *Pains // Australasian Journal of Philosophy*. 1962. Vol. 40. No. 1. P. 1-23.

66. Beebe H., *Causing and Nothingness // Causation and Counterfactuals* / ed. by J. Collins, N. Hall, L. A. Paul. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. P. 291–308.
67. Berkeley G. *An Essay towards a New Theory of Vision (1709) // Berkeley: Philosophical Writings* / ed. by D. M. Clarke. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
68. Berkeley G. *Berkeley's Philosophical Writings* / ed. with an introd. by D. M. Armstrong. New York: Collier Books, 1965. 384 p.
69. Bogdan R. J. *D. M. Armstrong* / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: D. Reidel, 1984. 305 p.
70. Brentano F. *Psychology from an Empirical Standpoint*. Edited by Oskar Kraus. English edition edited by Linda L. McAlister. With a new introduction by Peter Simons. Translated by Antos C. Rancurello, D. B. Terrell, and Linda L. McAlister. 2nd ed. London: Routledge, 2012. Originally published 1874. 448 p.
71. Butler, J. *The Analogy of Religion, to the Constitution and Course of Nature: To Which Are Added Two Brief Dissertations: I. On Personal Identity.-II. On the Nature of Virtue*. With an introduction, notes, conspectus, and ample index, by Howard Malcom. 17th ed. Philadelphia: J. B. Lippincott & Co., 1873. 360 p.
72. Campbell K. *D. M. Armstrong and the Recovery of Ontology // Categories of Being: Essays on Metaphysics and Logic* / ed. by L. Haaparanta, H. J. Koskinen. New York: Oxford University Press, 2012. P. 420–438.
73. Campbell K. *David Malet Armstrong (8 July 1926 – 13 May 2014) // Australasian Journal of Philosophy*. 2014. Vol. 92. No. 3. P. 617–618.
74. Carroll J. W. *Laws of Nature // The Stanford* Encyclopedia of Philosophy*. Winter 2020 Edition / ed. by E. N. Zalta. URL: <https://plato.sydney.edu.au/archives/win2020/entries/laws-of-nature/> (accessed: 20.01.2026).
75. Carroll J. W. *The Humean Tradition // The Philosophical Review*. 1990. Vol. 99. No. 2. P. 185–219.
76. Chalmers D. *Debunking Arguments for Illusionism about Consciousness // Journal of Consciousness Studies*. 2020. Vol. 27. No. 5-6. P. 258-281.

77. Cheyne C., Pigden C. Negative Truths from Positive Facts // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 249-266.
78. Dowe P. Good Connections: Causation and Causal Processes // *Causation and Laws of Nature* / ed. by H. Sankey. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1999.
79. Dowe P. *Physical Causation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 224 p.
80. Dretske F. Laws of Nature // *Philosophy of Science*. 1977. Vol. 44. No. 2. P. 248–268.
81. Earman J. Laws of Nature: The Empiricist Challenge // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 191-223.
82. Edmonds, David. *Parfit: A Philosopher and His Mission to Save Morality*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2023. 408 p.
83. Efird D., Stoneham T. Combinatorialism and the Possibility of Nothing // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 269-280.
84. Exeter College. *Register 2006*. Oxford: Exeter College, 2006. 84 p.
85. Fales E. Are Causal Laws Contingent? // *Ontology, Causality and Mind: Essays in Honour of D. M. Armstrong* / ed. by J. Bacon, K. Campbell, L. Reinhardt. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 121–144.
86. Fales E. *Causation and Universals*. London: Routledge, 1990. 384 p.
87. Feigl H. The «Mental» and the «Physical» // *Concepts, Theories, and the Mind-Body Problem* / ed. by H. Feigl, M. Scriven, G. Maxwell. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1958.
88. Fisher A. R. J. Samuel Alexander's Theory of Categories // *The Monist*. 2015. Vol. 98. No. 3. P. 246–267.
89. Forrest P. The Operator Theory of Instantiation // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 213-228.
90. Foster J. In *Self-Defence // Perception and Identity* / ed. by G. F. Macdonald. London: Macmillan, 1979.

91. Frankish K. Illusionism as a Theory of Consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 2016. Vol. 23. P. 11-39.
92. Franklin J. D. M. Armstrong, Sydney's Most Influential Philosopher: Life and Work // *The Sydney Realist*. No. 41. 2020. P. 4.
93. Franklin J. John Anderson // Zalta E. N. (ed.) *The Stanford* Encyclopedia of Philosophy*. Fall 2020 Edition. URL:
<https://plato.sydney.edu.au/archives/fall2020/entries/anderson-john/> (accessed: 20.01.2026).
94. Friesen L. Natural Classes of Universals: Why Armstrong's Analysis Fails // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 285-296.
95. Gallow J. D. The Metaphysics of Causation // *The Stanford* Encyclopedia of Philosophy*. Fall 2022 Edition / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. URL:
<https://plato.sydney.edu.au/archives/fall2022/entries/causation-metaphysics/> (accessed: 20.01.2026).
96. Geach P. T. *Reference and Generality*. Ithaca and London: Cornell University Press., 1980. 231 p.
97. Gifford Lectures. Robert Ranulph Marett. URL:
<https://www.giffordlectures.org/speaker/robert-ranulph-marett> (accessed: 20.01.2026).
98. Goodman N. The Problem of Counterfactual Conditionals // *The Journal of Philosophy*. 1947. Vol. 44. No. 5. P. 113–128.
99. Hall N. Two Concepts of Causation // *Causation and Counterfactuals* / ed. by J. Collins, N. Hall, L. A. Paul. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. P. 225–276.
100. Halpern J. Y., Pearl J. Causes and Explanations: A Structural-Model Approach. Part I: Causes // *The British Journal for the Philosophy of Science*. 2005. Vol. 56. No. 4. P. 843–887.
101. Heathcote A., Armstrong D. M. Causes and Laws // *Noûs*. 1991. Vol. 25. No. 1. P. 63–73.

102. Heil J. The Legacy of Linguisticism // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 233-244.
103. History of Liberation // Government of Jersey. URL: <https://www.gov.je/Leisure/Liberation/pages/liberationhistory.aspx> (accessed: 20.01.2026).
104. Hitchcock C. Farewell to Binary Causation // *Canadian Journal of Philosophy*. 1996. Vol. 26. No. 2. P. 267–282
105. Hume D. *A Treatise of Human Nature*. Vol. 1: Texts / ed. by D. F. Norton, M. J. Norton. Oxford: Clarendon Press, 2007. 448 p.
106. Hume D. *An Enquiry Concerning Human Understanding*. New York: Oxford University Press, 1999. 304 p.
107. Hájek A. Interpretations of Probability // *The Stanford* Encyclopedia of Philosophy*. Fall 2019 Edition / ed. by E. N. Zalta. URL: <https://plato.sydney.edu.au/archives/fall2019/entries/probability-interpret/> (accessed: 20.01.2026).
108. Jackman A. The Division of Philosophy at the University of Sydney: investigating the causes of departmental animosity and the motives of Professor David Armstrong in the Flanagan dispute // *The University Archives: Record* 2017. Sydney: University of Sydney, 2017.
109. Kim J. *Physicalism, or Something Near Enough*. Princeton: Princeton University Press, 2005. 186 p.
110. Kim J. Possible Worlds and Armstrong's Combinatorialism // *Canadian Journal of Philosophy*. 1986. Vol. 16. No. 4. P. 595–612.
111. Kripke S. A. A Completeness Theorem in Modal Logic // *The Journal of Symbolic Logic*. 1959. Vol. 24. No. 1. P. 1–14.
112. Kripke S. A. Identity and Necessity // *Identity and Individuation* / ed. by M. K. Munitz. New York: New York University Press, 1971. P. 135–164.
113. Kripke S. A. Semantical Considerations on Modal Logic // *Acta Philosophica Fennica*. 1963. Vol. 16. P. 83–94.

114. Kripke S. A. Naming and Necessity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. 172 p.
115. Levin M. E. Metaphysics and the Mind-Body Problem, Oxford: Clarendon Press, 1979. 278 p.
116. Lewis D. An Argument for the Identity Theory // Journal of Philosophy. 1966. No. 63. P. 17-25.
117. Lewis D. Causation // The Journal of Philosophy. 1973. Vol. 70. No. 17. P. 556–567.
118. Lewis D. Counterfactuals. Cambridge: Harvard University Press, 1973. 150 p.
119. Lewis D. Humean Supervenience Debugged // Mind. 1994. Vol. 103. No. 412. P. 473–490.
120. Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 276 p.
121. Lewis D. Postscripts to «Causation» // Lewis D. Philosophical Papers. Vol. II. New York: Oxford University Press, 1986. P. 159–213.
122. Lycan W. G. Armstrong's Theory of Knowing // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 139-160.
123. Lycan W. G. On «Intentionality» and the Psychological // Intentionality, Mind and Language / ed. by A. Marras. Urbana: University of Illinois Press, 1972. P. 97–111.
124. MacBride F. The Particular-Universal Distinction: A Dogma of Metaphysics // Mind. 2005. No. 114. P. 565-614.
125. Mackie J. L. Causes and Conditions // American Philosophical Quarterly. 1965. Vol. 2. No. 4. P. 245–264.
126. Mackie J. L. The Cement of the Universe: A Study of Causation. Oxford: Clarendon Press, 1974. 329 p.
127. Magalhaes E. Armstrong on the Spatio-Temporality of Universals // Australasian Journal of Philosophy. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 301-308.

128. Maitland F. W. *The Constitutional History of England: A Course of Lectures Delivered by F. W. Maitland* / ed. by H. A. L. Fisher. Cambridge: Cambridge University Press, 1919. 548 p.
129. McKenna M. Clark, Charles Manning (1915–1991) // *Australian Dictionary of Biography*. Vol. 19. Canberra: Australian National University, 2021. URL: <https://adb.anu.edu.au/biography/clark-charles-manning-225/text29719> (accessed: 20.01.2026).
130. McLaughlin B., Bennett K. Supervenience // *The Stanford* Encyclopedia of Philosophy*. Winter 2023 Edition / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.sydney.edu.au/archives/win2023/entries/supervenience/> (accessed: 20.01.2026).
131. Mellor D.H., *The Facts of Causation*, London: Routledge, 1995. 251 p.
132. Menzel C. Possible Worlds // *The Stanford* Encyclopedia of Philosophy*. Fall 2025 Edition / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.sydney.edu.au/archives/fall2025/entries/possible-worlds/> (accessed: 20.01.2026).
133. Mumford S. *David Armstrong*. Stocksfield: Acumen Publishing, 2007. 206 p.
134. Mumford S. *Laws in Nature*. London: Routledge, 2004. 230 p.
135. Norton J. D. Causation as Folk Science // *Philosophers' Imprint*. 2003. Vol. 3. No. 4. P. 1–22.
136. Oakeshott M. On Being Conservative // *Rationalism in Politics and Other Essays*. New and expanded ed. Indianapolis: Liberty Fund, 1991. P. 407–437.
137. Oakeshott M. *The Politics of Faith and the Politics of Scepticism* / ed. by T. Fuller. New Haven; London: Yale University** Press, 1996. 139 p.
138. Owen G. E. L. Gilbert Ryle // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1977. Vol. 77. No. 1. P. 265–270.
139. Peirce C. S. *Prolegomena to an Apology for Pragmatism* // *The Monist*. 1906. Vol. 16. P. 492–546.

140. Perovic K. Bradley's Regress // The Stanford* Encyclopedia of Philosophy. Winter 2017 Edition / ed. by E. N. Zalta. URL: <https://plato.sydney.edu.au/archives/win2017/entries/bradley-regress/> (accessed: 20.01.2026).
141. Place U. T. Is Consciousness a Brain Process? // British Journal of Psychology. 1956. Vol. 47. No. 1. P. 44–50.
142. Popper K. R. The Logic of Scientific Discovery. London: Hutchinson, 1959. 480 p.
143. Ramsey F. Foundations. London: Routledge and Kegan Paul, 1978. 287 p.
144. Ramsey F. P. General Propositions and Causality // Ramsey F. P. Philosophical Papers / ed. by D. H. Mellor. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 145–163.
145. Ramsey F. P. The Foundations of Mathematics. London: Taylor & Francis, 2013.
146. Rissler J. D. Does Armstrong Need States of Affairs? // Australasian Journal of Philosophy. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 193-212.
147. Rodriguez-Pereyra G. The Identity of Indiscernibles // The Stanford* Encyclopedia of Philosophy. Summer 2025 Edition / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.sydney.edu.au/archives/sum2025/entries/identity-indiscernible/> (accessed: 20.01.2026).
148. Rosenthal D. M. Armstrong's Causal Theory of Mind // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 79-120.
149. Russell B. On the Notion of Cause // Proceedings of the Aristotelian Society. 1913. Vol. 13. P. 1–26.
150. Ryle G. The Concept of Mind. London: Hutchinson, 1949. 334 p.
151. Sanford D. H. Armstrong's Theory of Perception // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 55-78.
152. Sears J. S. Armstrong, John Malet (Jock) (1900–1988) // Australian Dictionary of Biography. URL: <https://adb.anu.edu.au/biography/armstrong-john-malet-jock-12147> (accessed: 20.01.2026).

153. Schaffer J. Contrastive Causation // *The Philosophical Review*. 2005. Vol. 114. No. 3. P. 327–358.
154. Shoemaker S. Causal and Metaphysical Necessity // *Pacific Philosophical Quarterly*. 1998. Vol. 79. No. 1. P. 59–77.
155. Shoemaker S. *Causality and Properties* // *Time and Cause: Essays Presented to Richard Taylor* / ed. by P. van Inwagen. Dordrecht: D. D. Reidel, 1980. P. 109–135.
156. Smart J. J. C. Metaphysical Illusions // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 167–175.
157. Smart J. J. C. Sensations and Brain Processes // *The Philosophical Review*. 1959. Vol. 68. No. 2. P. 141–156.
158. Stich S. P. Armstrong on Belief // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 121–138.
159. Stoljar D. *Ignorance and Imagination: The Epistemic Origin of the Problem of Consciousness*. New York: Oxford University Press, 2006. 249 p.
160. Stoljar D. *Physicalism*. New York: Routledge, 2010. 264 p.
161. Swinburne R. Relations between Universals, or Divine Laws? // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2. P. 179–189.
162. Thame C. Armstrong, William George (1859–1941) // *Australian Dictionary of Biography*. URL: <https://adb.anu.edu.au/biography/armstrong-william-george-5054> (accessed: 20.01.2026).
163. The Early History of Philosophy at the University of Melbourne // The University of Melbourne. URL: <https://blogs.unimelb.edu.au/shaps-research/2020/10/26/the-early-history-of-philosophy-at-the-university-of-melbourne/> (accessed: 20.01.2026).
164. The Philosophy of D. M. Armstrong // *Australasian Journal of Philosophy*. 2006. Vol. 84. No. 2.
165. Tooley M. *Causation: A Realist Approach*. Oxford: Clarendon Press, 1987. 360 p.

166. Tooley M. The Nature of Laws // Canadian Journal of Philosophy. 1977. Vol. 7. No. 4. P. 667–698.
167. Tweedale M. M. Armstrong on Determinable and Substantial Universals // D. M. Armstrong / ed. by R. J. Bogdan. Dordrecht: D. Reidel, 1984. P. 171-189.
168. Tye M. Qualia // The Stanford* Encyclopedia of Philosophy. Fall 2025 Edition / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.sydney.edu.au/archives/fall2025/entries/qualia/> (accessed: 20.01.2026).
169. University of Oxford. History of Oxford Philosophy. URL: <https://www.philosophy.ox.ac.uk/history-of-oxford-philosophy> (accessed: 20.01.2026).
170. Williams D. C. On the Elements of Being: I // The Review of Metaphysics. 1953. Vol. 7. No. 1. P. 3–18.
171. Wittgenstein L. The Blue and Brown Books. Oxford: Basil Blackwell, 1958. 185 p.
172. Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. London: Routledge and Kegan Paul, 1961 (1921). 166 p.

Приложение 1.

Цель дальнейшего рассуждения — установить, какое условие на отношение достижимости выражает формула

$$\Phi(p) = (\Diamond p \wedge \Diamond \neg p) \rightarrow \Box(\Diamond p \wedge \Diamond \neg p).$$

По своему содержанию эта формула требует, чтобы возможность как p , так и $\neg p$ не была локальной особенностью одного мира, а сохранялась во всех мирах, достижимых из него. Ниже будет показано, что на рефлексивных шкалах валидность $\Phi(p)$ влечёт симметричность отношения достижимости, а на шкалах, где это отношение является отношением эквивалентности, формула $\Phi(p)$ валидна. Тем самым в классе рефлексивно-транзитивных шкал эта формула выделяет в точности те шкалы, которые соответствуют S5. Иначе говоря, речь идёт не о полном описании всех шкал, на которых валидна $\Phi(p)$, а о том, какое дополнительное условие она фиксирует в рамках уже принятого контекста S4.

Определения. Работаем в пропозициональном модальном языке $L(\neg, \wedge, \Box)$ с множеством переменных $\text{Var} = \{p, q, \dots\}$. Формулы строятся по следующим правилам: если $p \in \text{Var}$, то p — формула; если A и B — формулы, то $\neg A$, $(A \wedge B)$ и $\Box A$ — формулы.

Будем пользоваться следующими сокращениями:

1. $A \rightarrow B = \neg(A \wedge \neg B)$.
2. $\Diamond A = \neg \Box \neg A$.

Крипкеевская шкала — это пара $F = \langle W, R \rangle$, где $W \neq \emptyset$ и $R \subseteq W \times W$. Оценка — это функция $V: \text{Var} \rightarrow P(W)$. Модель на шкале F — это тройка $M = \langle W, R, V \rangle$.

Отношение истинности $\models$ задаётся индуктивно:

- (i) $M, w \models p$ тогда и только тогда, когда $w \in V(p)$.
- (ii) $M, w \models \neg A$ тогда и только тогда, когда неверно, что $M, w \models A$.
- (iii) $M, w \models (A \wedge B)$ тогда и только тогда, когда $M, w \models A$ и $M, w \models B$.

(iv) $M, w \models \Box A$ тогда и только тогда, когда для всякого $u \in W$ из wRu следует $M, u \models A$.

Для сокращений $\rightarrow$ и $\Diamond$ истинность понимается через эти определения.

Валидность на шкале определяется так:

$F \models A$ тогда и только тогда, когда для всякой оценки V и всякого $w \in W$ выполняется $\langle W, R, V \rangle, w \models A$.

Рассмотрим формулу

$$\Phi(p) = (\Diamond p \wedge \Diamond \neg p) \rightarrow \Box(\Diamond p \wedge \Diamond \neg p).$$

Лемма 1. Для любой модели $M = \langle W, R, V \rangle$, любого $w \in W$ и любой формулы A имеет место эквивалентность:

$M, w \models \Diamond A$ тогда и только тогда, когда существует $u \in W$ такое, что wRu и $M, u \models A$.

Доказательство. По определению $\Diamond A$ как $\neg \Box \neg A$ имеем:

$$\begin{aligned} & M, w \models \Diamond A \\ \Leftrightarrow & M, w \models \neg \Box \neg A \\ \Leftrightarrow & \text{неверно, что } M, w \models \Box \neg A \\ \Leftrightarrow & \text{неверно, что для всякого } u \in W \text{ из } wRu \text{ следует } M, u \models \neg A \\ \Leftrightarrow & \text{существует } u \in W \text{ такое, что неверно, что из } wRu \text{ следует } M, u \models \neg A \\ \Leftrightarrow & \text{существует } u \in W \text{ такое, что } wRu \text{ и неверно, что } M, u \models \neg A \\ \Leftrightarrow & \text{существует } u \in W \text{ такое, что } wRu \text{ и } M, u \models A. \end{aligned}$$

Лемма доказана.

Предложение 1. Пусть $F = \langle W, R \rangle$ — рефлексивная шкала, то есть для всякого $x \in W$ выполняется xRx . Если $F \models \Phi(p)$, то отношение R симметрично, то есть для любых $x, y \in W$ из xRy следует yRx .

Доказательство. Докажем контрапозицию. Предположим, что F рефлексивна и R несимметрично. Покажем, что тогда $F \not\models \Phi(p)$.

Поскольку R несимметрично, существуют $w, u \in W$ такие, что

$$(1) wRu,$$

(2) неверно, что uRw .

Из рефлексивности имеем

$$(3) wRw.$$

Из (2) и (3) следует, что $u \neq w$. В самом деле, если бы $u = w$, то из (2) следовало бы неверно, что wRw , что противоречит (3).

Определим оценку V следующим образом:

$$(4) V(p) = \{w\}.$$

Положим $M = \langle W, R, V \rangle$.

Шаг 1. $M, w \models \Diamond p$.

Доказательство. По (3) имеем wRw . По (4) имеем $w \in V(p)$, а значит, по пункту (i), $M, w \models p$. Следовательно, по лемме 1 получаем $M, w \models \Diamond p$, поскольку в качестве мира, достижимого из w и удовлетворяющего p , можно взять сам w .

Шаг 2. $M, w \models \Diamond \neg p$.

Доказательство. По (1) имеем wRu . Так как $u \neq w$ и $V(p) = \{w\}$, получаем $u \notin V(p)$. Тогда по пункту (i) $M, u \not\models p$. Следовательно, по пункту (ii) $M, u \models \neg p$. Поэтому по лемме 1 получаем $M, w \models \Diamond \neg p$, поскольку в качестве мира, достижимого из w и удовлетворяющего $\neg p$, можно взять u .

Из шагов 1 и 2 по пункту (iii) следует:

$$(5) M, w \models (\Diamond p \wedge \Diamond \neg p).$$

Шаг 3. $M, u \not\models \Diamond p$.

Доказательство. Предположим противное: $M, u \models \Diamond p$. Тогда по лемме 1 существует $t \in W$ такое, что

$$(6) uRt \text{ и } M, t \models p.$$

Из (4) следует, что формула p истинна в модели M ровно в мире w . Действительно, для всякого $s \in W$ имеем:

$$M, s \models p \Leftrightarrow s \in V(p) \Leftrightarrow s = w.$$

Применяя это к t , из (6) получаем $t = w$. Следовательно, uRw , что противоречит (2). Значит, $M, u \not\models \Diamond p$.

Из шага 3 следует:

$$(7) M, u \not\models (\Diamond p \wedge \Diamond \neg p),$$

поскольку конъюнкция $(\Diamond p \wedge \Diamond \neg p)$ может быть истинна в u только при условии, что в u истинно $\Diamond p$, а это не так.

$$\text{Шаг 4. } M, w \not\models \Box(\Diamond p \wedge \Diamond \neg p).$$

Доказательство. По (1) имеем wRu . По (7) имеем $M, u \not\models (\Diamond p \wedge \Diamond \neg p)$. Следовательно, по определению $\Box$ из пункта (iv) получаем $M, w \not\models \Box(\Diamond p \wedge \Diamond \neg p)$.

$$\text{Шаг 5. } M, w \not\models \Phi(p).$$

Доказательство. Положим

$$A = (\Diamond p \wedge \Diamond \neg p),$$

$$B = \Box(\Diamond p \wedge \Diamond \neg p).$$

Тогда по определению импликации $\Phi(p)$ есть формула $A \rightarrow B$, то есть

$$\Phi(p) = \neg(A \wedge \neg B).$$

Из (5) имеем $M, w \models A$. Из шага 4 имеем $M, w \not\models B$. Следовательно, по пункту (ii) $M, w \models \neg B$. Тогда по пункту (iii) $M, w \models (A \wedge \neg B)$. Значит, по пункту (ii) $M, w \not\models \neg(A \wedge \neg B)$, то есть $M, w \not\models (A \rightarrow B)$. Следовательно, $M, w \not\models \Phi(p)$.

Из шага 5 следует, что $F \not\models \Phi(p)$, поскольку мы указали конкретную оценку V и конкретный мир $w \in W$, для которых $\langle W, R, V \rangle, w \not\models \Phi(p)$. Это противоречит предпосылке $F \models \Phi(p)$. Следовательно, наше допущение о несимметричности было неверным. Итак, отношение R симметрично.

Предложение доказано.

Предложение 2. Пусть $F = \langle W, R \rangle$ такова, что R является отношением эквивалентности, то есть рефлексивно, симметрично и транзитивно. Тогда $F \models \Phi(p)$.

Доказательство. Возьмём произвольную оценку V и произвольный мир $w \in W$. Положим $M = \langle W, R, V \rangle$. Нужно показать, что $M, w \models \Phi(p)$.

Обозначим

$$A = (\Diamond p \wedge \Diamond \neg p),$$

$$B = \Box(\Diamond p \wedge \Diamond \neg p).$$

Если $M, w \not\models A$, то $M, w \models A \rightarrow B$ по определению импликации, а значит, $M, w \models \Phi(p)$.

Остаётся рассмотреть случай, когда

$$(8) M, w \models (\Diamond p \wedge \Diamond \neg p).$$

Тогда по пункту (iii) имеем одновременно $M, w \models \Diamond p$ и $M, w \models \Diamond \neg p$. Следовательно, по лемме 1 существуют $a, b \in W$ такие, что

$$(9) wRa \text{ и } M, a \models p,$$

$$(10) wRb \text{ и } M, b \models \neg p.$$

Докажем, что $M, w \models \Box(\Diamond p \wedge \Diamond \neg p)$. Возьмём произвольный $y \in W$ и предположим, что

$$(11) wRy.$$

Нужно показать, что $M, y \models (\Diamond p \wedge \Diamond \neg p)$.

Так как R симметрично, из (11) следует

$$(12) \ yRw.$$

Так как R транзитивно, из (12) и (9) получаем

$$(13) \ yRa,$$

а из (12) и (10) получаем

$$(14) \ yRb.$$

Теперь из (13) и $M, a \models p$ по лемме 1 следует $M, y \models \Diamond p$. Аналогично, из (14) и $M, b \models \neg p$ по лемме 1 следует $M, y \models \Diamond \neg p$. Тогда по пункту (iii)

$$(15) \ M, y \models (\Diamond p \wedge \Diamond \neg p).$$

Поскольку y в (11) был выбран произвольно среди всех миров, достижимых из w , из (15) и пункта (iv) следует

$$(16) \ M, w \models \Box(\Diamond p \wedge \Diamond \neg p).$$

Таким образом, из (8) и (16) получаем $M, w \models A \rightarrow B$, то есть $M, w \models \Phi(p)$.

Поскольку V и w были произвольны, заключаем, что $F \models \Phi(p)$.

Предложение доказано.

Теорема. Для всякой рефлексивно-транзитивной шкалы $F = \langle W, R \rangle$ следующие условия эквивалентны:

1. $F \models \Phi(p)$.
2. Отношение R симметрично.

Доказательство. Импликация $1 \rightarrow 2$ непосредственно следует из предложения 1, поскольку там используется только рефлексивность шкалы. Для импликации $2 \rightarrow 1$ заметим, что при предположении рефлексивности, транзитивности и симметричности отношение R является отношением эквивалентности. Следовательно, по предложению 2 имеем $F \models \Phi(p)$.

Теорема доказана.

Следствие. В классе рефлексивно-транзитивных шкал формула $\Phi(p)$ определяет в точности $S5$ -шкалы. Так как по теореме, для рефлексивно-транзитивной шкалы F валидность формулы $\Phi(p)$ эквивалентна симметричности отношения R . Но рефлексивность, транзитивность и симметричность вместе эквивалентны тому, что R является отношением эквивалентности. Именно такие шкалы и являются шкалами для $S5$.

Итак, установлены обе стороны требуемого результата. Если шкала рефлексивна и формула $\Phi(p)$ валидна на ней, то отношение достижимости должно быть симметричным. Если же отношение достижимости является отношением эквивалентности, то формула $\Phi(p)$ валидна на любой оценке. Следовательно, в пределах класса рефлексивно-транзитивных шкал формула $\Phi(p)$ выражает именно то дополнительное условие, которое отличает $S5$ от $S4$, а именно симметричность отношения достижимости.

Приложение 2.

Список упомянутых в диссертации физических и юридических лиц со специальным статусом

Организации, деятельность которых признана нежелательной на территории России:	№ стр. в дисс.:
1. Leland Stanford Junior University (Stanford University, «Университет им. Леланда Стэнфорда-младшего», «Стэнфордский университет»)*, США	№23, №37, №41, №42, №54, №55, №60, №77, №100, №102, №122, №139, №144, №168, №190, №192, №193, №195, №196, №198, №206
2. Yale University («Йельский Университет»)**, США	№34, № 39, №40, №41, №195, №206